КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

Историческій журналъ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XCII.

1906 г.

МАРТЪ-АПРѢЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Н. А. Гиричъ, Трехсвятительская улица, соб. домъ № 14.
1906.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I ВОСПОМИНАНІЯ И АВТОБІОГРАФІЯ ОДЕССКАГО ПРОТОІЕРЕЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СОКОЛОВА. (Продолженіе). . . . . 275—298

II ПРАЗДНИКЪ ПАСХИ ВЪ СЕЛѢ КОСАРЕВѢ. ДУБЕНСКАГО УѢЗДА, ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНІИ. *Вячеслава Каминскаго* . . . . . 299—320

III М. БАКУНИНЪ И РУССКІЕ ПРОГРЕССИСТЫ 60-ХЪ ГОДОВЪ ВЪ ВОПРОСѢ О ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ . . . . . 321—367

IV ВОНО САМЕНЬКЕ. (Психологичный нарысъ). *Грыцька Грыгоренка.* . . . . . 368—384

V ЗЕМЛЯКЪ И ПРЕДТЕЧА ГОГОЛЯ. *Владимира Данилова* . . . . . 385—398

VI ПОВѢСТИ И СКАЗАНІЯ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ, ИМѢЮЩІЯ ОТНОШЕНІЕ КЪ ЕВРЕЯМЪ И ЕВРЕЙСТВУ. *Б. Бараца.* . . . . . 399—411

VII ПАМЯТИ П. Я. РУДЧЕНКА. Очрекъ. *С. Свириденко.* . 412—420

VIII ИЗЪ ЖИЗНИ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ ВЪ 1850-ХЪ ГОДАХЪ *О. Левицкій.* . . 421—432

IX ТЫХЕНЬКЕ ЖЫТТЯ. Оповидання. *Леоныда Пахаревського.* . . . . . 433—444

Отдѣлъ II.

I БИБЛІОГРАФІЯ: а) Библіотека Имп. Общества исторіи и древностей Россійскихъ. Вып. II. Описаніе рукописей и бумагъ, поступившихъ съ 1846 по 1902 г. Трудъ Е. И. Соколова. *С. М.* б) Труды Полтавской ученой архивной коммиссіи. вып. II. *В. Сотниченка.*; в) Украинський Декламаторъ „Розвага“ уложывъ Олекса Коваленко *В. Д-ий.* 45—60

II. ДОКУМЕНТЫ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ характеристикѣ отношеній между монахами Мгарскаго монастыря и Лубенскими козаками въ 1649—1661 гг. Сообщ. *В. Модзалевскій;* б) О свято-духовской церкви Кіево-Братскаго монастыря. Сообщ. *Н. П.*; в) Письмо Полтавскаго Полковника Андрея Горленка къ Кіевскому митрополиту Тимофею Щербацкому. Сообщ. *В. Бѣдновъ;* г) Письмо генеральнаго обознаго Семена Васильевича Кочубея къ митрополиту кіевскому Гавріилу Кременецкому. Сообщ. *В. Бѣдновъ*: д) Таинственный крестъ въ с. Молчанахъ. Сообщ. *И. Каманинъ* е) Памятникъ Т. Г. Шевченку и подписка на него. . . . . 61—78

Текущія извѣстія . . . . . 79—93

Объявленія . . . . . 1—7

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XCII.

1906 г.

МАРТЪ—АПРѢЛЬ.

Кіевъ.
Типо-литографія Т-ва Н. А. Гиричъ. Трехсвятительская у., № 14.
1906.

СОДЕРЖАНІЕ 92-го ТОМА

январь, февраль, мартъ и апрѣль.

Книга первая — январь.

Отдѣлъ I.

I. А. И. ГЕРЦЕНЪ И ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ ПОЛЬСКО-УКРАИНСКОМУ ВОПРОСУ. (Отрывокъ изъ ст. М. П. Драгоманова „Историческая Польша и великорусская демократія) . . . . . 1—35

II. ВОСПОМИНАНІЯ И АВТОБІОГРАФІЯ ОДЕССКАГО ПРОТОІЕРЕЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СОКОЛОВА . . . . 36—63

III. СГОВОРЪ МАЛОЛѢТНИХЪ. (Страница изъ исторіи брачного права на украинѣ XVI. в.) *Ор. Левицкаго* . . . . . 64—72

VI. ВЕСНЯНА ПОВИДЬ. Повисть. Част. I. *М. Чернявського* . 73—128

V. НА СВЯТЪ ВЕЧИРЪ. (Риздвяне оповидання). *Л. Яновською.* 129—133

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Опытъ обязательнаго обученія козацкихъ дѣтей грамотѣ въ Лубенскомъ полку, въ 1762 году. Сообщ. *Н. П.*; б) О колядкахъ и щедривкахъ въ Черниговской губерніи. Сообщ. *Иванъ Абрамовъ;* в) Къ исторіи взаимныхъ отношеній малороссійскихъ свѣтскихъ и духовныхъ властей въ XVIII. вѣкѣ. Сообщ. *Вл. П-ко;* г) Заговоръ отъ бешыхи (Записанъ въ д. Ново-Александровкѣ, Бахмутскаго уѣзда Екатеринославской губ. 1—13

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . . 13—19

ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . . 1—8

Книга вторая — февраль.

Отдѣлъ I.

I КИРИЛЛО-МЕѲОДІЕВСКІЕ ЗАГОВОРЩИКИ. *Н. Стороженка.* . . . . . 135—152
II ВЕСНЯНА ПОВИДЬ. Повисть. Часть II. *М. Чернявського.* 153—212
III ВОСПОМИНАНІЯ и АВТОБІОГРАФІЯ ОДЕССКАГО ПРОТОІЕРЕЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СОКОЛОВА (Продол.) 213—230
IV НИКОЛАЙ ИЛЬИЧЪ СТОРОЖЕНКО (съ портретомъ) *Олены Пчилки* . . . . . 231—256
V ПАМЯТИ В. Л. БЕРЕНШТАМА (съ портретомъ) *В. Науменка* . . . . . 257—275

Отдѣлъ II.

I ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ: а) Полное изданіе „Кобзаря“ Т. Г. Шевченка; б) Одно изъ послѣднихъ писемъ Н. И. Стороженка; в) Еще о колядкахъ и щедривкахъ въ Черниговщинѣ. Сообщ. *С. Рклицкій*; г) Народныя картинки на темы изъ украинской жизни. *Владиміра Данилова*; д) Меню Д. Мордовця. Сообщ. *М. К.* . . . 21—29
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ. . . . . 30—33
II БИБЛІОГРАФІЯ: „Багаття“ украинскій альманахъ. 1905 рикъ. Упор. Ив. Лыпа. *Л. Жигмайло* . . . . . 34—43
ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . . 1—9

Книга третья и четвертая—мартъ-апрѣль.

Отдѣлъ I.

I ВОСПОМИНАНІЯ И АВТОБІОГРАФІЯ ОДЕССКАГО ПРОТОІЕРЕЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СОКОЛОВА. (Продолженіе). . . . . 275—298
II ПРАЗДНИКЪ ПАСХИ ВЪ СЕЛѢ КОСАРЕВѢ. ДУБЕНСКАГО УѢЗДА, ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНІИ. *Вячеслава Каминскаго* . . . . . 299—320
III М. БАКУНИНЪ И РУССКІЕ ПРОГРЕССИСТЫ 60-ХЪ ГОДОВЪ ВЪ ВОПРОСѢ О ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ . . . . . 321—367
IV ВОНО САМЕНЬКЕ. (Психологичный нарысъ). *Грыцька Грыгоренка.* . . . . . 368—384

V ЗЕМЛЯКЪ И ПРЕДТЕЧА ГОГОЛЯ. *Владимира Данилова* . . . . . 385—398
VI ПОВѢСТИ И СКАЗАНІЯ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ, ИМѢЮЩІЯ ОТНОШЕНІЕ КЪ ЕВРЕЯМЪ И ЕВРЕЙСТВУ. *Б. Бараца*. . . . . 399—411
VII ПАМЯТИ И. Я. РУДЧЕНКА. Очрекъ. *С. Свириденко*. . 412—420
VIII ИЗЪ ЖИЗНИ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ ВЪ 1850-ХЪ ГОДАХЪ *О. Левицкій*. . . 421—432
IX ТЫХЕНЬКЕ ЖЫТТЯ. Оповидання. *Леоныда Пахаревського*. . . . . 433—444

Отдѣлъ II.

I БИБЛІОГРАФІЯ: а) Библіотека Имп. Общества исторіи и древностей Россійскихъ. Вып. II. Описаніе рукописей и бумагъ, поступившихъ съ 1846 по 1902 г. Трудъ Е. И. Соколова. *С. М.* б) Труды Полтавской ученой архивной коммиссіи. вып. II. *В. Сотниченка*.; в) Украинський Декламаторъ „Розвага“ уложывъ Олекса Коваленко *В Д-ий*. 45—60
II. ДОКУМЕНТЫ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ характеристикѣ отношеній между монахами Мгарскаго монастыря и Лубенскими козаками въ 1649—1661 гг. Сообщ. *В. Модзалевскій;* б) О свято-духовской церкви Кіево-Братскаго монастыря. Сообщ. *Н. П.*; в) Письмо Полтавскаго Полковника Андрея Горленка къ Кіевскому митрополиту Тимофею Щербацкому. Сообщ. *В. Бѣдновъ;* г) Письмо генеральнаго обознаго Семена Васильевича Кочубея къ митрополиту кіевскому Гавріилу Кременецкому. Сообщ. *В. Бѣдновъ*; д) Таинственный крестъ въ с. Молчанахъ. Сообщ. *И. Каманинъ* е) Памятникъ Т. Г. Шевченку и подписка на него. . . . . 61—78
Текущія извѣстія . . . . . 79—93
Объявленія . . . . . 1—7

Воспоминанія и Автобіографія Одесскаго Протоіерея Николая Ивановича Соколова.

Жизнь моя.

Рожденіе и крещеніе автора въ г. Мценскѣ.—Воспоминанія о первыхъ впечатлѣніяхъ бытія.—Переѣздъ въ с. Спасское.—Работница старушка *Угариха*. — Еще факты изъ дѣтской жизни автора.—Переходъ въ новый домъ и болѣзни автора и его сестеръ.—Простота и грубость ихъ воспитанія —Хозяйственныя хлопоты родителей. – Отроческія шалости автора и его игры со своими сверстниками — зимою, весною, лѣтомъ. — Повѣрья о вербѣ—въ Вербное воскресенье.—Пасха и хожденіе причта съ иконами по приходу.—Какъ авторъ началъ учиться грамотѣ.—Послѣднее лѣто въ с. Спасскомъ—предъ поступленіемъ автора въ Сѣвское духовное училище.—„Завиваніе вѣнковъ“ на Троицынъ день. Повѣрья о „русалкахъ“, „Опахиваніе“ дворовъ во время падежа на рогатый скотъ.—Какъ автору пришлось испытать жизнь и трудъ пастуха сельскаго стада. —

Я родился въ полночь 12 февраля 1805 года въ г. Мценскѣ, при Николаевскомъ соборѣ. Родители мои—діаконъ этого собора *Іоаннъ* и *Авдотья Васильевна* были цвѣтущаго здоровья и въ возрастѣ самомъ благопріятномъ для моего рожденія: отцу было 26 лѣтъ, а матери 22 года. Послѣ двухъ сестеръ, *Анастасіи*, родившейся въ 1800 г., и *Екатерины*—въ 1802 г., рожденіе мое встрѣчено родителями моими, ихъ родственниками, друзьями и покровителями не безъ удовольствія. Мнѣ наречено имя *Николай*—въ честь Святителя Николая, чудотворный образъ котораго — *въ видѣ статуи — съ мечемъ въ правой рукѣ и съ церковію въ лѣвой*—находится и теперь въ Мценскомъ соборѣ. [1]) Крестилъ ме-

[1]) Объ этой *статуѣ святителя Николая*—въ г. Мценскѣ, Орловской губ.,—авторъ воспоминаній сообщаетъ очень интересныя свѣдѣнія ниже въ другомъ отдѣлѣ своей автобіографіи.—Л. М.

ня протоіерей соборный *Димитрій*; воспріемницею была жена его. При воцерковленіи и каждый разъ, какъ приносили въ соборъ, полагали меня на нѣсколько секундъ у подножія св. Николая

Я вскормленъ былъ молокомъ здоровой матери—и, какъ ни занята была моя мать школою въ 40 учениковъ, она сама выняньчила меня, почти не спуская съ рукъ. Если я избѣжалъ увѣчья въ дѣтскомъ возрастѣ, то этимъ обязанъ бдительности матери.

Я съ двухъ съ половиною лѣтъ началъ помнить себя. Помню внутреннее расположеніе комнатъ въ домѣ. Большая комната съ длиннымъ столомъ для учениковъ и широкими лавками съ двухъ сторонъ стола. По этимъ лавкамъ я бѣгалъ, и въ параллель за мною бѣгала мать, ограждая меня отъ паденія. Въ большую комнату зеркаломъ изъ зеленыхъ кафель выходила печь: подлѣ печи была дверь, которая вела въ другую—меньшую—комнату, которую называли *топлюшкою*; тамъ была лежанка. Черезъ сѣни отъ этого отдѣленія было другое отдѣленіе, раздѣлявшееся на двѣ комнаты: въ малой была кухня, въ большой—лежанка. Въ этой послѣдней комнатѣ я ловилъ цыплятъ, только-что вышедшихъ изъ яицъ; я купалъ ихъ въ водѣ, какъ меня купали, и когда они засыпали, клалъ ихъ на лежанкѣ. Помню, какъ застали меня за этою работою и какъ я испугался и смутился, когда на меня кричали—и я не вдругъ понялъ, что цыплята померли. Я тогда не могъ понимать смерти, но чувствовалъ, что они не будутъ уже бѣгать, не будутъ клевать корму изъ раскрашеннаго печенаго яйца; я видѣлъ, какъ ихъ выкинули на дворъ—и мнѣ было очень жаль ихъ.—Всѣ другія впечатлѣнія дѣтской моей жизни во Мценскѣ изгладились...

30 Августа 1807 года отецъ мой посвященъ былъ во священники въ село *Спасское*. Въ это село переѣздъ нашего семейства происходилъ осенью. Я, должно быть, переведенъ былъ на время въ с. *Калугино*, *Подчерневъ* тожъ. Я помню, какъ я, окутанный въ шубу, сидѣлъ въ саняхъ; дѣдъ сидѣлъ на облучкѣ и правилъ лошадью; мелькали деревья, одѣтыя инеемъ, поля, покрытыя снѣгомъ. Голова моя едва видна была изъ саней. Мнѣ хотѣлось видѣть новые для меня предметы; я приподнимался и высовывался изъ шубы, а дѣдъ кричалъ: „сиди смирно!“ Не знаю, долго ли я жилъ у дѣда, и не помню, какъ очутился въ *Спасскомъ*.—Два года семейство наше жило въ домѣ вышедшаго за штатъ священника *Алексія*—вмѣстѣ съ его семействомъ. Впрочемъ семейство его было не большое: онъ, тридцатилѣтняя дочь его, вышедшая потомъ замужъ за фершала, и сынъ *Иванъ* 40 лѣтъ, мѣщанинъ, наѣзжавшій изъ города. Впрочемъ первую зиму я и

сестры провели у родныхъ: я и *Екатерина* въ *Подчерневомъ*—у бабки, а *Анастасія*—въ Мценскѣ у кого-то изъ сестеръ матери. Изъ пребыванія моего у бабки только и осталось въ памяти, что я и сестра спали съ бабкой и спорили за обладаніе полными грудьми и нѣжились около нихъ, заставляя бабку лежать на спинѣ пока не засыпали.—Въ 1808 г. мать моя съ своею сестрою *Пелагеею* лѣтомъ отправились въ Москву, гдѣ пробыли у брата *Афанасія Васильевича Оболенскаго* долгенько. Я и сестра Катя оставались въ Спасскомъ на попеченіи работницы старушки *Угарихи*.—Не помню, живъ ли былъ отецъ Алексѣй, который такъ любилъ меня, на которомъ, когда онъ лежалъ на печи, я ѣздилъ, сѣвъ на животъ, какъ на сѣдло лошади. Только помню, что я и сестра, играя на дворѣ, боялись войти въ избу и напередъ кричали: „*бабушка, ты тутъ*?“ И когда она откликалась, смѣло отворяли дверь, бросаясь къ ней на шею, и просили по обычаю молока съ творогомъ. О, какъ я привязался къ этой старушкѣ, какъ мнѣ нравилось морщинистое лицо ея!. Возвратилась изъ Москвы мать, но я не помню, чтобы я былъ радъ ей,—дѣтская привязанность моя всецѣло принадлежала *Угарихѣ*.—Съ матерью пріѣхала дѣвочка 8 лѣтъ, хорошенькая. Это была сестра моя *Анастасія*. Она мнѣ очень понравилась. Мнѣ, можетъ быть, толковали, что это сестра моя; но тогда я не понималъ, что такое сестра. Когда Настя сидѣла на лавкѣ, я взлѣзалъ на лавку, ласкался къ ней и цѣловалъ ее, все спрашивая: „дѣвочка, а будешь съ нами кашу ѣсть?“

Дворъ о. Алексѣя былъ обнесенъ сараями. Около воротъ стоялъ дубовый амбаръ. Изба стояла во дворѣ—на одной сторонѣ его. Изба была не курная, и труба выходила не прямо надъ припечкой (*загнеткой*), а тянулась боровомъ отъ печи до двери въ уровень съ полатями, и близъ дверей выходила наружу. Я помню, какъ доски, поддерживавшія боровъ, стали тлѣть, на нихъ и на боровъ лили водою; я понималъ, что можетъ загорѣться домъ, но былъ спокоенъ.—Подлѣ воротъ была собака на цѣпи; кто-то далъ ей хлѣбъ съ иглою: игла остановилась въ глоткѣ. Призванъ былъ лекарь изъ мужиковъ; онъ старался прогнать иглу далѣе и для этого помазкомъ съ дегтемъ совалъ собакѣ въ горло. Я помню, какъ собака металась и мучилась, пока не околѣла. Это меня сильно тронуло—и я со страхомъ смотрѣлъ на ветеринара-мужика. Еще одно впечатлѣніе поразило меня и неизгладимо залегло въ памяти. Сивая корова, которую въ присутствіи моемъ и сестры Кати—всегда доила бабушка Угариха, приговаривая: „вотъ сивка дастъ вамъ молочко, будетъ творогъ и

сметана",—стояла подъ сараемъ, вѣроятно привязанная къ столбу. Сынъ заштатнаго священника Иванъ съ топоромъ въ рукахъ на кого-то кричалъ: вдругъ подбѣгаетъ къ коровѣ, ударяетъ ее топоромъ, и сивка упала. Я испугался; но когда увидѣлъ, какъ кровь ручьемъ потекла изъ шеи, я бѣжалъ со слезами, и послѣ этого не могъ видѣть разбойника Ивана; да и не помню, чтобы послѣ этого я видѣлъ его.—Куда дѣлся домъ о. Алексѣя и дворъ кольцомъ и куда дѣлся самъ о. Алексѣй,—не знаю: говорили—померъ; а отъ двора остался дубовый амбаръ, который безъ починки служилъ отцу моему на всю его жизнь.

Въ 1809 г. отстроился домъ нашъ противъ дома о. Алексѣя черезъ улицу. Онъ былъ на каменномъ фундаментѣ. Этотъ фундаментъ, лежавшій подъ стѣнами всего дома, не былъ подъ крыльцемъ, и я, залѣзши подъ домъ, любилъ тамъ проводить время. Тамъ была со мною и собака. Я потянулъ ее за хвостъ. Собака бросилась на меня и впилась мнѣ въ глазъ; изъ глубокихъ ранъ надъ лѣвою бровью и подъ лѣвымъ глазомъ полилась кровь. Собаку не наказывали, а только взяли часть ея шерсти и, сожегши въ порошокъ, присыпали мнѣ раны.—

Въ томъ же 1809 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ, какъ видно изъ памятной книжки отца, перешли въ новый домъ. И эту осень и эту зиму отецъ болѣлъ два раза, а мать—однажды. И немудрено; домъ еще не успѣлъ высохнуть; диво, что никто изъ семейства не умеръ, а то сказали бы, что плотники заложили домъ на чью либо голову, какъ вѣрили тогда. Можетъ быть и мы, дѣти, побаливали—и какъ было не болѣть? Подъ поломъ не было насыпи: фундаментъ не вездѣ былъ сплошной, какъ выше говорилъ я, и вѣтеръ свободно ходилъ подъ нимъ. Мы же, дѣти, не имѣли кроватей, а спали на войлокахъ, на полу. Помню, я часто заболѣвалъ отъ простуды; но болѣзнь всегда приписывали недоброму глазу, и вылѣчили меня тѣмъ, что спрыскивали меня водою, въ которую предварительно клали маленькій кусокъ глины отъ варистой печи и уголь.—Помню, сестра Настасья болѣла зубами и ее лечили вотъ какъ: насыпали въ горшокъ конопли, наливали горячую воду и, опуская туда раскаленные камни, сажали надъ паромъ страдавшую отъ зубной боли, укрывали ее одѣяломъ. Бѣдная—сидѣла надъ паромъ нѣсколько минутъ, раскрывши ротъ,—боль унималась. Говорили тогда, будто изъ зубовъ выходили червячки, которыхъ и находили въ горшкѣ, принимая за нихъ бѣлое содержаніе конопляныхъ зеренъ, выходившихъ изъ разварившейся скорлупы ихъ.—Каковы бы ни были морозы, но дѣти для естественной нужды должны были вы-

ходить на дворъ. Не помню, чтобы послѣ парной ванны освобождалась отъ того сестра. И мы выросли и до того закалились, что знали только холодъ, но не простуду. Мы ходили босыми и безъ верхняго платья не только весною и осенью, но и зимою. Перезябали на дворѣ и отогрѣвались на варистой печкѣ. Нашею пищею былъ ржаной черствый хлѣбъ, лакомствомъ гречневая каша—только лѣтомъ съ молокомъ, а зимою—въ скоромные дни—съ малымъ количествомъ коровьяго масла, а въ постные—съ масломъ конопляным, которое было очень дорого—1 р. 20 коп. кварта.—Тяжелы были посты, отъ которыхъ не освобождались дѣти съ 2-хъ лѣтняго возраста. Кислая капуста, рѣдька, хрѣнъ и щи изъ кислой капусты намъ не нравились, и потому мы исключительно питались хлѣбомъ и кашею. Въ Филипповъ постъ у насъ не было молока: коровы телились послѣ Рождества. Для груднаго ребенка посылали искать молока во всей деревнѣ и часто не находили. Брата *Евграфа* кормили рожкомъ; я помню, какъ иногда онъ оставался вовсе безъ молока, и какъ иногда кормили его молокомъ прокислымъ. Сосокъ на рожкѣ постоянно былъ покрытъ молочною кислотою, а другого соска достать было трудно. Хорошо дѣлали нѣкоторыя матери, что кормили грудью дѣтей до двухъ съ половиною лѣтъ. Въ великій постъ, хотя было и много молока, но его не давали и 3-хъ—лѣтнимъ дѣтямъ. Однажды 4-хъ—лѣтняя сестра моя *Аннушка*, увидя остатки молочной каши, которою кормили грудное дитя, громко спросила мать: „вотъ каша, я поѣмъ ее, мама!"—„Ѣшь, когда хочешь", разсѣянно отвѣчала мать, роясь въ кухнѣ между бѣльемъ. Сестра поѣла и, неся горшокъ въ кухню, говорила: „ахъ, мама, какъ хороша каша!"—Мать, увидѣвши горшокъ, ахнула и зарыдала. Прибѣжалъ отецъ и нисколько не успокаивалъ ее, а напротивъ въ свою очередь поднялъ шумъ. Это было около 1812 года—въ великій Постъ.—Въ слѣдующую зиму—въ Филипповъ постъ Аннушка умерла; но не помню, чтобы больше въ постъ давали скоромное...

Горницу отапливали соломою; грубка скоро остывала. Изба была не курная, и оттого сырая и холодная. Зимою стѣны покрывались инеемъ, а окна—массами льда. Зимой коровъ доили въ избѣ,—здѣсь жили и ягнята, а въ подпольѣ поросная свинья. Въ такую избу мы приходили грѣться на печи и обѣдать; дубовый столъ, на которомъ обѣдали, стоялъ предъ оледенѣвшимъ окномъ. Обѣдали безъ скатерти, потому что столъ мыли и скоблили ежедневно и два раза. Ѣли изъ одного блюда деревянными ложками—въ одно время съ работникомъ и работницей. О, какъ

въ постные дни были не по вкусу дѣтямъ квасъ съ квашеной капустой и хрѣномъ или рѣдькою, щи и тоже съ кислою капустою! Но насъ принуждали ѣсть и угрожали не дать послѣдняго кушанья—каши... Иногда подавали саламатъ или вареное ложенное тѣсто, калину, и масленки, которые приготовляли такъ: толкли въ ступѣ конопляное сѣмя съ лукомъ, сжимали въ комки и подавали на столъ.—

Я обыкновенно, какъ здоровый ребенокъ, спалъ крѣпко и долго; меня никакъ нельзя было разбудить; отъ того постель и рубахи всегда были не только мокрыми, но и замаранными. Незнаю, принимали ли какія мѣры, чтобы во-время разбудить меня; нянекъ и горничныхъ не было; работникъ и работница цѣлый день были въ работѣ. До свѣта должны были молотить, въ 8 часовъ утра давать кормъ скоту, свиньямъ и птицамъ; въ обѣдъ—поить скотъ, послѣ обѣда—опять кормить всю живность на дворѣ. А было этой живности не мало: пара лошадей, 2 коровы, 5 свиней, 12 овецъ, 20 куръ, 3 индюшки, 2 гуся, 2 утки. Каждый видъ живности требовалъ особеннаго ухода. Мать занята была уходомъ за грудными дѣтьми и обшиваньемъ семьи. Мыли насъ на полу,—парились въ варистой печи.

Я развивался тупо; физическая сторона всегда перевѣшивала душевную. Однажды я забрался на огородъ. Тамъ посажены были между грядами прививки фруктовыхъ деревьевъ. Не знаю, для чего ихъ я выдергивалъ изъ земли, но отецъ засталъ меня за этою работою. Отецъ остановилъ меня, но оставилъ безъ наказанія.—На пятомъ году я объѣлся ягодъ отъ вишневки и со мной сдѣлался припадокъ. Долго ли я находился въ конвульсіяхъ и въ безсознательномъ состояніи,—не знаю; но когда я очнулся, мнѣ дали поцѣловать мѣдный крестъ. Крестъ этотъ прыгалъ предо мною. Меня вынесли на крыльцо, и я помню, какъ все предо мною прыгало... Мнѣ указывали на предметы, но я не могъ говорить отъ крайняго заиканья,— заикою остался я до 13-тилѣтняго возраста.

По селу протекалъ ручей, источникомъ котораго былъ ключъ воды, съ шумомъ вытекавшій изъ-подъ горы въ полу-верстномъ разстояніи отъ нашего дома. Тогда ручей былъ запруженъ плотиною при водяной мельницѣ; предъ нашимъ домомъ онъ былъ рѣчкою—съ малымъ едва замѣтнымъ теченіемъ. Въ этой рѣчкѣ я купался съ сельскими сосѣдними дѣтьми и научился плавать. Но лучшимъ удовольствіемъ было катанье съ берега въ рѣку. Покатистый берегъ смачивался водою и смазывался грязью. Выбѣгая изъ воды одинъ за другимъ, мы садились на эту покати-

стую дорожку и быстро скатывались въ воду; дорожка почему-то называлась *таланомъ*.—Въ этой рѣкѣ мочили пуки конопляныхъ стеблей, соединяя ихъ въ плоты. Эти плоты, прежде чѣмъ погружались въ воду—отъ насыпи на нихъ потребнаго количества земли—двигались по рѣкѣ при помощи шеста. Я любилъ смотрѣть на движеніе плота и правящаго на немъ работника. Я еще тогда не видалъ ни лодки, ни барки...

Въ одну весну плотину прорвало, мельницу сняли и вмѣсто рѣки явился ручей—шириною въ сажень. Съ дьяконовымъ сыномъ я любилъ ходить по этому ручью, ловить *гольцовъ* (маленькая рыбка безъ чешуи), собирать раковины, похожія на мидіи *), и разсматривать ихъ внутренность, а также ловить и анатомировать лягушекъ. Однажды мы нашли дохлую собаку, взяли на веревку, стащили на рѣчку и возили ее по водѣ, отчего сильно испортилась вода. За это я въ первый разъ испыталъ боль отъ сѣченія хворостиною; хворостина была взята изъ вѣника; меня не клали на землю, а просто подняли рубаху (тогда я ходилъ еще безъ портокъ) и дали 7 или 10 ударовъ по голому тѣлу. Боль показалась мнѣ адскимъ мученіемъ...

Меня не водили въ модныхъ и роскошныхъ костюмахъ. У меня былъ затрапезный халатъ и сапоги, но позволяли надѣвать ихъ только для церкви. Для зимы была овчинная шуба, покрытая самодѣлковымъ сукномъ синяго цвѣта, подпояска и шапка. Но обувь—всегда не по ногѣ; сапоги покупались въ городѣ, по неудачно снятой мѣркѣ, на угадъ, тѣсные и короткіе,—принуждали разнашивать. Этотъ трудъ разнашиванья сапогъ оставилъ слѣды у меня на ножныхъ пальцахъ, перешедшіе и къ дѣтямъ моимъ... Это—кривизна и сгорбленность пальцевъ.

Лѣтомъ я не носилъ ни обуви, ни верхней одежды, и никакого покрова на головѣ, а ходилъ только въ длинной рубахѣ, кажется, до 8-ми лѣтъ. До сего возраста самымъ любимымъ моимъ удовольствіемъ было—вмѣстѣ съ другими дѣтьми—или полоскаться въ рѣчкѣ (ручьѣ—шириною гдѣ въ сажень, гдѣ въ полтора), или копаться въ пыли, сгребая пыль въ кучки и дѣлая городки. Я не помню, чтобы кто-либо изъ компаньоновъ—моихъ сверстниковъ—имѣлъ что на головѣ, чтобы тяготился зноемъ солнечнымъ и искалъ тѣни. Мы всѣ любили полуденный свѣтъ

---

*) Авторъ упоминаетъ о *мидіяхъ*, какъ одесситъ—приморскій житель. *Мидіи*—это устрицы въ черепашкахъ (въ „скопкахъ"). При морскомъ волненіи, ихъ собираютъ на берегу цѣлыми тысячами. Изъ нихъ приготовляется кушанье—*пилавъ*, особенно любимое греками и молдаванами.— Л. М.

и жаръ солнца. Когда солнце на время закрывалось небольшимъ облакомъ,—всѣ мы вскакивали на ноги и, прыгая, кричали:

Солнышко ведрушко (*ясное*),
Твои дѣти плачутъ,
По бережку скачутъ.
Выглянь—покажися,
Дѣтямъ ослябнися (*осклабнися, улыбнися*)!

Кто научилъ насъ такъ обращаться къ солнцу, мы не знали, равно не понимали словъ: *ведрушко* и *ослябнися*. Малыя дѣти заимствовали это отъ болѣе взрослыхъ, и какъ улица никогда не бѣднѣла дѣтьми—тѣми и другими,—то припѣвъ сохранялся въ уличномъ дѣтскомъ преданіи отъ временъ глубокой древности.

Зимой—въ трескучіе морозы—я рѣдко показывался на улицѣ, и то на короткое время. Въ мягкую погоду я выходилъ на улицу съ салазками (санками) и катался подъ горку; но холодъ и недостатокъ теплой обуви скоро загоняли меня домой.

Проходила зима... Уже великій постъ переломился на двое, и трескъ многіе слышали въ полночь—въ среду на кресто-поклонной недѣлѣ... Уже переѣли жаворонки, которые пекли изъ тѣста въ день 40 мучениковъ... Уже—съ дня *Алексья—Божьяго человѣка* показывались съ горъ потоки. Снѣгъ, почти вездѣ лежавшій на полъ сажени глубины, сталъ влажнымъ. На выгонѣ порыты въ снѣгу колодези съ свѣтлою кристальною водою. Стали появляться проталинки съ зеленою травою... Тогда трудно было удержать меня дома. Я любилъ смотрѣть на воду въ снѣговыхъ колодезяхъ, прыгать на проталинкахъ. Чрезъ недѣлю обнажали огородъ и конопляннички. На нихъ я любилъ собирать поливенные черепочки—отъ изразцовыхъ печей, поливянной посуды и фарфоровыхъ чашекъ. Еще недѣля и на конопляникѣ появлялись желтенькіе цвѣточки; березы начали распускаться. Тогда вырубали въ березкахъ лунки, которые чрезъ нѣсколько минутъ наполнялись сладкимъ сокомъ. Съ какимъ наслажденіемъ я пилъ этотъ сокъ посредствомъ *дудочки*—изъ конопляныхъ стеблей! Тогда то я простуживалъ ноги и руки до ломоты; но болѣзнь проходила скоро и безъ послѣдствій...

Наступало *Вербное Воскресеніе*. Раздавали въ церкви вербу. Эта верба въ видѣ палочки сажалась въ землю и выростала безъ поливки. Этою вербою выгоняли въ первый разъ скотъ въ поле, хотя бы на немъ было болѣе снѣгу, чѣмъ травы. Съ этой вербою,—

говорили,—можно пріобрѣсть *шапку—невидимку*. Для этого надобно черную кошку въ завязанномъ мѣшкѣ понесть къ церкви во время утрени перваго дня Пасхи, а вербу спрятать подъ полу. Тебя непремѣнно встрѣтитъ человѣкъ въ шапкѣ странной формы и спроситъ: „что въ мѣшкѣ?“ Отвѣчай: *барашекъ*. Онъ станетъ покупать барана съ мѣшкомъ, будетъ предлагать серебра и золота; но ты не бери, а проси за него шапку съ головы. Когда онъ подастъ тебѣ шапку,—ты поспѣши надѣть ее на себя, отдай ему мѣшокъ и, выхвативъ вербу, ударь его. Онъ тотчасъ исчезнетъ. Это чертъ; подъ шапкой—невидимкой онъ не будетъ видѣть тебя—и ты спѣши домой.—Та-же шапка посредствомъ вербы добывается еще такъ: палочку изъ вербы, принесенной изъ церкви, втыкаютъ въ змѣиную головку и сажаютъ ее въ землю. Когда выростутъ листья на вербѣ, срѣзываютъ ее у корня. Съ этою вѣткою идутъ встрѣчать стадо. Какъ свиньи бѣжатъ впереди, то на самой передней изъ нихъ усматриваютъ домового. Тогда приманываютъ къ себѣ свинью, схватываютъ съ домового шапку, а его прогоняютъ вербою. И какое благо эта шапка! И чего—чего нельзя добыть съ нею!..

Настала св. Пасха. По окончаніи утрени и обѣдни, которая служилась съ разсвѣтомъ и восходомъ солнца,—весь причтъ съ крестомъ, евангеліемъ и запрестольными иконами, съ женами и дѣтьми мужескаго пола—отправлялся въ приходъ и ходилъ съ двора на дворъ, не минуя ни одного дома. Въ каждомъ домѣ служился молебенъ, а въ иномъ—два: первый—всега посреди двора, другой—въ конюшнѣ.—Инымъ хозяевамъ приходилось принимать св. иконы передъ вечеромъ, и они, какъ и семейства ихъ, цѣлый день принуждены были ничего не ѣсть, чтобы встрѣтить святыню и помолиться натощакъ.

Я сказалъ, что молебны служились не въ домѣ, а среди двора. Для этого ставилась среди двора телѣга безъ оглоблей. На нее полагали двери, снятыя съ петель, или конюшенныя ворота, и покрывались скатертями. На столѣ, такимъ образомъ приготовленномъ, ставились двѣ кадочки—одна съ рожью или овсомъ, а другая—съ гречихою; въ ту и другую зарывали по десятку печеныхъ яицъ и ставились домашніе иконы. Предъ кадками клали ковригу хлѣба съ солью и куличъ. Грязный дворъ выстилали соломою, а проходъ черезъ ворота, болѣе грязный, выстилали снопами жита. Зерно и хлѣбъ назначались причту, а яйца—*оброшникамъ*.

Кто жъ это *оброшники?*—Это—дѣвки и парни, давшіе обѣтъ носить св. иконы цѣлую недѣлю и непремѣнно натощакъ; не

рѣдко между ними бывали женщины и мущины: имъ приходилось голодовать до самаго вечера. При переносѣ иконъ изъ одной деревни въ другую, имъ позволялось пѣть во все горло: *Христосъ воскресе изъ мертвыхъ*.—Входя во дворъ, священникъ шелъ со крестомъ въ ризахъ, за нимъ—причтъ, за причтомъ—*оброшники* съ иконами, далѣе—толпы народа. Оброшники съ иконами становились вокругъ стола,—и начинался молебенъ.—По окончаніи молебна, на уготованномъ мѣстѣ хозяинъ, всегда старикъ, заворачивалъ полу и изъ кармана вынималъ деньги и платилъ священнику за молебенъ. Тутъ подставляли руки жены и дѣти причта, и хозяинъ одѣлялъ ихъ мѣдными монетами. Старшимъ давалъ по пятаку и по грошу, а дѣтямъ—по копѣйкѣ. А старуха—хозяйка одѣляла всѣхъ яйцами, каждый разъ лазя за ними въ пазуху рубашки.

Расквитавшись со всѣми, хозяинъ приглашалъ причтъ и хозяевъ, уже отбывшихъ пріемъ св. иконъ, въ избу—на хлѣбъ и соль. Тутъ приготовленъ былъ столъ во всю длину избы. Первымъ кушаньемъ на столѣ красовалась *свиная голова*, облитая сметаною съ хрѣномъ. На первое мѣсто подъ иконами садился священникъ и благословлялъ трапезу, по лѣвую руку отъ него—дьяконъ, далѣе—дьячекъ и пономарь, далѣе—староста церковный и просфорня, наконецъ—сосѣдніе хозяева. Послѣ свинины, слѣдовали жирныя щи, пареная баранина, молочная каша, или же молочная лапша, наконецъ жареныя куры. У пасѣчника столъ оканчивался *кавардакомъ*, т. е. *варянухою*. Хозяинъ за каждымъ кушаньемъ обносилъ гостей водкою въ малой рюмкѣ.—Естественно священникъ съ причтомъ при 20-ти обѣдахъ не могъ ни пить, ни ѣсть; но каждую трапезу долженъ былъ благословлять и хотя губами прикоснуться къ рюмкѣ водки.—Когда священникъ ослабѣвалъ,—то, благословивъ трапезу, удалялся въ клѣть и отдыхалъ, и трапеза оканчивалась безъ него.

На ночь иконы не возвращались въ церковь, а поставлялись у хозяина, имѣвшаго противъ избы черезъ сѣни горенку. Сюда собирались старухи и проводили цѣлую ночь въ поклонахъ. Причтъ возвращался домой и дѣлилъ хлѣбъ и деньги. — Цѣлую недѣлю продолжалось это хожденіе съ иконами и даже въ Ѳомино воскресеніе. — Вотъ на это-то хожденіе родители начали брать меня съ шестилѣтняго моего возраста, и я собиралъ болѣе рубля денегъ.

Послѣ Пасхи продолжались еще холода и особенно холодные вѣтры. Послѣдніе — или для того, чтобы земля обсохла, или для того, чтобы дубъ развернулся. Но къ Тройцѣ лѣса покрывались густою листовою, поля—цвѣтами. Еще съ конца апрѣля я

обращался въ травоядное животное. Сперва мы, уличная компанія, собирали *баранчики* и ѣли. Это — желтые цвѣточки на стебелькахъ сочныхъ и сладкаго вкуса — рвали и ѣли полевой чеснокъ, свиргибусъ, стволы котораго имѣли рѣдичный вкусъ, — стволы лебеды, вонюки или цикуты, снѣдку, салдерей лѣсной. Потомъ выкапывали въ лѣсу корни растеній, которые называли *маслёнами*; они имѣли форму луковицы, раздѣлявшейся на зубчики, были желтоватаго цвѣта и маслянистаго свойства. Наконецъ — щавель и налившіеся орѣхи, когда скорлупа еще не отвердѣла, а ядро такъ было мягко, какъ творогъ.

Когда наконецъ наступало лѣто, меня трудно было загнать домой. Запасшись скибою хлѣба, я цѣлый день проводилъ на воздухѣ. Отыскиваніе и разореніе птичьихъ гнѣздъ, лазанье за ними на деревья, охота за зміями *(козюльками, гадюками)* — доставляли мнѣ удовольствіе отваги. Земляника и клубника — наслажденіе. Подъ конецъ лѣта — хожденіе по грибы, собираніе малины по лугамъ было самымъ пріятнымъ занятіемъ. Бывало— воспользуешься отсутствіемъ родителей или занятіемъ съ гостями — и бѣжишь въ лѣсъ. Тамъ ляжешь навзничь между кустами, или на днѣ оврага, опушеннаго орѣшникомъ, и цѣлые часы смотришь на голубое небо... Что въ немъ занимало меня,— и доселѣ не могу дать отчета.. Это бывало со мною, когда я былъ 10 и 11 лѣтъ и когда не давалась мнѣ грамота.

Кажется, меня начали учить грамотѣ съ 7-ми лѣтъ — и я до 10-ти лѣтняго возраста не могъ понять. Меня *заучилъ* [1]) дѣдъ. Сдѣлавъ указку, онъ усадилъ меня за славянскій букварь. Тогда другихъ азбукъ не было; первымъ урокомъ моимъ было не алфавитъ, а молитва, напечатанная предъ алфавитомъ: „Боже, въ помощь мою вонми и вразуми мя въ поученіе сіе“. Подъ диктовку дѣда я долженъ былъ говорить эти слова молитвы и указывать на каждое изъ нихъ указкою. Я скоро заучилъ ихъ наизустъ и вѣрно попадалъ указкою на каждое слово. Дѣдъ былъ доволенъ. Вечеромъ, когда засвѣтили лучину, дѣдъ плетшій лапти, хотѣлъ похвалиться мною предъ моими родителями. Посадилъ меня подлѣ себя, заставилъ читать и указывать на слова. Я молитву помнилъ, но неправильно указывалъ указкою. Дѣдъ сталъ поправлять, а я сталъ сбиваться и забывать слова. Послѣ долгихъ поправокъ, дѣдъ вышелъ изъ себя и ударилъ меня легонько лыкомъ. Я разревѣлся. Мать не позволила продолжать ученіе, настаивая на томъ, что надо начинать съ буквъ. Дѣдъ уступилъ.

[1]) *Заучить*—старинный терминъ. Значитъ—*въ первый разъ* поруководить отрока въ изученіи грамоты.—Л. М.

На другой день мать сама заучила меня азбукѣ, начиная съ алфавита. Я исправно произносилъ за нею: *азъ, буки, вѣди, глаголь, добро, есть,* и на каждую букву ставилъ указку. Я скоро выучилъ эту первую строку алфавита, произносилъ каждую букву правильно и указывалъ на нее вѣрно. Но я запоминалъ только названія буквъ и переставлялъ указку съ одной буквы на другую; но не всматривался въ начертаніе ихъ; зналъ порядокъ, въ какомъ лежали буквы одна подлѣ другой, но нисколько не различалъ ихъ. Въ другой разъ, повторивши выученное, или, какъ тогда выражались, *прочитавъ зады*, я сталъ учить вторую строку алфавита и, не смотря на то, что мать указывала одна на каждую букву, опять я заучилъ только названіе и порядокъ ихъ. Такимъ образомъ я скоро выучилъ алфавитъ.—Приступили къ слогамъ: *ба, ва, га, да, жа*: я и эти слоги старался выучить наизусть и запомнить порядки ихъ; но въ начертаніе ихъ не всматривался. И такъ изловчился указывать указкою, что не пропускалъ ни одного слога. Сперва сидѣли надо мной, но слѣдили только, такъ ли я указываю. Потомъ стали учить меня издали. Этимъ способомъ я выучилъ не только всѣ слоги, но и *Азъ—земля—еръ Азъ, Ангелъ, Ангельскій, Оксія. Исо, варія.* *) И каждый день я исправно читалъ заднее (*зады*), даже хвалился, что могу читать ихъ безъ книги.

Дошло до *„Буди благочестивъ, уповай на Бога“*, что было напечатано гражданскими буквами. Старались объяснить мнѣ различіе этихъ буквъ отъ славянскихъ,—но я не понималъ объясненія, потому что не зналъ начертанія славянскихъ буквъ. Въ отсутствіе родителей сестры помогали мнѣ выучить слова и изъ этого отдѣла азбуки и указывать указкою на каждое изъ нихъ. Но при чтеніи задовъ я сталъ сбиваться. Заставили меня вновь учить *Азъ—земля—еръ—Азъ* по складамъ; учили, учили—бросили. Наконецъ, полагая, что я слишкомъ *перетвердилъ* азбуку, рѣшились допустить меня къ *часослову*. И велѣли учить по складамъ; я и склады и слова старался только запамятывать, но опять не различалъ ни буквъ, ни складовъ. Когда это открылось, тогда признали меня и себя неспособными и отвезли меня въ Подчернево—къ дядѣ *Фирсу*.

---

*) *Оксія, Исо, Варія*—это греческіе термины въ старинномъ славянскомъ букварѣ,—служащіе названіями *удареній*.—Л. М.—

У Фирса повторилось со мною то же, что дома. Онъ началъ учить меня съ алфавита, но какъ я послѣ перваго указанія исправно читалъ урокъ, то скоро прошелъ Азбуку, опять таки не понимая начертанія буквъ и слоговъ.—Настала рабочая пора; Фирсъ постоянно въ полѣ, а я—на улицѣ, или въ дубовомъ лѣсу. Такъ прошло лѣто и половина осени. Отецъ мой пріѣхалъ въ Подчернево на храмовой праздникъ Казанской Божіей Матери, испыталъ меня и нашелъ, что я ничего не знаю... Дѣдъ, Фирсъ и другіе родные отца признали, что грамота мнѣ не дается, что я, какъ страшный заика, не могу быть въ духовномъ званіи. Присудили отдать меня въ сапожники и записать потомъ въ мѣщане. Когда я съ отцомъ возвратился домой, мать, услыша рѣшеніе отца, очень скорбѣла. Но скоро была утѣшена моими способностями.

Дома я засталъ одного мѣщанина, дальняго родственника, парня лѣтъ 20-ти. Онъ скрывался у насъ отъ солдатчины, и жилъ у насъ, пока прошло время рекрутскаго набора. Онъ выучилъ только азбуку и умѣлъ подписывать свое имя—и то славянскими буквами. Я просилъ его научить меня писать свое имя. Онъ научилъ меня не только писать мое имя, но имена сестеръ, работницы и работника. Первый урокъ данъ былъ имъ на дворѣ при заборѣ—мѣломъ. Потомъ—дома грифелемъ—на аспидной доскѣ, которая находилась у отца безъ употребленія.

При обученіи меня писать „Николай“, „Настасія, Катерина, Орина и Харитонъ“, онъ указалъ въ букварѣ буквы, входящія въ эти названія, и научилъ, какъ ихъ срисовывать; въ слогахъ азбуки онъ отыскалъ мнѣ слоги: Ни-ко-ла; На-та-ша; Ка-те-ри-на; Ха-ри-то. Какъ-то онъ старался показать мнѣ и значеніе этихъ слоговъ въ составѣ словъ. Не помню, какимъ процессомъ догадки или разумѣнія я понялъ значеніе буквъ и слоговъ въ составѣ словъ; но я уже бросилъ писать, а началъ разбирать и понимать въ азбукѣ все, что прежде изучалъ наизусть. Повязка съ глазъ моихъ спала... Я совершенно понялъ секретъ чтенія...

У отца постоянно лежала на столѣ книга *Четьи-Минеи* текущаго мѣсяца. Однажды я заглянулъ въ нее, и къ изумленію своему я увидѣлъ въ ней тѣ же буквы и тѣ же слоги, что и въ азбукѣ. Попробовалъ читать,—читается безъ труда. Я сталъ читать далѣе,—читается все легче и легче; я прочиталъ уже половину страницы, какъ вошла въ избу мать. Увидѣвши, что я читаю Четью-Минею,—она заставила меня прочесть житіе съ начала, и изумилась моему правильному и твердому чтенію... „Иванъ Але-

ксѣевичъ! Иванъ Алексѣевичъ! Посмотри-ка, какъ читаетъ Колинька!"—Отецъ вошелъ въ избу, долго слушалъ и ничего не говорилъ; наконецъ сказалъ дрожащимъ голосомъ и, можетъ быть, сквозь слезы: „Рано тебѣ браться за Четью-Минею; возмись-ка за часословъ,—это нужнѣе."

Съ этихъ поръ засадили меня за Часословъ и томили съ утра до вечера. Но я выучилъ только четвертую часть этой книжки до „Тебе Необоримую..." Мнѣ правилось то, что другіе читали. Не училъ я и Псалтыря. Вмѣстѣ съ часословомъ я учился и писать. Зимой въ спертомъ воздухѣ избы и горницы у меня развилась золотуха. Особенно большія раны появились—одна на лѣвой рукѣ, другая—подъ правымъ глазомъ. На рукѣ рана скоро зажила, но подъ глазомъ приняла злокачественный характеръ; здѣсь даже выгнила маленькая косточка.—Какъ только наступила весна, меня отвезли въ Мценскъ къ Степану Ѳедоровичу, мужу моей родной тетки по матери. Онъ выдавалъ себя за лекаря, позаимствовавъ отъ своего брата—полкового лекаря—кой-какія свѣдѣнія о лекарствахъ. Отъ его ли ухода, или отъ того, что я свободенъ былъ отъ трудовъ ученія, рана зажила, и только остался шрамъ и стянуло книзу нижнюю вѣку, отчего правый глазъ у меня и доселѣ кажется больше, чѣмъ лѣвый. Двоюродные братья называли меня: *драный глазъ, дериглазъ,* а въ училищѣ: *окулюсь, окулъ, вокулъ.* Эта кличка осталась за мной до Академіи. Иначе не называли меня, какъ *Вокулъ.*

Проживъ въ Мценскѣ цѣлое лѣто и зиму, дома я еще прожилъ лѣто безъ усидчиваго ученья. Все не рѣшались, куда меня готовить, и везти-ли въ училище. Это лѣто я провелъ, можно сказать, въ объятіяхъ природы. Я спалъ въ сѣнникѣ, день проводилъ въ Ярушкѣ, прежде описанной мною. Я сталъ заикаться менѣе; меня сносно было слушать, а пѣлъ я вовсе не заикаясь.

Не знаю, кто внушилъ отцу попробовать отвезти меня въ училище. Только отецъ не скоро рѣшился. Курсъ тогда начинался съ 1-го сентября; но отецъ едва въ половинѣ этого мѣсяца собрался везти меня въ Сѣвскъ.—Я помню проводы свои. Меня благословляли какъ ратника, оплакивали какъ отправляющагося на тяжкія мученія и смерть. И дѣйствительно, кому вручали мальчика? Архіерей не завѣдывалъ Семинаріею, а только покровительствовалъ. Ректоръ и инспекторъ были архимандриты. Они высоко себя держали и никогда не позволяли себѣ унижаться до того, чтобы видѣть, какъ живетъ мальчикъ на квартирѣ, сытъ ли онъ, одѣтъ ли, не обижаетъ ли его кто.—Но прежде чѣмъ

описывать опредѣленіе меня въ училище, которое было соединено съ семинаріею и находилось въ Сѣвскѣ, ворочусь къ послѣднему лѣту, которое я провелъ, какъ сказалъ, въ объятіяхъ природы.—

Въ это лѣто мнѣ пришлось *завивать вѣнки* на Троицынъ день—съ народомъ, испытать жизнь и труды пастуха сельскаго стада и быть свидѣтелемъ опахиванія дворовъ во время чумы на рогатый скотъ.

Троицынъ день одинъ изъ весеннихъ праздниковъ въ Орловской губерніи. Еще съ вечера каждый хозяинъ полы дома усыпалъ травою, окна украшалъ вѣтвями; предъ фасадомъ дома тянулись ряды вкопанныхъ молодыхъ березокъ. Въ 8 часовъ утра, по благовѣсту, вся деревня и шла и ѣхала къ церкви, мущины и женщины съ пучками березовыхъ вѣтвей и душистыхъ травъ, особенно полевой зари (*любисты*, по маллороссійски, русальны—по болгарски)—Божья-дерева. Церковь, устланная зеленою травою и украшенная кленовыми и березовыми вѣтвями, преображалась въ райскую обитель. Каждый изъ молящагося народа, большой и малый, стоялъ обѣдню съ пучкомъ вѣтокъ и душистыхъ травъ. Благоуханіе разливалось по церкви. По окончаніи обѣдни весь народъ, кромѣ стариковъ и старухъ, расхаживалъ по роднымъ могиламъ, окружающимъ церковь, плелъ вѣнокъ и, надѣвъ его на голову, возвращался домой, представляя собою картину самую пріятную. Пришедши домой, снимали вѣнки и развѣшивали по стѣнѣ и вокругъ св. иконъ. Съ этихъ вѣнковъ, уже засохшихъ, послѣ спускали воду, давали пить больнымъ, клали на одержимыхъ падучею болѣзнію, вѣшали въ конюшняхъ, оберегая тѣмъ коней отъ чужого домового.—Въ этотъ день обѣдали на-скоро, оставляя послѣднія кушанья какъ-то: жаркія и короваи молодымъ, отправлявшимся тотчасъ послѣ обѣда въ лѣсъ—*завивать вѣнки*.

Въ часу первомъ по полудни березнякъ, дубнякъ и орѣшникъ Ярушки наполнялись группами народа, мужчинъ и женщинъ, молодыхъ людей, дѣвицъ и дѣтей. Со всѣхъ сторонъ раздавались пѣсни, протяжныя и плясовыя. Въ часу пятомъ пѣсни и игры смолкали. Всѣ садились кружками на зеленую траву, разлагали кушанья, пироги, короваи, яйца и жаркія, и угощали другъ друга; кромѣ браги и квасу, другихъ напитковъ не было. Послѣ этого полдника, всѣ вили вѣнки и желающіе кумились между собою, или завязывали дружбу на цѣлый годъ. Для этого соединяли двѣ вѣтви двухъ деревьевъ, находившихся въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи, и связывали концами самихъ вѣтвей

въ крѣпкій узелъ. Потомъ, надѣвъ на голову вѣнки и стоя подъ аркою связанныхъ вѣтвей другъ противъ друга, протягивали другъ другъ правыя руки—съ словами: „будь кумомъ, будь кумою“ и переводили другъ друга на свою сторону—три раза, сопровождая каждый переходъ объятіями и поцѣлуями. Послѣ чего цѣлый годъ называли другъ друга кумовьями.

Эти завязи дружбы происходили между дѣвками и молодыми людьми, между женщинами и мужчинами; а иногда между лицами одного пола. Тѣ, кто не занимался завязью дружбы, начинали пляски уже въ вѣнкахъ на головѣ. Но скоро завиваніе вѣнковъ прекращалось; всѣ спѣшили до захода солнца выйти изъ лѣсу и, раздѣлясь на группы, въ вѣнкахъ, съ пѣснями, возвращались домой. Многіе приходили къ рѣчкѣ и бросали вѣнки свои на воду и гадали, смотря потому, погружаются ли вѣнки въ воду, или остаются на поверхности ея.

Спѣшили оставить лѣсъ до заката солнца потому, что съ ночи Троицына дня на цѣлую недѣлю лѣсомъ овладѣвали *русалки*. Это—молодыя существа женскаго пола, ходятъ голыя, безъ обуви и безъ покрова на головѣ. Тѣло у нихъ бѣлое, какъ снѣгъ, лицо свѣтлое, какъ восходящая луна, волосы—красновато-свѣтлые и длинными локонами разстилаются по плечамъ. Онѣ легки, какъ пухъ, быстро перебѣгаютъ отъ дерева къ дереву, перескакиваютъ съ вѣтви на вѣтвь и, качаясь на вѣтвяхъ, чистымъ и нѣжнымъ голосомъ альта зовутъ подругъ: „кума, кума—приходи!“ Дѣвокъ и молодыхъ женщинъ не любятъ и когда увидятъ какую въ лѣсу, нападаютъ на нее, срываютъ одежду и вѣтвями прогоняютъ изъ лѣса. Но мущинъ съ хохотомъ окружаютъ, рвутъ одежды, пока совершенно не сдѣлаютъ голыми, потомъ сзади хватаютъ подъ мышки, щекотаніемъ приводятъ ихъ въ хохотъ и щекочатъ до тѣхъ поръ, пока они не падаютъ въ обморокъ. Тогда, осыпая ихъ поцѣлуями, берутъ на руки и невидимками приносятъ въ домъ и полагаютъ на ихъ постели, а женатаго—къ женѣ подъ бокъ. Стариковъ же и старухъ русалки не любятъ и прячутся; имъ доводится слышать только голоса русалокъ и видѣть, какъ вѣтви колеблются подъ ними, когда онѣ качаются.

Одному изъ отважныхъ молодыхъ людей сильно захотѣлось видѣть русалокъ. Чтобы избѣжать щекотанія ихъ, ему посовѣтовали обратиться напередъ къ знахарю. Вотъ какой рецептъ далъ ему знахарь: „когда настанетъ ночь и всѣ лягутъ спать, и ты ляжь на своей постели и не спи, пока всѣ не заснутъ. Когда

всѣ захрапятъ, ты поднимись, раздѣнься до-гола и надѣнь два креста, одинъ на грудь, другой на спину. Русалки оттого нападаютъ сзади, а не спереди, что боятся креста на груди; а какъ у тебя будетъ висѣть крестъ и на спинѣ, и притомъ ты будешь голъ, то они будутъ играть съ тобой, но до тебя не коснутся."— Парень строго выполнилъ наставленія знахаря. Онъ легъ первый и притворился спящимъ; когда полегло все семейство и заснуло, онъ—долой съ себя рубашку, надѣлъ два креста, такъ что одинъ висѣлъ на груди, другой—на спинѣ, и шмыгъ изъ дому—черезъ огородъ, конопляникъ, ниву—духомъ перелетѣлъ въ лѣсъ. Смотритъ: множество русалокъ! Однѣ качаются по вѣтвямъ, другія—водятъ хороводы, иныя поютъ, хохочутъ. Онѣ всѣ были голыя. Тѣла ихъ были бѣлы, какъ снѣгъ; лица сіяли, какъ полная луна; волосы свѣтло-огненные кудрями падали по плечамъ. Парень остолбенѣлъ отъ страха и восторга. Долго онъ любовался красотою русалокъ, граціозными движеніями, пріятными и звонкими голосами и неподдѣльнымъ восторгомъ и веселіемъ ихъ. Вдругъ русалки затихли и стали неподвижны. Они почуяли духъ человѣка и, взглянувъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ парень, вдругъ бросились къ нему съ хохотомъ и рукоплесканіями, и окружили его. Каждая хотѣла обнимать и цѣловать парня, но руки и губы не прикасались къ нему. Каждая забѣгала назадъ и старалась схватить подъ мышки, чтобы щекотаніемъ расположить его къ хохоту и веселью; но опять руки ихъ не прикасались къ парню. Тогда парень ободрился,—онъ самъ началъ играть съ ними, старался схватить которую-нибудь; но руки его не прикасались къ ней. Онъ пѣлъ и плясалъ съ русалками цѣлую ночь. Къ утру они заманили парня въ кусты—на густую и высокую траву и стали качаться по травѣ. Имъ послѣдовалъ и парень. Но вдругъ крестъ, висѣвшій на спинѣ, спалъ съ него. Русалки схватили его сзади подъ мышки и начали щекотать. Онъ хохоталъ до тѣхъ поръ, пока не упалъ замертво. Тогда чуялось ему, что русалки положили его на вѣтви и понесли его молча. Вынесли изъ лѣсу, вотъ несутъ его черезъ ниву, конопляникъ, дворъ, внесли въ избу и, надѣвъ на него рубашку и порты, кладутъ на постелю. Затѣмъ уходятъ и уносятъ вѣтви. Парню все еще слышался вдали хохотъ и пѣсни русалокъ. Наконецъ онъ заснулъ глубокимъ сномъ. Его едва могъ разбудить отецъ крикомъ: „покуда ты будешь дрыхнуть, вставай,—уже солнце взошло!"—Объ этой ночи парня у русалокъ знали и разсказывали не только жители нашего села, но и жители сосѣднихъ селъ. Если бы сдѣлать объ

этомъ событіи повальный обыскъ, то подтвердили бы не только крестьяне, но и помѣщики ихъ.—

Послѣ *Семицкой недѣли* въ лѣсу уже не бываетъ русалокъ. Одни говорятъ, что онѣ поднимаются вверхъ и живутъ на облакахъ; другіе думаютъ, что онѣ скрываются подъ землею и спятъ тамъ остальное время года; а иные думаютъ, будто онѣ переселяются въ рѣки. Но послѣднее мнѣніе никѣмъ не принимается въ Орловской губерніи. Каждому извѣстно, что въ водѣ рѣкъ живетъ *Водяной*, который принимаетъ въ свои объятія всякаго утопленника и задерживаетъ его, не давая ему жить на воздухѣ. При мнѣ, когда откачивали потонувшаго мальчика *Ерофея*, трудившіеся надъ этимъ мѣщане кричали обыкновенно: „нашъ Ерофей! живъ Ерофей!“ И не говорили, что въ водѣ задерживали его русалки, а утверждали, что держалъ его *„Дѣдъ Водяной“*.—Врали еще, будто русалки не покидали лѣса, а превращались въ *бабочки*, и иная изъ нихъ ржала по лошадиному и свистала какъ человѣкъ. Но это неправда. Если въ лѣсу слышалось ржаніе и свистъ, то это ржалъ и свисталъ *Лѣшій*. Когда я ѣхалъ по лѣсу, возвращаясь изъ г. Мценска съ матерію и работникомъ, вдругъ послышались ржаніе и свистъ. Работникъ перекрестился, мать—тоже. Когда я спросилъ: кто это,—мнѣ не отвѣчали, и только по выѣздѣ изъ лѣса работникъ сказалъ: это—*Лѣшій*. А мать промолвила: „да, но онъ боится креста и молитвы“.—Говорили еще, будто русалки, оставивъ лѣсъ, долго еще остаются на нивахъ и безмолвно катаются въ волнахъ нивы. Но это—ложь. На поляхъ есть *Полевой*. Отъ него много страдаютъ охотники на перепеловъ. Иногда на звукъ дудочки подъ раскинутую сѣть бѣжитъ отлично голосистый перепелъ, а гляди на сѣть,—откуда ни возмись—падаетъ камень, или борона, и едва не губитъ ловца.

До поступленія въ училище я былъ свидѣтелемъ *опахиванія дворовъ*—во время падежа на рогатый скотъ. Это несчастіе потому смущаетъ село, что неминуемымъ послѣдствіемъ его бываетъ смерть двухлѣтнихъ и трехлѣтнихъ дѣтей. Съ коровъ, какъ утверждали, смерть переходитъ на дѣтей. Дѣтей этого возраста обыкновенно кормятъ молочною кашею, или въ чашку съ молокомъ крошатъ хлѣбъ. Естественно, что съ гибелью коровъ сохнутъ и гибнутъ дѣти, особенно если безъ молока остаются на зиму.— Для прекращенія падежа стараются *выгнать изъ села смерть*, а для этого вотъ что дѣлаютъ. Наряжаютъ 9 дѣвокъ съ иконами и приглашаютъ бабъ возможнымъ безобразіемъ устрашить смерть и выгнать ее. Наступаетъ ночь. Дѣвки съ иконами и фонарями

выходятъ за околицу. Выходятъ и бабы. Дѣвки, одѣтыя въ праздничное платье, съ иконами вступаютъ въ село съ возможною тишиною и безмолвіемъ, читая про себя молитвы. На разстояніи 50 саженъ отъ нихъ идутъ за ними бабы—огромною толпою, босыя, безъ всякаго покрова на головѣ и въ однихъ рубашкахъ. Каждая изъ нихъ вооружена или вилами, или толкачемъ, или кочергою, или помеломъ, или же дубиною, коломъ, цѣпомъ, оглоблей. Всѣ онѣ, расплетая косы, распускаютъ волосы не только по плечамъ и назадъ, но и напередъ; иныя изъ нихъ спускаютъ рубашку до поясницы и на таліи укрѣпляютъ ее рукавами: впереди ихъ идетъ соха, поддерживаемая двумя бабами; въ нее запряжена женщина въ послѣднемъ періодѣ беременности. Наклоня соху на одну сторону однимъ сошникомъ, они проводятъ мелкую борозду по селу и когда вступятъ въ деревню, измѣнивъ голосъ на мужской, изо всѣхъ силъ начинаютъ кричать:

Ой смерть! Ой смерть!
Выди вонъ, выди вонъ!
Изъ нашего—изъ села—
Изъ закуты—изъ двора.

—

Мы идемъ съ кочергами,
Съ помелами, съ толкачами,
Со дубинами и цѣпами...
Мы идемъ, мы идемъ—
Девять дѣвокъ съ иконами,
Одна баба брюхатая.—
О смерть, мы убьемъ
На огнѣ всю сожжемъ!..

Далѣе поютъ похабную пѣсню:

Рябина, рябина!

Наконецъ приходятъ въ неистовство, прыгаютъ, крутятся, выкрикиваютъ срамныя слова; противъ каждаго дома половина ихъ отдѣляется отъ толпы, подбѣгаетъ къ воротамъ и сильно стучитъ, произнося срамныя ругательства. Пройдя такимъ образомъ всю деревню сохою и поколотивъ въ каждыя ворота,—за другою околицею раскладываютъ огонь. Но дѣвки не принимаютъ участія, а обходятъ бѣснующихся другой дорогой и возвращаются домой.

До поступленія въ училище мнѣ пришлось испытать жизнь и трудъ пастуха сельскаго стада. Въ селѣ Спасскомъ было три стада. Къ одному изъ стадъ принадлежалъ и скотъ поповки. Случилось, что одинъ изъ двухъ пастуховъ этого стада померъ. Была пора рабочая, послѣдніе дни іюля. Нанять пастуха трудно. Рѣшили, чтобы каждый дворъ по очереди давалъ помощника пастуха на время, пропорціальное количеству скота. Нашему двору пришлось отбывать 4 дня. Работника нельзя было оторвать отъ косьбы, работница съ утра до вечера на жнивѣ. Сестры мои также жали, но безъ работницы не могли оставаться въ полѣ. Послали меня, и я охотно согласился, лишь бы не сидѣть дома, не выпуская изъ рукъ книги или пера. Съ другой стороны я очень стыдился званія пастуха, почему-то считавшагося ниже званія батрака. Этотъ ложный стыдъ раздѣляли и мои родители. Но устроили такъ, чтобы я не былъ при стадѣ, когда пригоняли къ нему изъ дворовъ скотъ, а присоединялся къ пастуху уже въ полѣ.—Меня снабжали на цѣлый день хлѣбомъ, печеными яйцами и сдобными ватрушками, которыя нарочно готовились для меня. Еще до восхода солнца съ сумкою за плечами я отправлялся въ поле. Но не смотря на эту предосторожность, пригонявшіе скотъ къ стаду всегда узнавали отъ пастуха, кто на этотъ день былъ его помощникомъ.

Въ полѣ я съ удовольствіемъ присоединялся къ пастуху, бралъ 3-хъ—саженный кнутъ и хлопалъ имъ для своей забавы, пока не былъ останавливаемъ пастухомъ, просившимъ не пугать попусту скотъ. „Успѣешь еще нахлопаться, когда скотъ наѣстся и станетъ расходиться въ разныя стороны“. До 10-ти часовъ я съ удовольствіемъ шелъ за стадомъ и раздѣлялъ съ пастухомъ завтракъ; но настала жара,—сытый скотъ сталъ бродить въ стороны, каждые полчаса надобно было собирать его, дрессированной собаки не было, всюду бѣгалъ я. Къ полдню ноги мои подкосились, я усталъ и тутъ только почувствовалъ, что для пастуха нужна не сытная пища, а болѣе—вода. У пастуха былъ за плечами кувшинъ съ водою. Но онъ не давалъ мнѣ пить болѣе двухъ глотковъ. Но вотъ—согнали скотъ на десятину полдневать. Хозяинъ десятины платилъ пастуху за то небольшія деньги. Скотъ ложился; растягивался на землѣ и я съ пастухомъ. Пастухъ спалъ, облитый потомъ — подъ роемъ мухъ; но я по непривычкѣ не могъ спать. Я томился отъ зноя и попивалъ изъ кувшина воду. Часа чрезъ два проснулся пастухъ, бросился къ кувшину, а тамъ оставалось не болѣе двухъ глотковъ. Тогда онъ выругалъ

меня.—Подняли скотъ, солнце свалилось съ полудня, но зной усилился. Меня томила жажда. Пастухъ мурчалъ себѣ подъ носъ, должно быть ругалъ меня. Тогда я сталъ умолять, чтобы скорѣе гналъ скотъ къ рѣченькѣ; но *Меркулъ* не отвѣчалъ мнѣ, или отвѣчалъ: „рано, рано; солнце только что свалилось съ полдня.“ Однако жажда и его пробирала. „Постой,—сказалъ онъ—я пойду къ косарямъ, не разбудусь ли водою, а ты смотри—не давай свиньямъ расходиться“. Я остался одинъ при стадѣ. Овцы и коровы дѣйствительно не расходились; но проклятыя свиньи измучили меня. Безпрестанно я бѣгалъ за ними, и занималъ ихъ, пригоняя къ стаду. Полчаса отсутствія пастуха показались мнѣ цѣлымъ вѣкомъ. Я изнемогалъ... Вдругъ показался Меркулъ, одною рукою поднимая кувшинъ, а другою указывая на нѣсколько свиней, далеко отдѣлившихся отъ стада. Но я—ни съ мѣста, а только кричу ему: воды, воды! Приблизился Меркулъ и, не выпуская кувшина изъ рукъ, далъ мнѣ хлебнуть изъ него одинъ глотокъ, спустя минуту—далъ другой. Вода была холодная, какъ со льда. „Ты, видно, въ деревню ходилъ за льдомъ“, сказалъ я.—„Зачѣмъ въ деревню? Косари и безъ льда умѣютъ выстуживать воду“—отвѣчалъ онъ, и затѣмъ послалъ меня залучить свиней. Когда я возвратился, онъ далъ мнѣ уже разомъ три глотка воды, потомъ сталъ разсказывать, какъ на покосѣ охлаждаютъ воду. Но я понялъ способъ охлажденія, когда чрезъ годъ самъ присутствовалъ при употребленіи его. На покосахъ во многихъ мѣстахъ остаются небольшія лужи отъ весеннихъ снѣговъ. Въ этихъ лужахъ, отъ зноя почти горячихъ, кишмя-кишатъ насѣкомыя и головастики. Отъ прикосновенія чьего-либо къ водѣ, головастики убѣгаютъ на дно. Но черпая эту воду нельзя избавиться отъ инфузорій. Мужички наливаютъ этою водою большой кувшинъ и врываютъ его въ землю. Затѣмъ наливаютъ чугунный котелъ и грѣютъ его. Въ тоже время копаютъ вокругъ кувшина ровокъ, на разстояніи отъ него въ одинъ и полтора аршина. Наконецъ кипятокъ вливаютъ въ ровокъ и держутъ палецъ воткнувъ его въ землю, въ разстояніи на два вершка отъ кувшина. Едва палецъ почувствуетъ теплоту, какъ тотчасъ вынимаютъ кувшинъ изъ земли. Вода въ этомъ кувшинѣ становится холодною. Напившись изъ него, остатки воды въ кувшинѣ сохраняютъ, закапывая кувшинъ въ сырую землю на другомъ мѣстѣ.

Солнце начало склоняться къ закату; появилась прохлада; пастухъ обратилъ стадо къ селу, чтобъ не догоняя его до села, напоить его въ рѣченкѣ. Я едва волочилъ ноги—и Меркулъ от-

пустилъ меня, примолвивъ: „теперь стадо и безъ насъ пойдетъ на водопой и съ водопоя побѣжитъ домой.“ Я едва доплелся домой. Казалось, что совсѣмъ останусь безъ ногъ. Но на другой день я опять готовъ былъ пасти стадо. Но родители уже не пустили меня, а заплатили что-то Акиму Петровичу, чтобы взялся отбыть и нашу, и свою череду. Но онъ не одинъ пошелъ, а съ сыномъ, сверстникомъ моимъ, и, тожеославъ сына къ сборному мѣсту стада, самъ присоединился къ Меркулу уже въ полѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Праздникъ Пасхи въ селѣ Косаревѣ, дубенскаго уѣзда, волынской губерніи.

Природа Украины, сложившійся вѣками укладъ ея жизни, ея обычаи, нравы, ея праздники, своеобразный характеръ ихъ чествованія, глубокая по своему содержанію и трогательная по своимъ мотивамъ пѣсня—все это составляетъ ту обстановку жизни ея, которая глубоко и всецѣло проникнута поэтическими элементами. Такою изображали Украину ея безсмертные поэты, такою она представляется взорамъ человѣка, меньше всего склоннаго отдаваться поэзіи: та искренняя любовь къ ней. какою проникнуты ея сыны, ея трагическая судьба со всѣми превратностями, отчасти изображенная въ грустныхъ думахъ и пѣсняхъ. говоритъ краснорѣчиво, что народъ въ нихъ „выплакалъ свое сердце“, выразилъ свою душу“. Отдаваясь въ нихъ воспоминаніямъ грустнаго прошлаго, народъ какъ-бы безсознательно черпалъ надежду на лучшее и свѣтлое будущее, которое своимъ идеально фантастическимъ образомъ воскрешало въ немъ жизнь свободную, мирную, созданную для благополучія народа, чуждую всякихъ посторонніхъ тенденцій служить орудіемъ осуществленія и выполненія разныхъ политическихъ проблемъ, а также объектомъ для разнаго рода политическихъ же экспериментовъ.

Но tempora mutantur... Условія жизни, не имѣвшія ничего сходнаго съ этими надеждами, способствовали незамѣтно тому, что источникъ, изъ котораго питались эти надежды, изсякалъ подъ напоромъ самыхъ разнообразныхъ вліяній, и если лѣтъ 15—20 тому назадъ можно было еще констатировать наличность большого количества пѣсенъ, а также большой интересъ и любовь вообще къ старинным обрядамъ и пѣснѣ—этой хранитель-

ницѣ духовнаго обличья народа, то въ настоящее время приходится сказать, что пѣсня вымираетъ, и этнографу представляется возможность подбирать только жалкіе остатки — крохи того обильнаго богатства, которое долго хранилось въ памяти народной. Проза жизни наложила свой леденящій отпечатокъ на душу, разочаровавшуюся повидимому въ свѣтлыхъ надеждахъ, а также внесла свое разлагающее вліяніе въ старинные обряды и обычаи народа; обрусительныя стремленія способствовали порчѣ мѣстнаго языка, который въ существѣ своемъ все-таки остается пока нетронутымъ со всѣми тѣми оборотами и особенностями, которыя составляютъ красу и прелесть украинскаго языка. Таковы грустныя впечатлѣнія, вынесенныя мною во время пребыванія на праздникѣ Пасхи въ с. Косаревѣ дубенскаго уѣзда, волынской губерніи въ прошломъ 1905 году (13—24 апрѣля).

Казалось бы, что та глушь, въ которой расположено это село, отдаленность его отъ культурныхъ центровъ и желѣзной дороги, должны бы были способствовать сохраненію старины при общемъ консервативномъ характерѣ мѣстнаго населенія [1]). Однако этого не случилось: эволюція совершалась хотя и медленно, но незамѣтно, какъ бы порывая связь со старинной традиціей. Вообще же сравнивая теперешнія свои впечатлѣнія съ тѣми, какія я вынесъ въ это же время лѣтъ 15 тому назадъ, приходишь къ выводу, что прежде мѣстная жизнь поражала обиліемъ идеальныхъ элементовъ, и впечатлѣніе являлось цѣльное, бодрящее, окрыленное надеждами. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей и чувствъ я рѣшилъ записать все то, чѣмъ отличается празднованіе этого праздника, дабы сохранить еще невымершіе остатки стариннаго обряда и пѣсни, а также оттѣнки мѣстнаго говора.

Не говоря подробно о страстной седмицѣ, которая вся проходитъ въ хлопотахъ и приготовленіяхъ къ празднику, слѣдуетъ замѣтить лишь о томъ, что среди этихъ приготовленій заслуживаетъ вниманія собираніе „барвинка“, изъ котораго сплетаютъ вѣнокъ, который обыкновенно надѣвается на голову поросенка-главнаго традиціоннаго блюда, приготовляемаго ко дню Пасхи.

„Ой барвинку, барвинóчку!
Покажысь, мій голубочку!

---

[1]) См. мою статью „Описаніе говора с. Косарева“. Русск. Фил. Вѣстн. 1904 г. т. I.

Нехай я тебе нарву,
Поросяти голову уберу".

Такъ поютъ дѣвушки или замужнія женщины, собирающія „барвинокъ". Но вотъ приготовленія приходятъ къ концу, окрашиваются яйца—заключительный актъ приготовленій, и все готово къ празднику. Не обходится безъ курьезовъ: у принимающихъ участіе въ окраскѣ яицъ руки и зубы покрываются на продолжительное время краснымъ цвѣтомъ, такъ какъ недостаточно окрасить яйцо, а „треба ще й покуштуваты", т. е. попытать посредствомъ постукиванія о зубы, крѣпкой ли осталась скорлупа послѣ окраски; это важно потому, что въ теченіе 1-хъ трехъ дней Пасхи христосованіе происходитъ посредствомъ яицъ.—Въ теченіе всей пасхальной ночи принято поддерживать во всѣхъ избахъ огонь; а на погостѣ подлѣ церкви горятъ костры. Часовъ въ 10 вечера отпирается церковь, и начинается чтеніе „Дѣяній апостольскихъ" („одыяные"), при чемъ имѣющіеся въ небольшомъ количествѣ грамотные блистаютъ своими знаніями, читая среди церкви книгу „Дѣяній". Собирается довольно много народа. Затѣмъ обычнымъ порядкомъ въ 12 ч. совершается заутреня, а затѣмъ литургія. Особенно всѣ стремятся попасть къ заутренѣ; когда, послѣ обычнаго начала заутрени на паперти, всѣ входятъ въ церковь съ пѣніемъ „Христосъ воскресе", то всякій стремится попасть въ церковь раньше другого, чтобы встрѣтить воскреснаго Христа. Послѣ литургіи совершаются освященіе куличей, которые устанавливаются кругомъ церкви на землѣ, застланной скатертями. Послѣ чтенія молитвы и окропленія каждый спѣшитъ захватить „свячене" и поскорѣе возвратиться домой. По этому поводу существуетъ слѣдующее повѣрье: кто раньше другихъ возвратится къ себѣ въ домъ съ „свяченымъ", тотъ раньше другихъ односельчанъ уберетъ свои полевые хлѣба, которые притомъ не подвергнутся никакимъ поврежденіямъ. Для этой цѣли выбираются изъ семьи тѣ, которые побольше ростомъ и посильнѣе, чтобы при случаѣ могли растолкать толпу и доставить поскорѣе драгоцѣнную ношу въ домъ. Жители сосѣднихъ же деревень пріѣзжаютъ на лошадяхъ, и потому въ этомъ случаѣ вся надежда возлагается на лошадей, которыхъ ради этого случая закармливаютъ, а тѣ стараются должнымъ образомъ отблагодарить хозяевъ, стремящихся тоже какъ можно скорѣе возвратиться домой со „свяченымъ". Ѣзда въ перегонку тутъ является сама собой, и конкурирующіе стараются не только мѣшать другъ другу,

но и при случаѣ опрокинуть, такъ что иногда выѣхавшій первымъ со „свяченымъ“, благодаря этой конкуренціи, остается посреди дороги подбирать разбросанныя яства и прилаживать слетѣвшее колесо, такъ какъ вынуть незамѣтно изъ оси колушекъ, задерживающій колесо, считается признакомъ ловкости.

По возвращеніи домой разрѣзываютъ „свячене яйце“ или крашанку и съѣдаютъ по небольшому кусочку, говоря обычное пасхальное привѣтствіе: „Христосъ воскресе“ „Воистину воскресе“. Затѣмъ пьютъ водку и ѣдятъ „порося“, „ковбасу“, „шынку“, „паску“ и т. д. Молодежь при этомъ не особенно увлекается ѣдой, а взявши какъ можно больше яицъ, отправляется къ церкви; площадь внутри церковной ограды на три дня становится очень оживленнымъ мѣстомъ, своего рода клубомъ. Приходятъ сюда для того, чтобы „звоныты, бытыся яйцямы, гратысь, бигаты и спиваты“. Парней—подростковъ интересуетъ то, что они вволю могутъ „надзвонытысь“, такъ какъ съ утра до вечера „можна звоныты, и ни пипъ, ни староста ничого не скажуть, бо на те Господь далы велыкдень“. Христосованіе, какъ я уже сказалъ выше, происходитъ посредствомъ яицъ; заключается оно въ томъ, что христосующіеся ударяютъ, держа въ рукахъ по яйцу, одно о другое; тотъ, чье яйцо разбивается, долженъ отдать его тому, кто разбилъ. Такимъ образомъ создается своего рода яичный спортъ, заключающійся въ томъ, чтобы „выбыты якъ можно бильше яець“. Съ этою цѣлью практикуются разнаго рода средства, могущія обезпечить успѣхъ; такъ, напримѣръ, дѣлаютъ искуственную дырочку въ скорлупѣ, высасываютъ бѣлокъ и заливаютъ воскомъ образовавшееся пустое пространство; затѣмъ добываютъ яйца кантарки, считающіяся очень крѣпкими, и др. Наконецъ, при самомъ христосованіи пользуются разнаго рода хитростями и уловками, чтобы обезпечить побѣду. Происходитъ такой разговоръ: „Будемо бытысь?“ — „Давай“. — „А ну дай же мени покуштуваты свое яечко“. — „Ни, не дамъ“. — „Тай чомъ? — „Не хочу, дай годи“. — „Думаешъ, що я тобѣ надыбью;*) не быйся“. — Происходитъ временный обмѣнъ яйцами, ихъ „куштуютъ“, а затѣмъ или бьютъ, или еще разговариваютъ: „Де вже мени бытыся зъ тобою? Твое яйце якъ головъяне. Хиба поминяймося“. — „Не хочу“. — Въ другой кучкѣ намѣревающихся христосоваться понукиваютъ: „Быйтеся! Чого стоите!?“ — „Ни

*) При „коштуваніи“ нѣкоторые умышленно надбиваютъ яйцо зубами—это вѣрный залогъ успѣха.

не можна; дежъ бо такъ таки и задарма яйце отдаты; винъ думае, що я дурнійшый видъ него,—ни не хочу". Въ случаѣ обнаруженія какого-либо плутовства, виновникъ подвергается небольшой потасовкѣ со стороны окружающихъ.—

Изъ игръ слѣдуетъ упомянуть только о кошкѣ и мышкѣ, а также о простомъ бѣганіи въ запуски, какъ остаткѣ тѣхъ многочисленныхъ самостоятельныхъ игръ, не сопровождающихся пѣніемъ, которыя существовали сравнительно недавно. Къ играмъ относятся теперь вообще довольно скептически. Даже подростки (съ 13 лѣтъ) уже видятъ въ играхъ „дытячу забаву", которая прилична болѣе маленькимъ дѣтямъ. Что касается пѣсни, то нѣкоторыя смотрятъ на нее тоже, какъ на забаву и даже баловство, не имѣющее сколько-нибудь серьезнаго значенія. Но съ другой стороны „бабы й мужикы", которые знаютъ много старинныхъ пѣсенъ, пользуются большимъ уваженіемъ. Когда по этому поводу мнѣ приходилось разговаривать, то мнѣ замѣчали: „стари люде зналы багацько писень гарныхъ, правдывыхъ, де говорыться про бувальщыну; найбильшъ про панщыну; бувало небожка Горпына (знавшая много пѣсенъ), якъ заведе, якъ зачне спиваты, то здается и въ мисяць ій не переслухаешъ; а теперъ що? Йимъ абы горилка, та музыки, а за писни воны й байдуже; а то заспивають якои салдацькои, що ажъ гыдко слухаты". Дѣйствительно, къ концу 2-го дня Пасхи на церковномъ погостѣ народу поубавилось, а въ теченіе 3-го дня оставались дѣти, небольшіе подростки и кое-какія бабы, которыхъ уже не тянетъ „на музыки". Зато въ двухъ-трехъ мѣстахъ села раздавались „музыки". Полная музыка—„скрипка й бубенъ". По вечерамъ только до заката солнца собравшіяся группы дѣвушекъ, какъ бы отдавая дань старинѣ, пѣли пѣсни, сопровождаемыя нѣкоторой игрой. Такимъ образомъ, въ народномъ сознаніи по отношенію къ пѣснѣ существуетъ противорѣчіе: точнѣе раздвоеніе—въ одныхъ случаяхъ на нее смотрятъ только какъ на забаву, которою свойственно заниматься дѣтямъ и подросткамъ; въ другихъ, съ уваженіемъ относясь къ знатокамъ многихъ пѣсенъ, сожалѣютъ объ упадкѣ ея, о ея вырожденіи; и вмѣстѣ съ тѣмъ осуждаютъ черезмѣрное увлеченіе „музыкамы и горилкою". Два сталкивающихся, противорѣчивыхъ взгляда, мнѣ кажется, говорятъ о томъ, что началось не только вымираніе пѣсни, но также формулировка взглядовъ, которые склонны оправдать это явленіе.

Записанныя мною пѣсни могутъ быть строго раздѣлены на двѣ категоріи по характеру исполненія и отчасти по содержанію. Первыя можно назвать игорными, вторыя просто хоровыми, такъ какъ въ первомъ случаѣ пѣніе сопровождается игрой, а во второмъ нѣтъ.

Пѣсни игорныя.

1.

Собравшіяся дѣвушки становятся въ одинъ рядъ попарно, повернувши лицо другъ къ дружкѣ и взявши другъ друга за обѣ руки; затѣмъ одна изъ посторонних, не ставшихъ въ рядъ, беретъ мальчика лѣтъ 4—5, ставитъ его на руки первой пары и проводитъ на рукахъ до послѣдней и обратно. Въ это время поютъ слѣдующую пѣсню:

Ходыть жучокъ по жучыни,
А дытына*) по ручыни.
Грай, жучку, грай!
Грай, выгравай!
Ой посію конопельки!
Ой вродылы повныченьки,
Грай, жучку, грай!
Грай выгравай!

2.

Поющія дѣвушки раздѣляются на двѣ группы, при чемъ одна изъ нихъ поетъ стихъ въ формѣ вопроса, а другая даетъ отвѣтъ. Стихи поются два раза.

1 группа Володаръ, Володаръ! очины ворота (2 раза).
2 „ Я (—а) хто воритъ клыче? (2 р.)
1 „ Княгыни слугоньки. (2 р.)
2 „ А що за даръ везуть? (2 р.)

---

*) Варіантъ: „хлопчынка“ или „дивчынка“,

1 „ Ярыи пчилоньки. (2 р.)
2 „ Ой цежъ бо намъ мало. (2 р.)
1 „ То мы вамъ придамо. (2 р.)
2 „ Щожъ вы намъ придасте? (2 р.)
1 „ Князятко-панятко (2 р.)
Мызын'не дытятко (2 р.)
2 „ Ой въ чимъ воно вбране? (2 р.)
1 „ У срибли, й у злоти,
По колиньця въ болоти. (2 р.)
2 „ На чымъ воно седыть? (2 р.)
1 „ На золотымъ криселку (2 р.)
2 „ Я чимъ воно грае? (2 р.)
1 „ Червонымъ яечкомъ (2 р.)*)
2 „ Я чымъ воно крае? (2 р.)
1 „ Срыбный ножикъ мае
А золоту талирку (2 р.)

3.

Поющія становятся въ кружокъ, а одна въ серединѣ; ставшія въ кружокъ поютъ:

Устань, устань, перепилко!
Онде матинка йде.

Стоящая въ серединѣ кружка дѣвушка „одспивуе“ такъ:

Ны встану, ны гляну,
Бо ручыще болыть.
Хоръ: Устань, устань, перепилко!
Онде батенько йде.
Она: Ны встану й ны гляну,
Бо головка болыть.
Хоръ: Устань...
Онде братичокъ йде.
Она: Ны встану...
Бо пожища болять
Хоръ: Устань...
Онде сестронька йде.

*) Если поютъ эту пѣсню въ праздникъ Тройцы, то „червонымъ яблучкомъ“.

Она: Ны встану...
Бо плечище болыть.
Хоръ: Устань...
Онде мыленькій йде.
Нашая перепилка ны вмывалася,
Забачыла мыленького тай погналася.

Затѣмъ стоявшія въ кружкѣ разбѣгаются, а „перепилка“ старается поймать; кого она поймаетъ, та становится въ середину кружка, и опять такимъ же порядкомъ поютъ. Иногда заканчиваютъ эту пѣсню такими словами:

Устань, устань подолянко!
Визьмыся въ бока, поскачыся въ скока;
Плывы по Дунаю,
Беры дивку зъ краю.

Этими словами указываютъ на то, что ей слѣдуетъ поймать, такъ какъ стоящія въ кружкѣ по отношенію къ той, какая въ серединѣ, всѣ будутъ „зъ краю“.

4.

Раздѣлившись на двѣ группы, дѣвушки поютъ:

1 „ Помагайби, ласкава теща!
2 „ Здоровъ, здоровъ, ты кгардый зятю!
Шо ты скажешъ, кгардый зятю!
1 „ Дай за мене котру дочку,
Котру дочку молоденьку!
2 „ Беры якъ хочешъ сюю.
1 „ На що мени така маленька?
2 „ Ще ты ны взявъ, а вже ганьбу давъ.
1 „ Я ны ганьбую-тыльки шлюбую.

Наконецъ, онъ выбираетъ и называетъ ее такъ.

Ой ты сывая, мылая, та голубочко!
Скажи мыни всю правдочку:
Якъ горуть на макъ.
Она: Ой такъ, ой такъ горуть на макъ.

Онъ: . . . Якъ сіють макъ.
Она: Ой такъ, ой такъ сіють макъ.

Затѣмъ спрашиваютъ: „якъ волочать макъ, полють макъ и збирають макъ“. — Такимъ же порядкомъ, какъ и эту пѣсню, поютъ слѣдующія:

5.

1 гр. Чомъ ты, Галю, ны гуляешъ?
2 „ Я ны маю сорочыны, кавалеру.
1 „ То я тоби, Галю, справлю.
2 „ То я тоби, кавалере, подякую.
1 „ Чомъ ты, Галю, ны гуляешъ?
2 „ Я ны маю спиднычыни.
1 „ То я тоби, Галю, справлю.
2 „ То я тоби, кавалере, подякую.
1 „ Чомъ ты, Галю, ны гуляешъ?
2 „ Я ны маю караливъ.
1 „ То я тоби справлю.
2 „ То я тоби подякую.

Затѣмъ упоминается въ пѣснѣ: „хвартушына, хустына, чырывычки и панчошки. Заключительныя слова пѣсни:

Чого Галю такъ гуляешъ?
Я гуляю, бо все маю.

6.

1 гр. Мы пидемо на торжокъ,
Купымъ жони хвартушокъ.
2 „ Мы хвартушка одберемо,
Ваши жони ны дамо
1 „ Мы пидемо на торжокъ,
Купымъ жони споднычку.
2 „ Мы споднычку одберемо,
Ваши жони ны дамо.

Затѣмъ такъ же, какъ и въ предыдущей, упоминаются: чырывычки, панчошки, хустына, сорочычка й карали.—Заключительныя слова поются такъ:

1 гр. Мы пыва наварымо,
Свою жону заклычемо.
2 „ Мы пыво выпъемо,
Вашу жону выбъемо. [1])

7.

1 гр. Чырвона калыно!
Чого въ лузи стойишъ?
Чи суши бойися?
Чы витру ны чуешъ?
2 „ Сушы ны боюся,
Одъ вітру валюся;
Стою тай думаю,
Якъ зацьвисты маю:
Зацьвиту я й било—
Шташки удзюкгають;
Зацьвиту чырвоно—
Дивкы обламають.

———

Хоровыя

8.

Ой у лузи калына
Білымъ цвитомъ зацьвила,
Я (=а) чырвонымъ посьпіла.
Послала мене маты
Калыны ламаты;
Тылько я до калыны,
Калына угнулася;
Дивчына зомлилася:
Де доля подилася.
Обызвалася доля
Ажъ по тимъ боци мора,
Обызвалась друга,
Ажъ по цимъ боци луга.
Ты свою, дивко, долю

---

[1]) Вар.: Ваши ны дамо.

Въ пьятныцю просьпивала,
Въ суботу просьнидала,
Въ недилю довго спала,
Отця й матку зныважала.

При пѣніи каждый изъ этихъ стиховъ повторяется.

9.

Летыть воронъ воронынною,
Хтось йде до насъ вечорыною;
Йде Даныло зъ коршмы пьяный.
„Выйды, Мартосю—я твій коханый".
Мартося выйшла—такъ я ны спала,
Обняла Даныла, тай поциловала.
„Щожъ кому до того,
Що я цилую его?
Его борідка золотынькая,
Его тварочокъ, якъ огирочокъ,
Его очеиьки такъ, якъ тырночокъ,
Его бровоньки такъ, якъ шнурочокъ.
Въ синечкахъ за дверычкамы
Стойить лижечко зъ подушычкамы;
На тимъ лижечку Мартося седыть,
Мартося седыть дудочку держыть;
Та дудочка хороше грає,
Десь мій Данылё въ коршмі гуляє,
Въ коршми гуляе—журбы ны мае,
Якъ бы журбу мавъ, то въ коршми бъ ны гулявъ.

10.

Ой на ставу, на ставочку
Вода вырыпае;
Ой тамъ козакъ молоденькій
Коня наповає.
А дивчына—повна рожа
Воды пидлывае.
Козаченько—барвиночокъ
Дивчыну пытає:
„Ой дивчыно—повна рожо!
Чы свататысь можна?"

„Козаченьку—барвиночку!
Хочъ бы въ нидиленьку.“
„Ой дивчыно—повна рожа
Въ недилю ны можна.“
Ой ходимо, товарышу,
Ходимо до пана,
Панъ розсудыть,
Котра буде пара.
Стоить багачъ передъ паномъ,
Чирвиньцямы сыпле,
А я вбогий дивчыноньку
За рученьку тысну.
Якъ насыпавъ вунъ чирвинцивъ,
Ажъ панъ засьміявся,
А я вбогій зъ дивчыною
Въ нидилю звинчався.

Каждый изъ стиховъ этой пѣсни при пѣніи повторяется.

11.

Ны ходы, козаче,
По-надъ берегамы,
Ны сушы серденька
Чорнымы бровамы.
„Чорны бровы маю
Тай ны оженюся;
Не люблять дивчата —
Пойду утоплюся.
Не люблять дивчата,
Ани молодыци—
Пойду утоплюся
Въ глубоки крыныци“.
Ны топысь, козаче,
Марне душу згубышъ
Скажы щыру правду:
Кого вирне любышъ?
Ны люблю никого,
А тебе йидную,
А тебе йидную,
Якъ сестру ридную.
Йе въ мене копійка,
А въ тебе тры грошы,

Ходимъ повинчаймось
Обое хороши.
Прышлы пiдъ церковцю
Ныма попа въ дома;
Чы то таке счастя?
Чы лыхая доля?
Якъ нымає свого,
Ходимъ до чужого.“
„Зъ нашого кохання
Ны буде ничого“

12

Молода дивчыно!
Чого смутна стойишъ?
Чы матуся была?
Чы по мени тужышъ?“
„Матуся ны была,
Сами слезы ллются;
Три ничкы ны спала.
Думала й гадала.
Думала й гадала,
Лысточкы пысала,
До того козака
На Вкраину слала“,
Козакъ, лысты взявшы,
Тай перечытавшы,
Ажъ здыхнувъ тяженько,
Дивчыну згадавшы.

13

Ой бувай здорова,
Дивчынонько моя!
Ны забувай мене,
Колы ласка твоя.
Въ дорогу выйизджаю,
На серденьку тебе маю;
Ой кидаю тебе
Дужую здорову,
Дужую здорову,
Гарну чорноброву.

Ой йиду, я йиду,
Жену коня прудко,
Суды мени, Боже,
Вырнутыся хутко
До дивчыны, та до мои,
До розмовы сердечнои;
До розмовы сердечнои,
До кохання мого.
Ой йиду, я йиду,
Коня попасаю,
Чую чырызъ люды,—
Дивку заручають.
Воны й заручають,
А безъ мене ны звинчають;
Богъ мени поможе,
Дивка моя буде.

14

Журба мене сушыть
Журба мене въялыть,
Журба мене зъ билыхъ нижокъ валыть.
А я тіи журби
Тай ны подаюся,
Пиду до корчомкы,
Горилкы напьюся,
Горилкы напьюся,
Журбы забудуся.
Чогось мени, мамцю,
Горилка ны пьется,
Биля мого серця
Якъ гадына вьется.
Черезъ ричку кладка,
Шо ступлю, то гнется—
Померъ ридный батько,
Померла матуся;
До кого я й бидна
Тыперъ прыхылюся?
Пойду я й до брата.
Братъ мене прыймае,
А братова мыла
Поглядае скрыва;

„Мыла жъ моя, мыла!
Ны поглядай скрыва,
Бо моя сыстронька.
Порогы ны вбыла;
Я на тебе, мыла,
Тай завше дывлюся,
Зъ сыстрою жъ зыйдуся
Ны наговоруся.

15

Свиты, свиты, мисяцю,
Свитить, ясни зорныци!
Ныма мого мылого—
Смутны вже вечорныци.
Выйду я на двиръ
Билымы ноженькамы,
Стану подывлюся
Чорнымы оченькамы;
„Ой ны стій, ны стій, вербонько, надъ водою;
Ны плачъ, ны журысь, дивчыненько, за мною“
„Якъ же мени по тоби ны журытысь—
Я замужъ ны йду—ты береся жынытысь.
Жынысь, козаче—Богъ тоби допоможе,
А за мою щирость—скарай тебе, Боже;
Ны карай же, Боже, ни огнемъ, ни водой;
Скарай тебе, Боже, проклятой долей.
Огонь да вода
Чы буде, чы ны буде;
Проклятая жъ доля—
Стыдъ выйты межы люды.

16

Ой у саду—выноградy
Дощыкъ накрапае,
Сыдыть голубъ на дубочку,
Голубка литае;
Сыдыть козакъ на криселку,
Ю (= у) скрыпочку грае;
Молоденька дивчынонька
По саду гуляе.
„Покинь, покинь, дивчынонько!

По саду гуляты,
Ходы, сядешъ коля мене,
Будемъ розмовляты,
Шо я тебе молоденьку
Маю покидаты.
Якъ я кавалеръ молоденькый,
Нехъ прышыють квитку
Ты дивчына молодая
Завыйся въ намитку".
Стойить човенъ—воды повенъ,
Колыбъ не схыбнувся;
Десь пойихавъ мій мыленькый,
Колыбъ повернувся.
Шумлять витры,
Шумлять буйны,
Ажъ дерева гнуця,
Десь пойихавъ мій мыленькый
Дрибны сльозы ллюця.

17

Соловейку, соловейоньку!
Ны литай поверхъ садоньку,
Ны ощыпуй виноградоньку,
Ны задавай серцю жалоньку.
Ой що поневоли тай оженывся
Що не до мысли соби жонку взявъ;
Ой я за еи сто рубливъ стеравъ,
Я (= а) за еи косу тай тысячу
А за еи красу цины ны зложу;
Я въ свого батька въ золоти хожу,
А я въ свеи матеньки то медъ-выно цью,
А я въ свеи сыстронькы въ ныгынахъ лыжу,
Я на тебе, дурню, смотрѣть ны хачу. [1])

При пѣніи этой пѣсни каждый стихъ повторяется

18

Ой ходыла Машынька по садоньку,
Тай пробыла ниженьку на трисоньку.

---

[1]) Руссизмы

Болыть-болыть ниженька больно,
Десь пойихавъ Йиванюша—ныма довго.
За нымъ, за нымъ Машынька умливае,
Гнула, гнула вышеньку—ны згынае.
Ростелыла хусточку, тай заснула;
Якъ прыйихавъ Йиванюша, тай ны чула.
„Устань, устань, Машынька, пробудыся,
А на мон коныки подывыся;
А на мои коныки вороныи,
А на мою шапочку шудравую.

19

Ой прыпавъ снижокъ на облужокъ,
Розлывся водою;
Оддала мене матуся замужъ
Малою молодою.
Оддавала ще й прыказувала,
Щобъ въ госци ся ны показувала.
Ны була рочокъ й ны була другый,
Вже й на третій повертае.
Тоди стала думаты-гадаты,
Якъ свій родъ одвидаты.
„Пусты мыне, мылый до броду по воду,
Ныхай я одвидаю свого роду“.
„Ой ны пущу, мыла, до, броду по воду:
Ты розскажешъ роду усю свою прыгоду“.
„Ой ны буду, мылый, ны буду казаты,
Якъ будуть пытаты — я буду мовчаты;
Якъ обыллють слезки, то я выйду зъ хаты.
Якъ я выйшла зъ хаты, а за мною маты:
„Десь у тебе, доню, тай ныма порадку,
Що ты прыйшла у госци, тай стала плакаты“.
„Есть у мене, мамо, порадокъ у хати:
Нагайка — дротянка зъ колка ны звишае [1])
Хвартушокъ—биленькый одъ слизокъ мокренькый
Постиль била кровью обкыпила.

---

[1]) Т. е. постоянно находится въ употребленіи.

20

Ой пидъ лисомъ зелененькимъ
Брала вдова ленъ дрибненькій;
Брала—брала, добырала,
Свого мужа спомынала:
Ой якъ бижъ я мужа мала,
Я бы его шанувала,
Я бы его шанувала,
Медомъ-пывомъ наповала.
Ой тамъ въ поли Васыль косыть,
Вдовы голосъ пырыносыть;
Кынувъ косу на нывоньку,
А самъ пишовъ до домоньку.
Прыйшла маты тай пытае:
„Чого ны пьешъ, ны гуляешъ?
Чого ны пьешъ, ны гуляешъ?
Чого сыдышъ та думаешъ?“
„Позволь, мамо, жынытыся,
Пырыстану журытыся;
Позволь, мамо, вдову взяты,
Буду пыты и гуляты.
„Ожыныся, мій сыночку,
Визьмы гарную дивочку,
Бо та вдова мужа мала,
Вона его счарувала“.
А сынъ маты ны послухавъ,
Сивъ на коня тай пойихавъ;
Маты сына выражала
Тяжко-важко проклынала.

Такимъ образомъ записанныя мною пѣсни въ большинствѣ случаевъ рисуютъ душевное состояніе парня и дѣвушки, переживающихъ чувство любви, а также и тѣ страданія, какія вызываются, или въ томъ случаѣ, когда это чувство не находитъ себѣ соотвѣтствующаго отклика, или когда влюбленнымъ приходится разлучаться (п. п. 12; 15; 16;); въ одной изъ пѣсенъ отмѣчены традиціонно-враждебныя отношенія между тещей и зятемъ (п. 4). есть кое-какіе намеки и на эпоху крѣпостного права. Кромѣ того затрагиваются въ пѣсняхъ также мотивы, имѣющіе отношеніе къ семейной жизни (п. 17—20). Довольно распространенная и распѣваемая почти повсемѣстно на Волыни пѣсня „о Володрѣ“ записана

мною съ цѣлью дать новый варіантъ этой пѣсни. Въ приведенныхъ пѣсняхъ кое-гдѣ попадаются слова и выраженія не украинскія, какъ напр.: смотрѣть ны хочу, Машынька, жонка (п. 17—18), которыя можно объяснить по всей вѣроятности вліяніемъ солдатчины.—Большинство изъ этихъ пѣсенъ поется не только въ теченіе первыхъ трехъ дней Пасхи, но даже включительно до Троицына дня (напр. п. 2).

Въ четвергъ на святой недѣлѣ особый праздникъ—„намскій велыкдень". Такъ называютъ крестьяне день Пасхи у покойниковъ, къ которымъ вѣсть объ этомъ праздникѣ приходитъ, по вѣрованію крестьянъ, позже. По убѣжденію крестьянъ, работать въ этотъ праздникъ вообще грѣшно; для одной только работы сдѣлано исключеніе, именно для полевой (пахота); даже считается особенно благовременно вспахивать ниву именно въ этотъ день. Изъ разговора, какой мнѣ пришлось вести по этому поводу съ однимъ крестьяниномъ, можно вывести приблизительно такое объясненіе этого вѣрованія. Въ „намській велыкдень" умершіе встаютъ изъ могилъ, привѣтствуютъ другъ друга съ великимъ праздникомъ и, просвѣтленные сознаніемъ наступленія этого праздника, стараются всѣми мѣрами содѣйствовать благосостоянію своихъ родственниковъ и близкихъ живущихъ на землѣ.

Въ Ѳомино воскресенье справляются поминки по умершимъ —„проводы". Въ этотъ день все село на „могилкахъ". Около часу дня туда отправляется крестный ходъ, и по прибытіи его начинается совершеніе панихидъ. Умилительное зрѣлище представляютъ въ этотъ день „могилки". Обыкновенно заброшенныя, никѣмъ не посѣщаемыя, за исключеніемъ случаевъ печальной необходимости, онѣ теперь преображаются. Вездѣ здѣсь подметено; на могилкахъ разостланы скатерти, а на нихъ поставлены миски съ хлѣбами, среди которыхъ укрѣплена свѣча, зажигаемая во время отправленія панихиды. У могилъ группируются семьи, такъ какъ, въ силу обычая, членовъ одной и той же семьи стараются класть въ могилу рядомъ, другъ подлѣ дружки. По окончаніи панихидъ на отдѣльныхъ могилахъ, совершается общая панихида, послѣ которой всѣ разсаживаются по отдѣльнымъ группамъ у могилъ родственниковъ, и здѣсь прежде всего происходитъ обрядъ христосованія съ покойниками: хозяйка беретъ красное яйцо (крашанку) и обводитъ имъ по землѣ три раза вокругъ одной или нѣсколькихъ могилъ, затѣмъ разбиваетъ это яйцо ударомъ о крестъ, говоря: „Христосъ воскресъ, мыли та дороги покійнычки (тато й мамо) и др." и отдаетъ это яйцо ни-

щимъ съ просьбою молиться; называетъ при этомъ имена покойниковъ. Послѣ этого начинается закуска. Собираясь пить водку, сидящіе привѣтствуютъ покойниковъ словами:, Хр. в! Здоровы почывайте, а насъ ждить довго-довго". Такое привѣтствіе произносится въ силу того вѣрованія, существующаго среди крестьянъ, что „на тому свити" въ такія же компаніи группируются покойники: подобному тому какъ здѣсь спорятъ, закусываютъ и бесѣдуютъ, и „на тому свити" происходитъ то же самое. Закуска на могилахъ бываетъ не особенно обильна; здѣсь ѣдятъ и пьютъ скорѣе для того, чтобы исполнить обычай, тѣсно связанный съ глубокимъ народнымъ вѣрованіемъ, чѣмъ чтобы наѣсться и напиться. Обращаясь другъ къ другу, члены одной семьи говорятъ: ныхай йимъ [1]) буде царство небесне, а намъ дай Боже прожыты тай дочыкаты провидъ на будущій годъ". При этихъ словахъ выпиваютъ по рюмкѣ водки и закусываютъ. Послѣ закуски нищіе, стоящіе у входа „на могылкы", обильно одѣляются всякаго рода яствами и даже деньгами, и затѣмъ всѣ расходятся. — Обычай справлять поминки по умершимъ способенъ производить и въ дѣйствительности производитъ, какъ мнѣ пришлось наблюдать, самое глубокое впечатлѣніе на крестьянъ. Это единственная форма общенія и вмѣстѣ съ тѣмъ средство исполнить въ отношеніи къ нимъ тотъ долгъ, который, помимо собственнаго сознанія каждаго, указывается и православною церковью. То благоговѣніе, съ которымъ выполняются всѣ обычаи, описанные выше, говоритъ за то, что во всемъ этомъ есть много глубоко поучительнаго, тѣмъ болѣе, что никакихъ безобразій и пьянства не бываетъ. Поэтому на нашъ взгядъ, въ сильной степени грѣшатъ тѣ quasi—ревнители православія, которые называютъ обычай справлять „проводы" некрасивымъ, [2]) и видятъ въ этомъ только одни остатки язычества, искоренять которые надо всѣми мѣрами; при этомъ взамѣнъ ничего не предлагаютъ.

Суббота святой недѣли совпадаетъ иногда съ днемъ „Юрія", который особенно чтится у крестьянъ, такъ какъ св. Георгій считается не только покровителемъ стадъ, но и вообще крестьянскаго благополучія. Выгоняя въ этотъ день первый разъ послѣ зимы скотъ въ поле „свяченою вербою", крестьяне стараются ударить каждую скотину этой вербой, такъ какъ они глубоко вѣрятъ, что это средство можетъ предохранить отъ всякихъ

---

[1]) Т. е. покойникамъ.

[2]) Волынскія Епарх. Вѣд. 1905 г. № 16, стр. 515.

болѣзней и порчи. Около четырехъ часовъ дня въ этотъ день поля, на которыхъ зеленѣли рожь и пшеница, представляли дивную картину: они пестрѣли копошившимися на нихъ людьми; красный цвѣтъ въ нарядахъ занималъ преобладающее мѣсто. По установившемуся обычаю въ этотъ день вся семья, а въ случаѣ дурной погоды хозяинъ и хозяйка, должны отправляться въ поле, засѣянное озимыми посѣвами, и тутъ „дойисты свячене порося и закопаты його кости“, такъ какъ въ точномъ исполненіи этого обычая заключается залогъ урожая посѣвовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ требуется „качаты яйця (крашанки) и самымъ качатыся, щобъ жыто й пшеныця булы буйни тай высоки“; и дѣйствительно, какъ мнѣ пришлось наблюдать, „качаюця дивчата и хлопци“ съ большимъ усердіемъ, отдаваясь этому развлеченію вплоть до вечера. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ этомъ развлеченіи принимаютъ участіе даже самыя маленькія дѣти, которыхъ качаютъ матери. Любо глядѣть было на это свѣжее, здоровое развлеченіе, ооъединяющее своими надеждами интересы какъ отдѣльныхъ членовъ семьи, такъ и всѣхъ семей одного села.

На полѣ въ этотъ день пѣсенъ мнѣ услышать не пришлось, но послѣ захода солнца дѣвушки собрались на главной площади села и, кромѣ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ выше пѣсенъ, пѣли слѣдующую:

Весна, весна красна!
Що ты намъ прынесла?
Зима ты наша била!
Вже ты намъ дуже надойила.
Весна наша красна!
Що ты намъ прынесла?
Мужыкамъ по ципочку,
Бабамъ по платочку,
Дивкамъ по виночку,
Парубкамъ по квитонци,
По гарни дивоньци [1])

Что касается пѣнія пѣсенъ на полѣ въ день „Юрія“ то мѣстный обычай не разрѣшаетъ этого, находя это не только неблаговременнымъ, но даже вреднымъ, могущимъ дурно повліять на

1] Русск. фил. Вѣстн. 1904 г. т. I: „Описаніе села Косарева“. и „Волынь“ И. И. Теодоровича т. V стр. 137—138.

урожай; молодежь, порывавшуюся пѣть, старики поучительно удерживаютъ, говоря: „якъ въ пистъ ны можна куштуваты и йисты крашанку, такъ теперъ спиваты на поли. Колы Богъ позволыть дочыкаты жнивъ, та пошле врожай, тоди наспиваетесь; а теперъ ны можна, ны годыця". И молодежь повинуется, видя въ этихъ словахъ не только авторитетный голосъ старшихъ, но признавая также за этими словами и религіозное значеніе: вѣдь неисполненіе этого обычая можетъ принести наказаніе Божіе.

Свое описаніе закончу слѣдующимъ повѣрьемъ, съ которымъ мнѣ пришлось познакомиться. На святой была сильная гроза— „першый гримъ вдарывъ", какъ увѣряли крестьяне; осѣняя себя во время грозы крестнымъ знаменіемъ, крестьяне въ то же время ударяютъ себя кулакомъ по груди и спинѣ съ тою цѣлью, „щобъ булы крепки".

Вячеславъ Каминскій.

М. Бакунинъ и русскіе прогрессисты 60-хъ годовъ въ вопросѣ о польско-украинскихъ отношеніяхъ.

Въ № 1-мъ „Кіевской Старины“ за текущій годъ мы помѣстили нѣсколько главъ изъ сочиненія М. П. Драгоманова „Историческая Польша и великорусская демократія,“ въ которыхъ шла рѣчь объ отношеніи къ польскому и украинскому вопросамъ А. И. Герцена. Въ заключительныхъ строкахъ этихъ главъ сказано было, что присоединеніе А. И. Герцена къ польскому движенію 1862—63 гг. можетъ быть объяснено тѣмъ, что онъ поддался вліянію М. Бакунина, хотя этимъ однимъ вліяніемъ нельзя объяснить всего дѣла.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи М. П. Драгомановъ выясняетъ подробно какъ всѣ воззрѣнія самого Бакунина на этотъ вопросъ, такъ еще больше взгляды представителей великорусскихъ демократовъ того-же періода, при чемъ авторъ удѣляетъ много вниманія и на развитіе автономно-федеральныхъ теорій, высказанныхъ нѣкоторыми изъ нихъ. Главы, въ которыхъ идетъ рѣчь объ этихъ интересныхъ страницахъ въ исторіи недавняго нашего прошлаго, такъ интересны, что мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ познакомить съ ними нашихъ читателей, тѣмъ болѣе, что названное сочиненіе М. П. Драгоманова, какъ мы уже говорили, мало распространено въ Россіи.

Бакунинъ несомнѣнно имѣлъ значительную долю вліянія на уступчивость Герцена польскимъ патріотамъ въ 1862—1863 г., хотя и у самого Бакунина были прежде съ ними разногласія

въ такомъ же родѣ, какъ и разногласія Герцена. [1]) Но приближеніе взрыва въ Польшѣ увлекло подвижную натуру Бакунина. Это увлеченіе прекрасно нарисовано Герценомъ въ статьѣ „М. Б. и польское дѣло".

Когда Герценъ замѣтилъ, что врядъ ли Потебнѣ и русскому обществу „Земля и Воля" „по дорогѣ съ поляками",—Бакунинъ воскликнулъ: „По дорооѣ, по дорогѣ! Не сидѣть же намъ вѣчно сложа руки и рефлектируя. Исторію надо принимать, какъ она представляется, не то всякій разъ будешь заурядъ то назади, то впереди... Чего жъ ты больше хочешь? Поляки никогда не дѣлали (и) такихъ уступокъ..." (Посм. соч. 187, 193.)

„Бакунинъ вѣрилъ въ возможность военнаго крестьянскаго возстанія въ Россіи, говоритъ Герценъ, вѣрили отчасти и мы; да вѣрило и само правительство... Б., не слишкомъ останавливаясь на взвѣшиваніи всѣхъ обстоятельствъ, смотрѣлъ на одну дальнюю цѣль и принялъ второй мѣсяцъ беременности за девятый. Онъ увлекалъ не доводами, а желаніемъ. Онъ хотѣлъ вѣрить и вѣрилъ, что Жмудь и Волга, Донъ и Украйна возстанутъ, какъ одинъ человѣкъ, услышавъ о Варшавѣ; онъ вѣрилъ, что старовѣръ воспользуется католическимъ движеніемъ, чтобъ узаконить расколъ". (Посм. соч. 197.) „За возстаніемъ въ Варшавѣ онъ уже видѣлъ свою славную славянскую федерацію, о которой поляки говорили не то съ ужасомъ, не то съ отвращеніемъ, и торопился какъ нибудь сгладить затрудненія, затушевать противорѣчія (между собою и польскими революціонерами), не выполнить овраги, а бросить черезъ нихъ чортовъ мостъ" (Тамъ же 199, 200).

Впрочемъ одного личнаго вліянія, даже столь сильнаго и столь близкаго человѣка, не было бы достаточно для того, чтобъ заставить Герцена уклониться такъ явно отъ того, что онъ еще такъ недавно высказывалъ съ такою силою. Не менѣе Бакунина повліяли на Герцена голоса людей, жившихъ въ Россіи и принадлежавшихъ къ начавшимъ тогда образовываться тамъ кружкамъ практическихъ революціонеровъ. Между этими кружками выдавалось наиболѣе общество „Земля и Воля". Стремленія этого

---

[1]) См. первую статью Бакунина, напечатанную тотчасъ послѣ его побѣга изъ Сибири: „Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ". Приложеніе къ „Колоколу", 15 февраля 1862 г. Выраженныя тутъ идеи о польскомъ вопросѣ такъ похожи на разобранныя нами статьи Герцена въ 1859—60 гг., въ ихъ сильныхъ и слабыхъ сторонахъ, что намъ бы пришлось повторять сказанное, если бъ мы вздумали говорить о нихъ.

общества были болѣе соціальныя (надѣлъ крестьянамъ земли), нежели политическія (установленіе въ Россіи конституціоннаго, если не республиканскаго правленія), и оно, уже по этому одному, должно было принципіально сильно расходиться съ тогдашнимъ польскимъ движеніемъ. Принципіальное различіе между великорусскими и польскими революціонерами было тѣмъ болѣе сильно, что въ рядахъ польской революціи стояла не только демократическая партія, но и аристократическая (и обѣ съ клерикалами), изъ которыхъ, конечно, каждая разсчитывала овладѣть движеніемъ исключительно, но которыя все-таки пока ладили между собою, въ ущербъ даже далеко не крайнимъ демократическимъ интересамъ. Тѣмъ не менѣе оба революціонные лагеря, польскій и великорусскій, попробовали сблизиться между собою для борьбы „единовременной“ и „противъ общаго врага“.

Такія сближенія мы видимъ сплошь и рядомъ въ исторіи. Многимъ они кажутся вполнѣ естественными, особенно для людей „активнаго темперамента“ и для людей „практическихъ“. Мы бы далеко зашли, если бы стали разбирать общій вопросъ о достаточности для политической дѣятельности, въ томъ числѣ и для революціонной, одного такъ называемаго „активнаго темперамента“ и о практичности, особенно для революціонеровъ-новаторовъ, союзовъ, заключаемыхъ единственно, или главнымъ образомъ, на основаніи единовременности борьбы съ „общимъ врагомъ“. Замѣтимъ только, что союзъ великорусскихъ демократовъ-революціонеровъ съ польскою революціею 1863 г. въ ея цѣломъ, въ томъ числѣ съ тѣми людьми, которые сами питали отвращеніе отъ ихъ „нигилистическаго“ образа мыслей и соціалистическихъ стремленій, и которые иначе не могли смотрѣть на нихъ, какъ на средство для отвлеченія силъ врага, и въ своей интимной перепискѣ, ставшей потомъ гласною, называли ихъ „панурговымъ стадомъ“, не принесъ практическихъ выгодъ дѣлу великорусскихъ революціонеровъ. Но главное дѣло въ томъ, что во всякомъ политическомъ движеніи есть и теоретическая сторона, которая, при внимательномъ анализѣ, оказывается едва ли не главною, такъ какъ она особенно опредѣляетъ цѣль движенія, вдохновляетъ и даже порождаетъ практиковъ. Эта сторона движенія представляется писателями, которые имѣютъ свою общественную службу и тѣмъ лучше ее исполняютъ, чѣмъ меньше уклоняются отъ своей роли именно теоретиковъ: неуступчивыхъ, несговорчивыхъ, непрактичныхъ людей, des vrais intransigeants, если говорить моднымъ французскимъ словомъ.

Герценъ, и по личной своей природѣ, и по всему своему прошлому, былъ именно писатель, теоретикъ, котораго служба состояла въ томъ, чтобъ наблюдать факты общественной жизни и говорить о нихъ мысли, вполнѣ независимо отъ всякихъ частныхъ, переходящихъ практическихъ комбинацій, кружковъ, партій и т. п., и такъ таковой онъ именно и пріобрѣлъ громадное вліяніе на общественное мнѣніе въ Россіи. Россія же болѣе, чѣмъ какая другая страна, нуждается въ такихъ чистыхъ, несговорчивыхъ теоретикахъ, какъ потому, что теоретическое политическое образованіе въ ней скудно и до сихъ поръ, такъ и потому, что въ Россіи, благодаря отсутствію политической свободы, не существуетъ возможности для такихъ дѣйствительно практическихъ сдѣлокъ (компромиссовъ), какія заключаются, напр., въ Англіи, гдѣ каждая партія, имѣвшая тысячи случаевъ выяснить свои теоретическія основы и цѣли, входитъ, по требованію обстоятельствъ, съ полнымъ сохраненіемъ этихъ основъ и цѣлей, въ союзъ съ другими партіями на данную, минуту, для достиженія рѣзко опредѣленной частной цѣли, для поверженія ли общаго противника или соперника, или же для проведенія опредѣленной мѣры, до которой только и успѣло дорасти въ данную минуту среднее общественное мнѣніе. Въ Россіи и до сихъ поръ, а въ 60-ые годы тѣмъ болѣе, едва ли не самые практически полезные люди были именно „непрактическіе теоретики“. Такимъ рожденнымъ теоретикомъ былъ Герценъ. И вдругъ ему, передъ началомъ польскаго возстанія, въ которомъ перепуталось столько практическихъ комбинацій, запутавшихъ своими дѣлами круги отъ „нигилистовъ“ въ Россіи до папы Пія IX и Наполеона III, одни предлагаютъ связать свою судьбу союзомъ съ тайнымъ правительствомъ чужой націи, которое, по ходу дѣлъ своей націи, ставитъ во главѣ своей то чуть не соціалистовъ, то Мѣрославскаго, то Лангевича, то назначаетъ своимъ представителемъ Чарторыйскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ Герцену предлагаютъ сдѣлаться агентомъ общества „Земля и Воля“, въ которомъ только и было практически-сильнаго, что самое имя, взятое изъ статьи Огарева въ „Колоколѣ“ же. Изъ „Посмертныхъ сочиненій“ видно, какъ колебался Герценъ, какъ онъ чувствовалъ несообразность предлагаемыхъ ему ролей съ его природою и положеніемъ, завоеваннымъ его прежнею чисто-писательскою дѣятельностью. Агентуру „Земли и Воли“ онъ просто называлъ „глупою“ (Сб. Посм. Соч., 217), и прямо отказался отъ нея, но договоръ съ варшавскими делегатами онъ все таки подписалъ, а это на дѣлѣ свело его

на роль „агента“ и варшавскаго тайнаго правительства, и „Земли и Воли“, которая связала и свою судьбу, и вмѣстѣ съ тѣмъ, на нѣкоторое время, судьбу всего революціоннаго движенія въ Россіи, съ польскою революціею, такъ мало съ нимъ гармонировавшею и по принципамъ, и по своевременности.

Объ этомъ русскомъ революціонномъ движеніи очень трудно говорить сколько нибудь обстоятельно, такъ какъ оно покамѣстъ не оставило по себѣ никакихъ печатныхъ памятниковъ, кромѣ прокламацій, появлявшихся въ то время (1861—1863 гг.) въ Петербургѣ. А потому то, что мы скажемъ сейчасъ объ этомъ движеніи, мы будемъ говорить съ большимъ опасеніемъ ошибиться и будемъ крайне благодарны, если кто поправитъ наши, очень и очень возможныя, ошибки.

Если судить о русскомъ революціонномъ движеніи 1861—1863 гг. по печатнымъ прокламаціямъ, то можно сказать, что въ началѣ оно имѣло болѣе народную, менѣе государственную идейную подкладку, чѣмъ впослѣдствіи. По крайней мѣрѣ въ прокламаціи „Великоруссъ“ явно видно отрицаніе единообразія Россіи и нежеланіе говорить за всю Россію не только за польскія земли ея, полную самостоятельность которыхъ „Великоруссъ“ признаетъ, но и за украинскія. Вотъ что читаемъ мы во 2 № „Великорусса“.

„Таже самая надобность уничтожить систему вооруженнаго насилія требуетъ, чтобы дана была населенію Южной Руси полная свобода располагать своей судьбой по собственной волѣ. Теперь этотъ народъ еще не могъ высказать своихъ желаній. Но извѣстно, что онъ крайне недоволенъ нашимъ господствомъ. До какихъ бы требованій ни довело это недовольство, мы должны уступить имъ. Если онъ хочетъ отдѣлиться совершенно, пусть отдѣляется. Захочетъ ли онъ этого, мы не знаемъ; да и самъ онъ едва ли рѣшитъ это, при настоящей своей безгласности. Но судя по живому чувству страданія отъ нашего деспотизма, должно ожидать, что при первой возможности подумать о своей судьбѣ, онъ захочетъ отойти отъ насъ. Будемъ готовы и на такое рѣшеніе. Мы, великоруссы, достаточно сильны, чтобы остаться однимъ, имѣя въ себѣ всѣ элементы національнаго могущества... Вотъ объясненіе имени, носимаго нашею газетою“. (Перепечатано въ „Колоколѣ“, 15 окт. 1861 года).

Прошло немного времени, и общество „Земля и Воля“, хотя и болѣе радикальное, чѣмъ „Великоруссъ“, по вопросу соціальному, стало однакожъ, на болѣе государственную точку

зрѣнія, подѣливъ имперію Романовыхъ на Россію и Польшу и предоставивъ въ пользу послѣдней всѣ народы, населяющіе принадлежавшія польскому государству до 1772 г. провинціи. Такое быстрое оставленіе народной точки зрѣнія на части Россійской Имперіи для точки зрѣнія государственной имѣетъ себѣ объясненіе въ общемъ характерѣ политическаго образованія русскаго общества на основѣ московско-петербургской цивилизаціи. Ни школа, ни литература великорусская, объ подначальныя государству, не благопріятствуютъ народной точкѣ зрѣнія, которая должна была бы привести образованное общество страны къ ученію о федеративномъ ея устройствѣ, а благопріятствуютъ точкѣ зрѣнія поверхностно-государственной, которая приводитъ къ ученіямъ централистическимъ и сепаратистскимъ, представляющимъ, собственно, родныхъ братьевъ. Изъ всѣхъ политическихъ ученій народно-федеративное имѣетъ наименѣе представителей въ литературѣ великорусской и наиболѣе туго усвояется русской публикой. Одно время, тотчасъ по смерти Николая I, реакція его централизаціи проявилась было довольно сильно ученіями, въ родѣ тѣхъ, какія высказывали Герценъ и Бакунинъ, „Великоруссъ“ и др., но эта реакція въ обществѣ была неглубока и непродолжительна. Подъ общими фразами анти-централистическаго свойства детали мыслей остались въ обществѣ всетаки централистическими.

Интересно, что наиболѣе горячими представителями децентрализаціоннаго направленія въ русской литературѣ явились въ первые годы правленія Александра II вовсе не публицисты и политики, а историки, этнографы, археологи. Децентрализаціонное ученіе проповѣдывалось не такъ въ журналахъ и политическихъ трактатахъ, какъ съ университетскихъ кафедръ. Представителями его были въ Кіевѣ профессоръ русской исторіи, Пл. В. Павловъ (котораго печатныя статьи „О нѣкоторыхъ земскихъ соборахъ XVI—XVII ст.“ и „Тысячелѣтіе Россіи“ не даютъ полнаго понятія о его лекціяхъ), въ Петербургѣ—Н. И. Костомаровъ, объ идеяхъ котораго публика имѣетъ наиболѣе ясное представленіе, благодаря его рѣдкому литературному таланту, и въ Казани—А. П. Щаповъ. Предполагая мнѣнія Костомарова болѣе или менѣе извѣстными читателямъ и считая этого писателя все-таки постороннимъ въ великорусской литературѣ, въ которую онъ вошелъ съ своими украинскими чувствами и ученіями, мы остановимся на Щаповѣ, какъ на великоруссѣ, хотя (что тоже не лишено своего значенія) сынѣ далекой окраины, тоже по своему козацкой, сибирякѣ, воспитавшемся тоже не въ россійскихъ центрахъ, а въ Казани.

Политическія ученія Щапова характеризуются всего лучше его вступительной лекціей, отрывки изъ которой напечатаны въ малораспространенномъ изданіи, казанскомъ сборникѣ „Первый шагъ“ (1876). Надѣемся, что читатель не посѣтуетъ на насъ за слишкомъ длинныя выписки:

„Скажу напередъ,—говорилъ казанскій профессоръ,—не съ мыслью о государственности, не съ идеей централизаціи, а съ идеей народности и областности я вступаю на университетскую каѳедру русской исторіи.

„Въ настоящее время, кажется, утвердилось убѣжденіе, что главный фактъ въ исторіи есть самъ народъ, духъ народный, творящій исторію, что сущность и содержаніе исторіи есть жизнь народная. Это убѣжденіе уже не ново; его начали проводить, осуществлять и въ наукѣ русской исторіи. Но вотъ другое начало, которое еще не сознано ясно въ нашей наукѣ: начало областности—позвольте мнѣ его такъ выразить. У насъ доселѣ господствовала въ изложеніи русской исторіи идея централизаціи; развилось даже какое-то чрезмѣрное стремленіе къ обобщенію, къ систематизаціи разнообразной областной исторіи; всѣ разнообразныя особенности, направленія и факты провинціальной исторической жизни подводились подъ идею государственнаго развитія....

„Между тѣмъ, намъ кажется, ни въ одной европейской исторіи такъ не несвойственно, невозможно такое изложеніе, какъ въ исторіи обширнѣйшаго въ свѣтѣ государства русскаго.... Областной элементъ былъ самымъ жизненнымъ, господствующимъ началомъ, главнымъ мотивомъ историческаго движенія до централизаціи; онъ выдержалъ энергическую вѣковую борьбу съ соединительной централизующей силой государства; онъ многозначительно выразился въ смутное время, во время этой великой борьбы областныхъ общинъ, проявлялся въ земскихъ соборахъ въ XVII в., сказался въ разныхъ областныхъ бунтахъ, демократическихъ и инородческихъ, надѣлалъ чрезвычайно много хлопотъ правительству въ теченіе всего XVIII и въ началѣ XIX столѣтій, во время этой длинной процедуры учрежденія губерній и провинцій, возбуждая въ либеральныхъ умахъ, въ знаменитое время тайныхъ обществъ, разные планы и проекты конституціоннаго устройства областей и т. д., и мы, изучая русскую областную исторію, оставляемъ почти безъ вниманія этотъ областной элементъ столько же загадочный, сколько, быть можетъ, зиждительный, плодотворный элементъ нашей будущей цивилизаціи...

„Какъ нѣтъ въ Европѣ самаго малаго (вѣрно, опечатка,—вм. большаго) государства, которое бы едва могло равняться съ одною изъ областей Россіи, такъ нѣтъ въ Европѣ народа, который бы отличался такимъ провинціальнымъ этнографическимъ разнообразіемъ, какъ народы, обитающіе въ русскихъ областяхъ. Много ли общаго между малороссійскимъ, бѣлорусскимъ и сибирскимъ народонаселеніями? Много ли общаго между Польшею и Камчаткою, или между Кавказомъ, Архангельскою областью и Казанскимъ краемъ и т. д.? А разныя областныя нарѣчія, изъ которыхъ составился особый, цѣлый словарь? А эти характеристическія присловья, которыми такъ мѣтко и согласно съ исторіей характеризуютъ у насъ жители одной области жителей другихъ? А существованіе у насъ территоріальныхъ округовъ, совершенно независимо отъ округовъ административныхъ, отличныхъ нравами жителей, языкомъ, промыслами и т. д.? Все это такъ выразительно, такъ рельефно рисуетъ обширную Россію во всемъ исторически-этнографическомъ разнообразіи ея многочисленныхъ областей, и въ наукѣ русской исторіи доселѣ не объяснено, отчего образовались такія областныя особенности, какое онѣ имѣютъ значеніе въ исторіи, не говоримъ уже о томъ, какое значеніе имѣли и могутъ имѣть въ примѣненіи къ государству, къ администраціи, къ народному матеріальному и нравственному быту и т. д. Уже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, не только люди науки, но и лучшіе государственные мужи сознавали и оффиціально высказывали то убѣжденіе, что „должно обращать вниманіе на совокупныя права многихъ и великихъ областей, составляющихъ обширную Россійскую Имперію, что государство должно вполнѣ соотвѣтствовать всѣмъ выгодамъ мѣстнаго положенія различныхъ областей и главному характеру народовъ, населяющихъ эти области.“ Если когда, то особенно въ наше время, наукѣ русской исторіи необходимо, существенно необходимо, уяснить исторію, духъ, характеръ и этнографическія особености различныхъ областныхъ массъ народныхъ. И весьма утѣшительно, что въ послѣднее время, кажется, и въ самыхъ провинціяхъ стала пробуждаться потребность самосознанія. По крайней мѣрѣ, отрадное явленіе представляютъ мало-по-малу возникающіе въ нашей литературѣ областные сборники, историко-статистическія описанія губерній и провинцій и изданія областныхъ актовъ и памятниковъ. Областные сборники могутъ служить не только руководствомъ нашего областного самосознанія, но и органомъ возбужденія въ провинціяхъ идей самосозна-

нія и саморазвитія въ составѣ цѣлаго государственнаго союза". (Первый шагъ, 407—412.) [1]

Изъ подчеркнутыхъ нами словъ видно ясно, что Щаповъ думалъ не объ одной только старинѣ, но и о современности, когда излагалъ идеи своей „областности". [2] И подобныя слова сходили еще, — и то не всегда — на кафедрахъ, но не въ печати, особенно непрофессорамъ. Уже это одно обстоятельство препятствовало распространенію въ публикѣ идей децентрализаціи въ формѣ федеративной. Проповѣдываніе ихъ только съ каѳедръ историческихъ, главнымъ образомъ, по отношенію къ старинѣ, да еще развѣ по поводу языка и литературы, тоже преимущественно древней, давало и децентрализаціоннымъ идеямъ археологическій характеръ. Значеніе децентрализаціи для современности, между прочимъ, для экономической жизни, оставалось совершенно безъ разъясненія. Это преподаваніе идей политической децентрализаціи только на фактахъ прошедшаго давало имъ характеръ, мало соотвѣтствующій интересамъ современности. Въ прошломъ децентрализація являлась съ крайнимъ проявленіемъ центробѣжныхъ, именно сепаратистскихъ силъ, такъ какъ, что ни говори, напримѣръ, авторъ „Мыслей о федеративномъ началѣ въ древней Руси", а въ его „удѣльно вѣчевомъ укладѣ", собственно, союзныхъ началъ было очень мало, и они не были представлены никакою организаціей, даже такою, какую мы, напримѣръ, видимъ въ средневѣковой Германіи. „Земскій миръ", въ которомъ такъ заинтересованы массы населенія, отъ этого былъ крайне мало обезпеченъ во время господства на востокѣ Европы будто бы федеративныхъ отношеній (мы не хотимъ этимъ сказать, что интересы населенія были лучше обезпечены и московской централизаціей: „московская волокита" стоила удѣльныхъ дракъ). Федералистамъ, которые проповѣдывали свои идеи только въ оболочкѣ фактовъ средневѣковья, противники всегда могли указать на непригодность для новаго времени архаическихъ отношеній, что столько разъ и было говорено, напримѣръ, противъ Костомарова, котораго господствующія въ русской внутренней

---

[1]) Кстати, неужели нельзя напечатать полнаго текста этой лекціи Щапова, которую слышавшіе ее и читавшіе ее въ рукописи признаютъ лучшимъ его произведеніемъ?! Да и вообще стыдно, что до сихъ поръ нѣтъ полнаго изданія сочиненій этого замѣчательнаго дѣятеля.

[2]) Костомаровъ, потертый ссылкой уже раньше, не разъ оговаривался, что онъ говоритъ „о федеральныхъ началахъ" только примѣнительно къ „древней Руси".

политикѣ великорусскія партіи записали въ сепаратисты-романтики, какимъ онъ въ дѣйствительности никогда не былъ. Всѣ отреченія Костомарова и другихъ украинскихъ автономистовъ отъ сепаратизма принимались только за лицемѣріе и за боязнь открыто заявить свои затаенныя мысли.

Замѣчательно, что почти такъ же относились къ автономнымъ движеніямъ и тѣ изъ великоруссовъ, которые имъ сочувствовали, какъ это можно видѣть на примѣрѣ Герцена, Бакунина, „Великорусса". Всѣ они говорятъ о неизбѣжности или возможности „отдѣленія" — Польши, Украйны, Бѣлоруссіи и т. д. и спѣшатъ успокоить великорусскую публику, что, и за отдѣленіемъ этихъ областей, Великороссія все-таки останется великою и сильною страною съ 40-милліоннымъ населеніемъ (см. особено названную выше статью Бакунина при „Колоколѣ" 15 февр. 1861 г.). Но отдѣленіе провинцій и распаденіе державъ въ наши времена дѣло нелегкое. Мы это видѣли на примѣрѣ процесса отдѣленія Ломбардо-Венеціи отъ Австріи, для котораго нужно было не только почти поголовное возстаніе жителей провинцій, но и благопріятное вмѣшательство сосѣднихъ державъ, въ томъ числѣ и неитальянскихъ; мы это видимъ на процессѣ распаденія даже „больной" Турціи. Массы населенія, даже если въ нихъ крѣпко національно-политическое сознаніе своей особенности, сорокъ разъ подумаютъ, прежде чѣмъ возстанутъ изъ-за идеи политическаго сепаратизма. Мы видимъ, что, напр., въ Польшѣ массы не возстали ни въ 1831, ни въ 1863 гг. Тѣмъ болѣе не могли онѣ возставать въ Украйнѣ, ни въ Литвѣ, ни въ Бѣлоруссіи и т. п. странахъ, въ которыхъ отъ массъ народа отдѣлились въ особыя національности классы образованные, естественные теперь выразители всякихъ сознательныхъ политическихъ стремленій. А между тѣмъ напрасно бы мы стали думать, что въ массахъ этихъ странъ нѣтъ вовсе чувства и даже сознанія своей національной индивидуальности, и еще болѣе, что для удовлетворенія ихъ насущныхъ потребностей этимъ странамъ не нужно самоуправленія. Только въ такихъ странахъ автономная идея можетъ имѣть практическое значеніе скорѣе въ видѣ идеи федеративной, чѣмъ сепаратистской.

Но именно федеративная идея и не была разъяснена публикѣ въ Россіи, а потому публика эта даже и въ 60-е годы понимала собственно только двѣ политическія формы: централизацію и сепаратизмъ, — изъ коихъ послѣдній самъ можетъ имѣть свои централизаціонныя стремленія. Въ примѣненіи къ запад-

нымъ полосамъ имперіи, русская публика, послѣ нѣкоторыхъ колебаній въ сторону народно-федеральную, стала на томъ, что онѣ должны быть или раздѣлены между Польшей и Россіей (т. е. въ данномъ случаѣ Великороссіей), или же должны оставаться въ полномъ централистическомъ единеніи, конечно, съ преобладаніемъ великороссійскаго элемента, какъ „государственнаго". Даже люди великорусской политическо-соціальной оппозиціи стали на такой мысли: въ Польшѣ есть движеніе къ отдѣленію отъ Россіи, слѣдовательно пусть поляки и отдѣлятся, даже со всѣмъ тѣмъ, что они считаютъ за Польшу и что мы не привыкли считать за Россію; въ другихъ земляхъ, въ Литвѣ, Бѣлоруссіи, Украйнѣ и пр., никто не заявляетъ желанія образовывать отдѣльныя государства, слѣдовательно, нечего и говорить объ ихъ индивидуальностяхъ и автономіи. Мы помнимъ, какое неудовольствіе произвело въ 1863 г. въ великороссійскихъ оппозиціонныхъ кругахъ провозглашеніе Костомаровымъ „анаѳемы тому, кто задумаетъ отдѣленіе Украйны отъ Россіи". Великороссійская оппозиція, которая тогда безразлично сочувствовала польскому возстанію, видя въ немъ прежде всего врага своему противнику— правительству — словно обманулась въ ожиданіяхъ отъ украинскаго движенія, и съ тѣхъ поръ къ числу противниковъ его изъ катковскаго лагеря прибавились противники изъ лагеря радикальнаго, въ которомъ польскій сепаратизмъ, со всѣми его аристократическими примѣсями, сталъ пользоваться большимъ сочувствіемъ, чѣмъ украинскій федерализмъ, при всемъ его демократизмѣ, сознательномъ и инстинктивномъ. И до сихъ поръ можно встрѣтить въ великорусскихъ радикальныхъ, даже соціалистическихъ сферахъ такое отношеніе къ негосударственнымъ народамъ, поставленнымъ между Польшей и Великороссіей: „а! вы не хотите или не можете составить особыхъ государствъ, такъ становитесь или поляками, или русскими (великоруссами), или мы сами подѣлимся вами по поламъ съ поляками!"

Въ основѣ такого отрицательнаго отношенія къ автономнымъ стремленіямъ „негосударственныхъ" народовъ лежитъ, во-первыхъ, якобинскій централизмъ, черезъ который неизбѣжно должны были пройти русскіе оппозиціонные круги, всетаки выросшіе подъ впечатлѣніемъ исторіи, а во-вторыхъ и главнымъ образомъ, незнаніе истиннаго положенія въ областяхъ великорусскихъ, въ томъ числѣ и въ Польшѣ. Какъ характерный примѣръ такого незнанія, мы должны указать на статью Н. Г. Чернышевскаго въ „Современникѣ", 1861 г., іюль,—„Національная безтактность".

Статья эта, написанная какъ рецензія на 1—2 №№ газеты „Слово", которая съ возстановленіемъ въ Австріи конституціоннаго правленія, стала выходить въ Львовѣ, посвящена была спеціально вопросу объ отношеніяхъ между польскими и руссинскими политиками въ одной только и при томъ автономной части исторической Польши,—въ Галиціи. Но она была понята въ болѣе широкомъ смыслѣ, да очевидно въ значительной степени и писана была съ тѣмъ, чтобъ быть понятой въ такомъ смыслѣ: „Современникъ" былъ обозрѣніе практическое и не печаталъ статей „о сухихъ туманахъ", съ которыми тогда сравнивали въ Россіи всѣ вопросы, не имѣвшіе непосредственнаго отношенія къ текущимъ внутреннимъ вопросамъ.

Рѣчь о статьѣ Чернышевскаго мы начнемъ съ выписки нѣсколькихъ строкъ изъ начала ея. „Галицкіе малороссы", говоритъ Чернышевскій, „или, какъ они себя называютъ, руссины, отличаются всѣми свойствами, общими цѣлому малорусскому племени. А если есть племена, могущія привлекать симпатію больше, чѣмъ другія племена, то именно малороссы—одно изъ племенъ наиболѣе симпатичныхъ. Очаровательное соединеніе наивности и тонкости ума, мягкость нравовъ въ семейной жизни, поэтическая задумчивость характера, непреклонно настойчиваго, красота, изящество вкуса, поэтическіе обычаи,—все соединяется въ этомъ народѣ, чтобы очаровывать васъ, такъ что иноплеменникъ становится малорусскимъ патріотомъ, если хоть сколько-нибудь поживетъ въ Малороссіи. [1]) Нельзя не сочувствовать имъ". Само собою разумѣется, Чернышевскій признаетъ полную самостоятельность украинскаго языка, желаетъ полнаго его развитія и даже политическаго объединенія „руссиновъ" Австріи съ „малороссами" Россіи. [2])

Послѣ такого, весьма рѣдкаго даже и въ тѣ времена русской реакціи противъ оффиціальной народности, предисловія, публицистъ „Современника" переходитъ къ своей спеціальной задачѣ: къ разбору поведенія галицко-русскихъ политиковъ. Онъ не видитъ въ немъ ничего, кромѣ „національной безтактности",

---

[1]) Самъ Чернышевскій жилъ, если не въ Малороссіи, то подлѣ малорусскихъ колоній надъ Волгой: напротивъ Саратова, родины Чернышевскаго, расположена огромная слобода Покровская, сплошь населенная украинцами—„черкасами".

[2]) См. кромѣ разобранной статьи еще и другую „Народная безтолковость" въ „Современникѣ" 1861 г., октябрь, посвященную разбору великорусско-централистическихъ стремленій московскихъ лже-славянофиловъ „Дня".

главнымъ образомъ потому, что они составляютъ оппозицію польскимъ политикамъ, между тѣмъ какъ эти послѣдніе, по мнѣнію автора, естественные союзники и даже надежные покровители „галицкихъ малороссовъ".

„Львовское Слово", говоритъ великорусскій демократъ, совершенно ошибается, воображая въ полякахъ вражду противъ русинской національности... Странные люди (русинскіе политики),— восклицаетъ онъ... Изъ-за воспоминаній о старинѣ (только!) проникаются они преданностью къ нынѣшнему общему непріятелю („австрійскимъ нѣмцамъ", какъ говоритъ авторъ выше) ихъ и отстраняютъ старинныхъ ихъ непріятелей, не могущихъ быть вредными для нихъ теперь, ищущихъ союза съ ними для общей пользы",— и дальше приравниваетъ оппозицію галичанъ полякамъ (т. е. собственно польскимъ помѣщикамъ и чиновникамъ) къ совершенно глупой враждѣ, которую бы кто-либо вздумалъ проповѣдывать во Франціи къ англичанамъ изъ-за того только, что англичане опустошили Францію во времена „разныхъ Эдуардовъ". „Мы боимся, говоритъ Чернышевскій, что львовское „Слово" по старинным воспоминаніямъ смотритъ слишкомъ враждебно на другія силы, которыя теперь искренне готовы содѣйствовать развитію просвѣщенія между русинами. Мы боимся, не отдается ли львовское „Слово" врагамъ русинскаго племени и не отталкиваетъ ли отъ себя его нынѣшнихъ союзниковъ." Высказавъ совершенно справедливое предположеніе, что надежды „Слова" на русинское духовенство до добра не доведутъ, Чернышевскій объясняетъ связь свѣтскихъ русиновъ съ своими клерикалами предположеніемъ о политической слабости русиновъ. „Мы не желали бы предполагать такое состояніе у галицкихъ русиновъ. Если львовское „Слово" хочетъ вручить ходатайство по мірскимъ дѣламъ русинскаго племени православному духовенству за недостаткомъ другихъ защитниковъ русиновъ изъ русиновъ же, то, значитъ, сами русины еще не въ состояніи понимать своихъ интересовъ, т. е. еще неспособны къ политической борьбѣ. А начинать борьбу, къ которой неспособенъ, значитъ, поступать во вредъ себѣ. Когда отдѣльный человѣкъ неспособенъ понимать и защищать свои интересы, онъ можетъ ожидать пользы для себя только отъ человѣческой справедливости ближнихъ къ нему людей, а не отъ борьбы съ ними, потому что онъ неспособенъ вести ее; онъ долженъ пріобрѣтать ихъ дружбу готовностью помогать имъ. Точно таковъ же путь, предписываемый здравымъ смысломъ цѣлому племени, находящемуся въ подобномъ поло-

женіи." Русины такимъ образомъ, по совѣту Чернышевскаго, должны начать съ того, чтобы помогать полякамъ, — тѣмъ болѣе, что и поляки, какъ увѣренъ онъ, готовы помогать русинамъ. Хватаясь за замѣчаніе „Слова", что среди русиновъ по происхожденію есть много ренегатовъ, перешедшихъ къ полякамъ, Чернышевскій говоритъ: „Вотъ спросили бы вѣрные своей народности русины поляковъ, уважаютъ ли сами поляки отступниковъ отъ русинской національности и одобряютъ ли ихъ. Вѣроятно, поляки смотрятъ на этихъ русиновъ-отступниковъ точно такъ же, какъ французы смотрѣли на русскихъ, презиравшихъ русскую національность: называютъ ихъ попугаями."

Чернышевскій подошелъ было очень близко къ сущности дѣла, усмотрѣвъ въ политической борьбѣ, которая происходила въ Галиціи, соціальную подкладку, но совершенное незнаніе подробностей дѣла продиктовало совершенно неожиданныя и вполнѣ несоотвѣтствовавшія дѣйствительному положенію дѣлъ заключенія. „Слѣдовало бы „Слову" повнимательнѣе подумать также, надобно ли считать за споръ между національностями тотъ споръ, въ который оно бросается съ такою готовностью и который оно понимаетъ, какъ споръ національностей? Очень можетъ быть, что при точнѣйшемъ разсмотрѣніи живыхъ отношеній, львовское „Слово" увидѣло бы въ основаніи дѣла вопросъ, совершенно чуждый племенному вопросу, — вопросъ сословный. Очень можетъ быть, что оно увидѣло бы и на той, и на другой сторонѣ и русиновъ, и поляковъ, — людей разнаго племени, но одинаковаго общественнаго положенія. Мы не полагаемъ, чтобы польскій мужикъ былъ враждебенъ облегченію повинностей и вообще быта русинскихъ крестьянъ. Мы не полагаемъ, чтобы чувства землевладѣльцевъ русинскаго племени по этому дѣлу много отличались отъ чувствъ польскихъ землевладѣльцевъ. Если мы не ошибаемся, корень галиційскаго спора находится въ сословныхъ, а не племенныхъ отношеніяхъ. И если мы не ошибаемся, то сословная партія, которая представляется львовскому „Слову" враждебной къ русинской національности, не имѣетъ къ этой національности ровно никакой вражды, а по сословному вопросу расположена теперь эта партія къ чрезвычайно большимъ уступкамъ въ пользу поселянъ какъ польскаго, точно также и русинскаго племени. Вотъ объ этомъ бы не мѣшало подумать львовскому „Слову". Быть можетъ эти уступки, на которыя искренно готовы люди, кажущіеся ему врагами, быть можетъ эти уступки такъ велики, что совершенно удовлетворили

бы русинскихъ поселянъ; а, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что уступки эти гораздо больше и гораздо вѣрнѣе всего, что могутъ получить русинскіе поселяне отъ австрійцевъ".

Приступая къ критикѣ изложенныхъ мыслей Чернышевскаго, мы должны оговориться, что мы вовсе не думаемъ защищать политику галицкой партіи, которую въ то время звали „святоюрскою" (отъ митрополитанскаго собора св. Юрія въ Львовѣ) изъ которой потомъ вышла партія такъ называемыхъ „москвофиловъ". Мы сами имѣли случай высказаться весьма отрицательно относительно ихъ дѣятельности, поставляя ей въ укоръ перевѣсъ эмпирическаго политиканства надъ заботами о проведеніи въ общество реальнаго политическаго образованія, невнимательность къ реальнымъ нуждамъ народа, безусловную покорность австрійскому правительству, къ которой присоединились потомъ неосновательныя надежды на русское правительство, клерикальную и національную узость, которая помѣшала имъ привлечь на свою сторону сочувствіе и польскихъ крестьянъ въ странѣ [1]) Но мы должны сказать, что въ статьѣ Чернышевскаго, по крайней мѣрѣ, не соблюдена мѣра въ накладываніи красокъ: на сторону политиковъ русинскихъ положены все темныя краски, тогда какъ для ихъ польскихъ противниковъ сохранены исключительно свѣтлыя краски и притомъ совершенно произвольныя.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Чернышевскій писалъ свою статью по справкамъ, какія онъ получилъ отъ своихъ польскихъ друзей въ Петербургѣ. Между этими друзьями былъ и Сиг. Сѣраковскій, несомнѣнный демократъ, пріятель и Шевченка и, слѣдовательно, человѣкъ лично чуждый стремленій католическихъ и аристократическихъ, и даже централистическихъ. Но только врядъ ли онъ достаточно критически относился къ своимъ болѣе его отсталымъ соотечественникамъ даже аристократической партіи, съ которыми такъ или иначе приходилось дѣйствовать вмѣстѣ даже демократамъ польскимъ „противъ общаго врага".

Совершенно понятно, что польскіе дѣятели разныхъ оттѣнковъ мысли должны были постараться привлечь на свою сторону публициста, столь талантливаго и вліятельнаго, какъ Чернышевскій, и побудить его подать свой голосъ объ украино-польскихъ

---

[1]) См. „Русскіе въ Галиціи", „Вѣстн. Европы", 1873, №№ 1—2.

отношеніяхъ. Этотъ голосъ могъ бы быть крайне полезенъ для дѣла, особенно въ то время, такъ какъ Чернышевскій превосходилъ своимъ политическимъ образованіемъ тогдашнихъ украинскихъ дѣятелей не только въ Галиціи, гдѣ они отличались крайнимъ клерикализмомъ, но и въ Россіи, гдѣ даже лучшіе и заслуженные украинскіе писатели „Основы“ (1861—1862) принадлежали, по своему воспитанію, гораздо болѣе къ національно-романтической, нежели къ интернаціонально-положительной школѣ. Самъ Чернышевскій въ разбираемой статьѣ сдѣлалъ одно чрезвычайно вѣрное замѣчаніе, а именно—о „наивности заблужденія, что одного патріотическаго чувства безъ политическаго образованія и такта достаточно для того, чтобы стать полезными для народа предводителями“. „Нѣтъ, этого мало — говоритъ публицистъ „Современника“ — какъ мало любви къ человѣку, чтобы лѣчить его. И любишь, да погубишь его своимъ лѣкарствомъ, если не знаешь медицины“.

Слова эти слѣдовало бы на стѣнкѣ зарубить едва ли не всѣмъ политико-соціальнымъ партіямъ польскимъ, русскимъ и украинскимъ, не только прежнимъ, но и нынѣшнимъ. Но мы должны обратиться къ разбору рецептовъ великорусскаго доктора, прописанныхъ имъ, въ лицѣ Галиціи, для всей огромной полосы Литвы, Бѣлоруссіи и Украйны.

Увы! оказывается, что эти рецепты были прописаны, можетъ быть, и съ знаніемъ общей медицины, но безъ собственнаго діагноза состоянія того индивидуума, которому они прописывались. Здѣсь мы наталкиваемся на одну, по нашему мнѣнію, характерную особенность великорусскаго общества, о которой мы предпочитаемъ сказать съ полной откровенностью, хотя бы и подъ опасеніемъ ошибиться, нежели умолчать о ней или сказать недостаточно ясно.

У великорусскихъ публицистовъ вообще замѣтна какая-то неохота, чуть не неспособность, къ всестороннему анализу положенія западно-славянскихъ земель. Неохота эта замѣтна одинаково, какъ у такъ называемыхъ московскихъ славянофиловъ, которые до того субъективно, исключительно съ своей, старомосковской, православно-великорусской точки зрѣнія смотрятъ на славянство, что собственно не должны бы быть и называемы иначе, какъ москвофилами, а вовсе не славянофилами, такъ и у такъ называемыхъ западниковъ, которые то относятся къ западному славянству совсѣмъ отрицательно, то повторяютъ о немъ взгляды, встрѣченные въ первой западноевропейской, или

же, въ горячія минуты, въ москвофильской же книжкѣ. Черта эта, по нашему мнѣнію, объясняется вполнѣ исторіею образованія великороссійскаго общества.

Извѣстно, какъ изображаютъ всѣ иностранные путешественники XVI—XVII ст., не только западноевропейцы, но и сиріецъ Павелъ Алеппскій, узкую субъективность отношеній московскихъ людей къ иностранцамъ. Этотъ субъективизмъ и національно-религіозная исключительность вполнѣ объясняются той изолированностью отъ образованнаго міра, въ какой столь долго жила Русь Московская и какой не знала, до присоединенія къ ней, Русь западная и южная. Со временъ Петра Великаго извѣстная часть великорусскаго общества вышла изъ этой изолированности. Но старая московская исключительность и субъективность продолжаетъ жить въ цѣлыхъ направленіяхъ этого общества. [1]) Тѣ же, которые отошли отъ узкаго національнаго субъективизма, по большей части тоже не доходятъ до вполнѣ объективнаго космополитизма, т. е. до самостоятельно-критическаго отношенія къ интересамъ всѣхъ народовъ и до способности войти въ положеніе самаго мелкаго народа (каковою способностью въ высшей степени отличаются люди изъ англійскаго общества), а почти всегда усваиваютъ какое-нибудь изъ воззрѣній, господствующихъ среди одного изъ западноевропейскихъ національныхъ обществъ, чаще всего, конечно, общества одной изъ большихъ государственныхъ національностей. Невеликорусскіе же славяне, исключая поляковъ, давно уже поставлены въ положеніе народовъ негосударственныхъ. Вотъ въ ихъ то кожу никакъ не можетъ поставить себя огромное большинство великорусскаго общества, поставить такъ, какъ, напримѣръ, иной англичанинъ имѣетъ войти въ положеніе даже какихъ-нибудь зулусовъ (истребляемыхъ его же соотечественниками). Вотъ почему русскимъ и приходится почерпать свои свѣдѣнія даже о черногорцахъ и болгарахъ, о которыхъ, повидимому, такъ хлопочетъ русское правительство и извѣстная часть общества, изъ литературы англичанъ, правительство которыхъ столь долго являлось полити-

[1]) Прекрасную критику этой исключительности въ отношеніяхъ московскихъ лжеславянофиловъ къ западнымъ славянамъ см. въ статьяхъ Чернышевскаго: „Народная безтолковость“ („Современникъ“, 1861 г. октябрь) и „Самозванные старѣйшины“ (тамъ же, 1862 г. мартъ). Въ послѣдней онъ разбираетъ коллективное посланіе москвичей къ сербамъ, въ которомъ всѣ неправославные народы (въ томъ числѣ и хорваты) названы „врагами человѣчества“.

ческимъ врагомъ этихъ народовъ. И вотъ почему русскіе, когда говорятъ о западныхъ славянахъ, то, если не говорятъ о нихъ съ московской точки зрѣнія, такъ разсуждаютъ о чехахъ, какъ нѣмцы, о хорватахъ, какъ венгры, о болгарахъ, какъ греки и даже какъ турки, объ украинцахъ, какъ поляки и т. д. Если бы мы не боялись удлиннить статью, мы бы могли привести въ подтвержденіе десятки примѣровъ изъ великорусской литературы, начиная отъ Бѣлинскаго и оканчивая публицистикою временъ послѣдней войны. [1]) Едва ли не единственное исключеніе, по своей тонкой внимательности къ положенію каждаго славянскаго племени, представляетъ въ великорусской литературѣ „Исторія славянскихъ литературъ“ г. Пыпина, но за то же ее такъ и не любятъ московскіе лжеславянофилы и потому же она, не смотря на то, что уже вышла вторымъ изданіемъ, въ сущности. оказала столь малое вліяніе на общественное мнѣніе и даже на братію, пишущую политическія статьи о славянахъ.

Этотъ субъективизмъ, домашній или заимствованный, въ отношеніяхъ представителей самаго многочисленнаго изъ славянскихъ племенъ къ его сосѣдямъ и единоплеменникамъ изъ негосударственныхъ племенъ, всего лучше говоритъ въ пользу необходимости образованія въ каждомъ изъ послѣднихъ партій моральной и политической автономіи. Только такія партіи, при всей своей слабости и неизбѣжной въ началѣ политической и культурной отсталости сравнительно съ великоруссами, которыхъ энергія не раздваивается борьбою за національность и независимость, въ состояніи хоть со временемъ представить вѣрно интересы негосударственныхъ племенъ и оказать свое вліяніе и на представителей племенъ государственныхъ. Только изъ совокупности усилій этихъ партій и взаимнаго вліянія націй государственныхъ и негосударственныхъ и можетъ выйти здоровая солидаризація дѣйствій всѣхъ племенъ восточной Европы, такъ необходимая для великихъ и малыхъ племенъ. До сихъ же поръ, видя отношеніе къ положенію негосударственныхъ племенъ даже такихъ людей, какъ Бѣлинскій и Чернышевскій, приходится по меньшей мѣрѣ сказать, что, если сытый голоднаго не понимаетъ, то ему лучше бы всего и не говорить вовсе о дѣлахъ голоднаго человѣка.

---

1) Отношеніе Бѣлинскаго къ украинцамъ, сербамъ и болгарамъ мы разобрали въ предисловіи къ изданному нами „Письму В. Гр. Бѣлинскаго къ Н. В. Гоголю“. Женева 1880.

Обсуждая украинско-польскія отношенія, Чернышевскій не только не понялъ голоднаго, или по крайней мѣрѣ болѣе голоднаго, но даже изложилъ его положеніе, главнымъ образомъ на основаніи показаній того, кто у него отнимаетъ хлѣбъ. Чернышевскій не далъ себѣ труда не только изучить положеніе дѣлъ въ Галиціи, но и изложилъ его или совершенно произвольно, или съ голоса польскихъ историческихъ патріотовъ. Такъ, напримѣръ, совершенно фантастичнымъ является у него предположеніе, что въ Галиціи русины-землевладѣльцы (помѣщики) одинаково относятся къ русинамъ-крестьянамъ, какъ и землевладѣльцы-поляки. Никакихъ русиновъ-помѣщиковъ не существуетъ въ Галиціи, какъ и по всей Украйнѣ на правомъ берегу Днѣпра, и слѣдовательно всѣ выводы, какіе строитъ дальше великорусскій демократъ на своемъ предположеніи, не имѣютъ ровно никакого значенія. Положеніе же, что будто „сословная партія польская въ Галиціи не имѣетъ къ русинской національности ровно никакой вражды, а по сословному вопросу эта партія теперь (1861) расположена къ чрезвычайно большимъ уступкамъ въ пользу поселянъ, какъ польскаго, такъ и русинскаго племени“,—взято на вѣру у польскихъ оптимистовъ и тоже совершенно противно тому, что было и есть въ дѣйствительности. Предположеніе же, что какіе нибудь землевладѣльцы in corpore могутъ быть расположены къ чрезвычайно большимъ уступкамъ въ пользу поселянъ, даже и a priori должно бы было показаться невѣрнымъ такому хорошему экономисту, какъ Чернышевскій. Онъ первый бы передалъ въ редакцію „Свистка“ подобное положеніе, если бы оно доставлено было ему, напр., изъ Владимірской губерніи, а польскимъ оптимистамъ онъ повѣрилъ!

Казалось бы, и въ 1861 г. было бы излишнимъ говорить великоруссамъ, что въ Галиціи (Восточной), какъ и во всей Украйнѣ до Днѣпра, никакого польскаго народа нѣтъ, а есть только помѣщики, и что наоборотъ эти помѣщики тамъ почти всѣ поляки. А между тѣмъ ежедневный опытъ показываетъ, что это нужно повторять и до сихъ поръ. А такъ какъ поляки въ этомъ краѣ и теперь составляютъ сословіе, по теперешнему ходу вещей господствующее, то, конечно, борьба съ ними представителей національности мужицкой является вовсе не борьбою изъ-за воспоминаній о старинѣ. Антагонизмъ русиновъ и поляковъ въ Украйнѣ это не то, что антагонизмъ французовъ и англичанъ, русскихъ и татаръ, а подобенъ борьбѣ сербовъ и турокъ, напр., въ Босніи, съ тою только разницею, что польская аристократія,—а въ Галиціи и

польская бюрократія, — уже въ силу своей цивилизаціи, высшей чѣмъ турецкая, присоединяетъ къ своекорыстію сословному еще и стремленія къ денаціонализированію подчиненнаго ему мужицкаго племени. Отрицать борьбу польскаго аристократо-бюрократическаго элемента противъ украинской національности въ Галиціи такъ же странно, какъ отрицать стремленія Пруссіи германизировать поляковъ въ Познани: манія оффиціальныхъ народностей проявляла себя довольно сильно по всей Европѣ и въ 1861 г., какъ и теперь. И эта манія должна была явиться тѣмъ сильнѣе, напр., въ Галиціи, гдѣ навязываемая народность имѣетъ себѣ поддержку въ экономическихъ привилегіяхъ. Помѣщикъ и представитель оффиціальнаго полонизма въ Галиціи слились до того, что одинъ не только нераздѣленъ отъ другого, но стремленіе послѣдняго усиливаетъ эгоизмъ перваго, такъ какъ очевидно, что если русинскіе крестьяне получатъ экономическое обезпеченіе, то у нихъ усилится и сознаніе своей національной самостоятельности, и, наоборотъ, если среди нихъ разовьется образованіе и сознаніе своей національности, то они тѣмъ болѣе захотятъ свергнуть съ себя и экономическое иго польскихъ помѣщиковъ. Въ томъ и другомъ случаѣ неизбѣженъ раздѣлъ этого послѣдняго куска исторической Польши въ видѣ австрійской провинціи. Вотъ почему польскія партіи восточной Галиціи, не исключая и демократовъ, являются такими ожесточенными противниками и соціально-экономическихъ, и національныхъ (политическихъ и культурныхъ) стремленій русиновъ.

Все сказанное подтверждается цѣлою исторіей аграрно-національныхъ отношеній Галиціи съ самаго 1831 г., если уже не заходить дальше. Въ 1848 г. польскіе помѣщики и даже выборные отъ городовъ, вмѣсто уступокъ поселянамъ, требовали въ вѣнскомъ парламентѣ выкупа барщины; въ пятидесятые и шестидесятые годы, какъ разъ тогда, когда писалъ свою статью Чернышевскій, они настаивали и настояли на крайне невыгодномъ для крестьянъ рѣшеніи вопроса о сервитутахъ (пользованіи лѣсами и выпасами), на сохраненіи за помѣщиками, противной даже буржуазной экономіи, привилегіи содержанія шинковъ (пропинація) и т. д. Что до національнаго вопроса, то въ 1848 г. польскія партіи самымъ ожесточеннымъ образомъ сопротивлялись признанію русиновъ самостоятельною націею и передъ австрійскимъ правительствомъ, и передъ славянскимъ съѣздомъ въ Прагѣ, и передъ императорскимъ парламентомъ въ Вѣнѣ. Въ 60-ые годы, почти въ одно время съ статьею Чернышевскаго, появились

даже въ польскихъ изданіяхъ въ Россіи статьи, также отрицающія самое существованіе украинской народности съ польской точки зрѣнія, какъ стали потомъ отрицать ее Катковы и Аксаковы съ московской точки. [1])

Всю эту литературу польскаго сочиненія, радикально отрицающую самое существованіе русиновъ, какъ отдѣльнаго отъ поляковъ народа, очень не трудно было знать и петербургскимъ политикамъ, равно какъ и характеръ аграрной политики тогдашнихъ польскихъ партій въ Австріи. Не трудно было провѣрить и то, насколько было правды въ увѣреніяхъ, которыя по временамъ исходили отъ этихъ партій, что крестьяне и русины въ Галиціи, если имѣютъ на кого жаловаться, то вовсе не на польскихъ политиковъ, у которыхъ будто бы руки связаны, а на Вѣну,—увѣренія, какія проникли въ статью Чернышевскаго. Во первыхъ, вовсе не думая идеализировать вѣнскую королевско-цесарскую бюрократію, мы должны признаться, что, если крестьяне и въ частности русины въ Галиціи въ теченіи XIX в. видѣли хоть тѣнь добра сверху, то все таки они видѣли ее только отъ австрійской бюрократіи (рядомъ, конечно, съ такими благами, какъ рекрутчина), а не отъ польской аристократіи, что понятно уже и a priori, такъ какъ вездѣ на свѣтѣ цезаризмъ скорѣе можетъ задумать что либо, хоть небольшое, полезное для массъ, чѣмъ аристократія. А, во вторыхъ, польская аристократія всегда имѣла довольно силы, чтобы сдѣлать добро для крестьянъ и русиновъ, если бы того захотѣла, всегда имѣла больше доступу и въ Вѣну, нежели мужичье мазурское и русинское. [1]) Со смерти Іосифа II

---

[1]) См. напр. статью Жоховскаго въ „Biblioteka Warszawska“, 1861, № 12, корреспонденціи изъ Львова въ „Gazeta Warszawska“, 1861, № 304—310; въ Галиціи около этого времени вышла брошюра извѣстнаго польскаго историка, Генриха Шмидта Kilka słów o kwestyi rusinskiej, статьи въ „Rada Familijna“, статьи въ „Czas“ и, во Франціи, въ „Revue Gontemporaine“, на которыя отвѣчалъ Костомаровъ въ „Основѣ“ 1861 и т. д.

[1]) Насколько въ Россіи и до сихъ поръ плохо освѣдомлены съ настроеніемъ галицко-польскаго общества, можно видѣть, напр., по слѣдующему отрывку изъ статьи г. Спасовича „Новѣйшая исторія Австріи“: „Депутаты-поляки изъ Галиціи были озлоблены на гр. Стадіона (быв. намѣстника въ Галиціи) смертельно не за отмѣну барщины (барщина и крѣпостное право были въ принципѣ давно у нихъ вопросами рѣшенными), но за то, что, облагодѣтельствовавъ крестьянъ на счетъ помѣщиковъ (!!) отъ имени правительства, Стадіонъ усилилъ абсолютизмъ и лишилъ польское движеніе возможности подарить землю и свободу крестьянамъ и привлечь ихъ такимъ образомъ на сторону польскаго движенія“. (Вѣстн. Европ. 1873, май 137—138). Но, во первыхъ, самъ же г. Спасовичъ въ началѣ своего

до самаго 1846 г. никто какъ польская аристократія правила Галиціей руками намѣстниковъ, присылаемыхъ изъ Вѣны, и затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ нѣмецкой диктатуры, та же аристократія вмѣстѣ съ буржуазіей постепенно, въ лицѣ гр. Голуховскаго, забрала въ свои руки бюрократію, а потомъ и сеймъ въ странѣ. При этомъ польскія партіи, укоряя русинскихъ политиковъ за сервилизмъ передъ Вѣной (и укоряя по нашему, совершенно справедливо), сами вовсе не гнушались напускать ту же Вѣну на русиновъ, постоянно пугая австрійское правительство русинскимъ сепаратизмомъ, то москвофильскимъ, то украиноказацкофильскимъ, съ прибавкою гайдамачины.

Публицистъ „Современника“ совершенно не понялъ двухъ очень характерныхъ черточекъ галицкой жизни, которыя ему попались въ львовскомъ „Словѣ“, и совершенно напрасно потратилъ, по поводу ихъ, свою иронію надъ русинскою газетою. Первая изъ этихъ черточекъ: объясненіе „Слова“ съ польскими газетами по поводу того, что оно печатается „россійскими“ буквами (т. наз. „гражданка“ или шрифтъ Петра Великаго), которыя „Слово“ старается оправдать тѣмъ, что онѣ сначала употреблялись малороссами, отъ которыхъ заимствовалъ ихъ Петръ Великій. Дѣло въ томъ, что въ крайнемъ желаніи помѣшать развитію русиновъ, польскіе патріоты въ Галиціи настаиваютъ на томъ, что, если уже должно существовать у русиновъ свое письмо отдѣльное отъ польскаго (что уже признано австрійскимъ закономъ), то оно должно оставаться старое, церковное: употребленіе же „гражданки“ есть-молъ празнакъ сепаратизма къ Россіи! И въ настоящую минуту, когда мы пишемъ эти строки, въ галицкій сеймъ внесенъ вопросъ русинскихъ депутатовъ по поводу того, что польскіе чиновники требуютъ отъ русиновъ писанія бумагъ церковными каракулями, вмѣсто болѣе курсивной „гражданки“, которую польскіе чиновники признаютъ письмомъ „московскимъ“ и слѣдовательно незаконнымъ. Въ то время, когда

труда (Вѣст. Евр. 1866, II, 320—321), разсказывая о вѣнскомъ парламентѣ 1848 г., говоритъ: „польскіе помѣщики, не смотря на связи свои съ лѣвою нѣмецкою стороною и на то, что они старались всячески представить, будто надѣлъ крестьянъ землею совершился по ихъ доброй волѣ, и правительство только присвоило себѣ плоды того, что они сами порѣшили, требовали однако возможно большаго и непомѣрнаго возвышенія оцѣнки крестьянскихъ участковъ“. А во вторыхъ, у польскихъ помѣщиковъ всегда было столько земли, что они во всякое время могли подарить ее крестьянамъ. И теперь еще не поздно!

писалась статья Чернышевскаго, „гражданка“ только что начала входить въ употребленіе въ Галиціи, и Вѣна была завалена доносами на эту „гражданку“. Мы сами вовсе не любители этой „гражданки“ и рады были бы, если бъ и въ самой Москвѣ писали латинскими буквами (только, конечно, не польскою ихъ формою запутанною и нелогичною), но тѣмъ болѣе мы противъ осужденія галичанъ на писаніе церковными каракулями и еще болѣе противъ пропаганды латинскаго шрифта посредствомъ доносовъ австрійскому правительству. А такой смыслъ доносовъ имѣютъ всегда жалобы польскихъ газетъ, что русины пишутъ „московской гражданкой“.

Подобное же значеніе имѣла въ „Словѣ“ и ироническая благодарность полякамъ, которые „готовы сочувствовать развитію русинской литературы“, Чернышевскій понялъ эти слова въ буквальномъ смыслѣ и прочелъ нотацію львовской газетѣ. Между тѣмъ достаточно было знать хоть, напр., статьи варшавскихъ и виленскихъ изданій о Шевченкѣ, котораго такъ уважалъ Чернышевскій, чтобъ видѣть, каково было сочувствіе большинства польской печати къ самостоятельной литературѣ у русиновъ. Всякое стремленіе русиновъ создать литературу, которая не была только провинціальною разновидностью польской (какъ это было у Падуры и его послѣдователей), встрѣчалось польской печатью столь же враждебно, какъ стали потомъ встрѣчать его враждебно московскіе централисты. Послѣ 1848 года въ Галиціи русинская литература признана была оффиціально, и послѣ того въ тамошнемъ польскомъ обществѣ постепенно установилось къ ней двойственное отношеніе: рядомъ съ отрицаніемъ — претензія регулировать эту лутературу, конечно, если можно, то и съ помощью бюрократіи. Та галицкая русинская литература, какая захвачена была событіями 1848 г., примыкала по языку и духу къ южнорусской полуцерковной литературѣ XVI—XVII вв. (XVIII вѣкъ для Галичины, послѣ отдѣленія ея отъ козацкой Украйны, пропалъ еще болѣе даромъ, чѣмъ пропалъ онъ для Поднѣпровья). По ней лишь слегка прошли вліянія великорусской высокопарной литературы до-карамзинскаго періода и отголоски начинавшейся новой украинской литературы, сначала сентиментальной и романтической, но всегда демократической. [1]) Въ пе-

[1] Подробности въ подтвержденіе того, что мы здѣсь говоримъ, читатель можетъ найти въ вышеупомянутой статьѣ нашей „Русскіе въ Галиціи“ и въ ея продолженіи „Литерат. движеніе въ Галиціи“. Вѣстн. Евр. 1873, IX, X.

ріодъ торжества бюрократіи въ Австріи и особой ярости реакціи въ Россіи, въ Галицію проникало изъ Россіи только московское, погодинское вліяніе, и тамъ зародилась школа, которую и представляетъ „Слово“. Впрочемъ школа эта, хоть и ложною дорогою, но все же отчасти шла къ выходу изъ узкихъ рамокъ австро-уніатскаго легитимизма и клерикализма. Не имѣя уже силы подавить совсѣмъ русинское движеніе, польскіе его противники стали стараться, чтобъ оно сохранило по крайней мѣрѣ старое, разъ уже признанное, узкое направленіе, и упрекали новое, во всякомъ случаѣ болѣе свѣтское и болѣе независимое москвофильское направленіе въ политической измѣнѣ Австріи и въ то же время въ измѣнѣ настоящимъ интересамъ русинской національности, которое теперь, конечно, лицемѣрно бралась защищать польская печать. По смерти Николая I стало вновь организовываться въ Россіи народно-украинское направленіе. Польская печать въ Россіи встрѣтила его враждебно, но въ то же время въ галицкой польской печати стали изрѣдка раздаваться голоса, которые, порицая русинскихъ патріотовъ за ихъ церковно-московское направленіе и языкъ, ставили имъ въ примѣръ украинскихъ писателей, пишущихъ чистымъ народнымъ языкомъ. Но чуть только украинская литература породила и въ Галиціи (1862—1863 гг.) замѣтное демократическое движеніе, какъ сейчасъ же польская печать закричала о козакоманіи и новомъ „гайдамацкомъ, но все таки московскомъ панславизмѣ“, какъ объ опасности и для польской идеи, и для Австріи. [1]) Когда между 1863 и 1867 г. въ Галичинѣ обнаружился существенный расколъ между клерикально-московскими и народно-украйнофильскими группами, и когда русское правительство, вслѣдъ за голосами московскихъ централистовъ, наложило руку на украинскую литературу и школу (въ первый разъ въ 1863 г.) то польская печать, опять-таки лицемѣрно, приняла галицкихъ украйнофиловъ подъ свое покровительство и, зная, что они еще слабы на парламентскомъ полѣ, стала противоставлять ихъ старой русинской партіи, какъ „настоящихъ русиновъ“, съ которыми будто бы поляки могутъ договариваться, не то что съ москвофилами, измѣнниками своему народу и слугами деспотизма, которые хотятъ привести „Москву и схизму въ послѣднее убѣ-

---

[1]) Какъ характерно это единство пріемовъ польскихъ и московскихъ централистовъ въ Австріи и Россіи: что для однихъ „московскіе рубли“, до для другихъ „польская интрига“, въ число „агентовъ“ которой произвелъ „честный“ г. И. Аксаковъ (Русь, 1 августа 1881 г.) и пишущаго эти строки!!

жище Польши". Но эти фразы не вели за собою никакихъ практическихъ уступокъ и „настоящимъ русинамъ", а едва только и эти послѣдніе начали становиться силою, съ которою нужно было считаться, какъ и на нихъ посыпались тѣ же обвиненія, которыя сыпались прежде на москвофиловъ. А между тѣмъ, если дѣйствительно галицкіе поляки примирились съ признаніемъ русиновъ, какъ отдѣльной культурной и политической націи, то казалось бы, что можетъ быть проще, какъ предоставить самимъ русинамъ разбираться, кто изъ нихъ настоящій, а кто ненастоящій русинъ, и отказаться отъ всякихъ претензій регулировать русинскую литературу, да еще административными мѣрами и политическими доносами?! Вотъ объ этой претензіи на протекторатъ говорило и „Слово", когда оно иронически отнеслось къ заботамъ польскихъ газетъ о русинской литературѣ, а публицистъ „Современника", по незнанію мѣстныхъ условій, укорилъ русинскую газету въ неблагодарности!

Похожее на то, что происходило въ 1848—1849 и въ 1860—1861 гг. въ Галиціи, настало въ 1860—1863 годахъ въ приднѣпровской Украйнѣ, когда здѣсь поднялся крестьянскій вопросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ столкнулись стремленія польскія и украинскія. Здравый политическій разсчетъ, дѣйствительно, долженъ бы былъ побудить поляковъ относиться благопріятно къ украинскому движенію и въ то же время сдѣлать серьезныя уступки крестьянамъ. Но о первомъ почти никто изъ поляковъ, даже въ чисто польскихъ земляхъ, не думалъ, о второмъ, хотя и говорили немногочисленные искренніе демократы, но ихъ совѣты оставались безъ приложенія. Сословные разсчеты и инстинкты національнаго господства превозмогли въ польскихъ панахъ правобочной Украйны, какъ и вездѣ, соображенія здравомысленнаго патріотизма и либерализма. А ненависть къ нарождающейся новой нравственной силѣ, представляемой украинскими кружками, за которыми непремѣнно должны были послѣдовать кружки литовскіе и бѣлорусскіе, кружками, которымъ польскіе паны дали имя „хлопоманіи" (изъ чего послѣ въ Россіи сдѣлали слово „хохломанія"), и страхъ передъ крестьянами, которые раньше или позже должны были провѣдать о стремленіяхъ образованныхъ хлопомановъ, заставили польскихъ пановъ и тутъ, какъ и въ Австріи, попробовать направить противъ своихъ конкуррентовъ готовую силу, — правительство!

Положеніе украинскихъ хлопомановъ непосредственно передъ возстаніемъ 1863 г. всего лучше характеризуется статьею

г. Вл. Антоновича въ „Основѣ“ 1862 г., № 1 „Моя исповѣдь“, изъ которой мы считаемъ умѣстнымъ привести слѣдующую выдержку, такъ какъ она, по нашему мнѣнію, сохранила въ значительной степени свою современность и въ настоящую минуту:

„Въ заключеніе вашей статьи, г. Падалица, вамъ угодно было обратиться къ моей личности съ эпитетомъ „перевертень“. [1] Я вамъ за это искренно благодаренъ — не потому, чтобы я полагалъ, что моя личность особенно интересна для васъ или для кого нибудь изъ читающихъ, и не потому, чтобы я самъ слишкомъ о ней заботился, а потому, что разъясненіе сказаннаго вами эпитета хоть сколько нибудь поможетъ цѣлой группѣ людей опредѣлить себѣ свое положеніе въ южно-русскомъ краѣ. Да, г. Падалица, вы правы! Я дѣйствительно „перевертень“, но вы не взяли во вниманіе одного обстоятельства, именно того, что слово „отступникъ“ не имѣетъ само по себѣ смысла; что для составленія себѣ понятія о лицѣ, къ которому приложенъ этотъ эпитетъ, нужно знать, отъ какого именно дѣла человѣкъ отступился и къ какому именно пристalъ; иначе слово это лишено смысла — это пустой звукъ. Дѣйствительно, вы правы. По волѣ судьбы, я родился на Украйнѣ шляхтичемъ; въ дѣтствѣ имѣлъ всѣ привычки паничей и долго раздѣлялъ всѣ сословныя и національныя предубѣжденія людей, въ кругу которыхъ воспитывался; но когда пришло для меня время самосознанія, я хладнокровно оцѣнилъ свое положеніе въ краѣ, я взвѣсилъ его недостатки, всѣ стремленія общества, среди котораго судьба меня поставила, и увидѣлъ, что его положеніе нравственно безвыходно, если оно не откажется отъ своего исключительнаго взгляда, отъ своихъ заносчивыхъ посягательствъ на край и его народность; я увидѣлъ, что поляки-шляхтичи, живущіе въ южно-русскомъ краѣ, имѣютъ передъ судомъ собственной совѣсти только двѣ исходныя точки: или полюбить народъ, среди котораго они живутъ, проникнуться его интересами, возвратиться къ народности когда-то покинутой ихъ предками и неусыпнымъ трудомъ и любовью, по мѣрѣ силъ, вознаградить все зло, причиненное ими народу, вскормившему многія поколѣнія вельможныхъ колонистовъ, которому эти послѣдніе за потъ и кровь платили презрѣніемъ..., или же, если

---

1 Статья г. Антоновича есть отвѣтъ на одну изъ статей довольно вліятельнаго въ тогдашнемъ польскомъ обществѣ писателя, Падалицы, который выступилъ было съ полемикой и противъ Костомарова, по поводу его трудовъ о козаччинѣ. Костомаровъ отвѣчалъ ему въ „Современникѣ“.

для этого не хватитъ нравственной силы, переселиться въ землю польскую, заселенную польскимъ народомъ, для того чтобы не прибавлять собою еще одной тунеядной личности, для того чтобы, наконецъ, избавиться самому передъ собою отъ грустнаго упрека въ томъ, что и я тоже колонистъ, тоже плантаторъ, что и я посредственно или непосредственно (что, впрочемъ, все равно) питаюсь чужими трудами, заслоняю дорогу къ развитію народа, въ хату котораго я залѣзъ непрошенный, съ чуждыми ему стремленіями, что и я принадлежу къ лагерю, стремящемуся подавить народное развитіе туземцевъ и что невинно раздѣляю отвѣтственность за ихъ дѣйствія. Конечно, я рѣшился на первое, потому что, сколько ни былъ испорченъ шляхетскимъ воспитаніемъ, привычками и мечтами, мнѣ легче было съ ними разстаться, чѣмъ съ народомъ, среди котораго я выросъ, который я зналъ, котораго горестную судьбу я видѣлъ въ каждомъ селѣ, гдѣ только владѣлъ имъ шляхтичъ, изъ устъ котораго я слышалъ не одну печальную, раздирающую сердце пѣсню, не одно честное дружественное слово (хоть я былъ и паничъ), не одну трагическую повѣсть о истлѣвшей въ скорби и безплодномъ трудѣ жизни..., который, словомъ, я полюбилъ больше своихъ шляхетскихъ привычекъ и своихъ мечтаній. Вамъ хорошо извѣстно, г. Падалица, и то, что, прежде чѣмъ я рѣшился разстаться съ шляхтою и всѣмъ ея нравственнымъ достояніемъ, я испробовалъ всѣ пути примиренія; вы знаете и то, какъ были съ вашей стороны встрѣчены всѣ попытки уговорить вельможныхъ къ человѣчному обращенію съ крестьянами, къ заботѣ о просвѣщеніи народа, основанномъ на его собственныхъ національныхъ началахъ, къ признанію южнорусскимъ, а не польскимъ того, что южно-русское, а не польское; вы были, вѣдь, свидѣтелемъ, какъ подобныя мысли возбудили, въ началѣ свистъ и смѣхъ, потомъ гнѣвъ и брань, и наконецъ ложные доносы и намеки о коліивщинѣ. Послѣ этого, конечно, оставалось или отречься отъ своей совѣсти, или оставить ваше общество: я выбралъ второе, и надѣюсь, что трудомъ и любовью заслужу когда нибудь, что украинцы признаютъ меня сыномъ своего народа, такъ какъ я все готовъ раздѣлить съ ними. Надѣюсь тоже, что со временемъ среди польскаго шляхетскаго общества, живущаго въ Украинѣ, поворотъ къ народу и сознаніе необходимости трудиться на его пользу, раньше или позже станетъ нравственною потребностью не только отдѣльныхъ лицъ, какъ теперь, а вообще всѣхъ, кто въ силахъ будетъ обсудить свое положеніе и свои обязанности и не предпочтетъ мечты насущ-

ному, вызванному собственною совѣстью дѣлу. Итакъ, г. Падалица, вы правы! я—перевертень, и я горжусь этимъ такъ точно, какъ я гордился бы въ Америкѣ, еслибъ сталъ аболиціонистомъ изъ плантатора, или въ Италіи, еслибъ, просвѣтивъ свой образъ мыслей, я изъ паписта сдѣлался честнымъ, трудолюбивымъ слугой общенароднаго дѣла."

Группа „хлопомановъ" была сначала не совсѣмъ малочисленна среди польской (или говоря тогдашнимъ оффиціальнымъ выраженіемъ—„католической") молодежи въ Кіевѣ, но когда нѣкоторые изъ нихъ такъ радикально поставили вопросъ, какъ г. Антоновичъ (а такъ пришлось поставить его именно въ 1861 г., когда и въ Кіевъ пришелъ сигналъ готовиться къ возстанію за возстановленіе исторической Польши),—группа эта сократилась до нѣсколькихъ человѣкъ, которые примкнули къ группѣ „православныхъ" украинцевъ, состоявшей почти исключительно изъ лѣвобережцевъ. Испугавшись радикальной постановки вопроса національнаго, бывшіе поляки-хлопоманы и тѣ изъ демократовъ, которые сначала сочувствовали имъ, пошли на уступки помѣщичьей партіи и по вопросу соціально-экономическому. Причину этой уступчивости очертилъ довольно вѣрно другой молодой хлопоманъ, котораго имя гремѣло тогда по польскимъ панскимъ дворамъ и газетамъ, вмѣстѣ съ именемъ г. Антоновича, какъ будущихъ Гонты и Зализняка,—г. Рыльскій, въ надѣлавшей тогда много шуму въ кіевскихъ кружкахъ и въ самомъ дѣлѣ очень любопытной статейкѣ „Дворяне праваго берега Днѣпра", въ „Основѣ" 1861 г., № 12.[1]

---

[1] Вотъ въ какомъ винегретѣ изображали своей публикѣ кіевскихъ хлопомановъ тогдашнія польскія газеты: „Въ кіевскомъ университетѣ возникла партія русская, такъ называемые хлопоманы, по наущенію извѣстныхъ пособниковъ русской идеи Иванишева, Костомарова, Галагана, Аксакова и т. п. Изъ нѣдръ этой партіи, во имя любви къ народу, братскаго равенства и т. п. хорошихъ вещей произошли миссіи по краю, будто бы для обороны народа отъ кривды, могущей послѣдовать отъ шляхты въ пору рѣшенія крестьянскаго вопроса. Правительство смотрѣло на то сквозь прозрачную завѣсу и терпѣло по краю безумныхъ эмиссаровъ и даже скрытно помогало имъ. Оно имѣло для этой цѣли Антоновичей, Рыльскихъ и. т. п. сумасшедшихъ, очарованныхъ московской кликой, которые совсѣмъ отреклись отъ любви къ Польшѣ, чтобъ осуществить составленную ими малорусскую утопію. Всесильная пропаганда понадъ берегомъ Днѣпра въ традиціонной области козачества, похороны Шевченка, устроенная для него могила, путешествія къ этой Меккѣ малорусскаго народа, введенныя хлопоманами,—все это дѣлаетъ на народъ сильное впечатлѣніе," (Tygodnik Posnanski, 1863 г., № 3.) Опять-таки, подобные винегреты можно встрѣтить теперь въ доносахъ московскихъ централистовъ на ихъ противниковъ.

Очертивъ разные виды дворянъ праваго берега Днѣпра, г. Рыльскій говоритъ о демократической молодежи: „Но отъ всѣхъ этихъ оттѣнковъ рѣзко отдѣляется значительная часть болѣе просвѣщенной здѣшней молодежи. Они въ самомъ дѣлѣ довольно искренно сочувствуютъ положенію народной массы, они готовы на личныя пожертвованія въ пользу своихъ идей, но у нихъ есть кой-какія преданія, почерпнутыя изъ той среды, изъ которой они вышли, и которыя ихъ заставляютъ нерѣдко противодѣйствовать интересамъ народной массы.... Такъ, нѣкоторые изъ нихъ защищаютъ слѣдующій силлогизмъ: потребности народа выражаются въ его просвѣщенныхъ представителяхъ; такъ какъ болѣе просвѣщенная часть здѣшняго общества (inteligencja kraju), ополячилась, то, значитъ, здѣшній край польскій. И эти люди считаютъ себя демократами!...“

Болѣе радикальные изъ этихъ людей были авторами „Золотой Грамоты къ сельскому люду Волыни, Подоліи и Украйны“ и погибли съ нею въ печальные дни конца апрѣля и начала мая 1863 года,—и что всего ужаснѣе,—погибли, не заронивши въ убивавшихъ и арестовывавшихъ ихъ крестьянахъ ни зерна мысли, которая могла бы со временемъ лечь въ основу новой попытки къ борьбѣ за свободу края и благо народа! Крестьяне-украинцы били ихъ, какъ представителей гнета соціальнаго и національнаго, сосредоточеннаго для нихъ въ одномъ словѣ „Польша“!

Эта неизбѣжная участь была предсказана польскимъ демократамъ на Украйнѣ послѣдовательными „хлопоманами“ еще въ 1861 году. Но едва только молодые хлопоманы заявили своимъ товарищамъ свой отказъ принять участіе въ польскомъ возстаніи, какъ сейчасъ г. Антоновичъ былъ потребованъ къ мѣстному предводителю дворянства, гдѣ нашелъ цѣлый сеймикъ дворянъ, который потребовалъ отъ него отказа отъ хлопоманской декларациі, угрожая въ противномъ случаѣ преслѣдованіемъ со стороны русскаго правительства! Отказа, конечно, не послѣдовало,—и затѣмъ гг. Антоновичъ и Рыльскій были дѣйствительно привлечены къ слѣдствію со стороны секретной политической комиссіи при генералъ-губернаторѣ „за коммунистическую пропаганду среди крестьянъ“. Только общее, еще тогда конфузливое, настроеніе правительства и благодушіе тогдашняго кіевскаго генералъ-губернатора кн. Васильчикова сохранили ихъ отъ ссылки въ восточныя губерніи.

О такихъ характерныхъ фактахъ и вообще объ украинской „хлопоманіи“ и отношеніи къ ней польскаго общества и печати

совсѣмъ ничего не знали въ великорусскихъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ кругахъ. О дѣлѣ гг. Антоновича и Рыльскаго въ „Колоколѣ“ находимъ только слѣдующую замѣтку: „Правда ли, что братья (?) Рыльскіе, студенты кіевскаго университета, сосланы въ Казань, по доносу кн. Васильчикова, за то, что они обращаются по-братски съ своими крестьянами?“ („Колоколъ“, 1-го іюня 1861). Положимъ, живя въ Лондонѣ, издатели „Колокола“ съ трудомъ могли знать, кто донесъ „на братьевъ Рыльскихъ“, хотя и тамъ можно было хоть просматривать „Основу“. Но въ Россіи можно было съ большимъ удобствомъ знать, что дѣлалось въ томъ краѣ, гдѣ тоже должно было, при поддержкѣ и великорусской оппозиціи, совершиться польское возстаніе, но великорусскіе революціонные кружки въ столицахъ и на Поволжьѣ, гдѣ готовили крестьянское возстаніе, единовременное съ польскимъ, не только того не знали, но, сколько мы помнимъ, по бесѣдамъ съ нѣкоторыми изъ пріѣзжавшихъ тогда въ Кіевъ изъ Петербурга членовъ „Земли и Воли“ и однимъ членомъ казанскаго кружка, можно сказать, не хотѣли знать. Великорусскимъ демократамъ казалось, что „тотъ не любитъ свободы“, кто не сочувствуетъ польскимъ стремленіямъ, а тѣмъ болѣе, кто считаетъ нужнымъ противодѣйствовать имъ въ чемъ бы то ни было.

Отчасти такое отношеніе къ „польскому дѣлу“ далекихъ отъ западнаго края русскихъ объясняется совершенно естественною реакціею противъ крайне безтактной и тупой политики правительства. Реакція эта особенно должна была быть сильною среди тѣхъ изъ образованныхъ русскихъ, которые судьбою были заброшены въ самую коренную Польшу. Здѣсь образовался „комитетъ русскихъ офицеровъ“, который находился въ сношеніяхъ съ кружкомъ „Земли и Воли“ и съ лондонской эмиграціей. Комитетъ этотъ обнародовалъ 5 ноября 1862 г. прокламацію къ „офицерамъ русскихъ войскъ“, въ которой слѣдующимъ образомъ объяснилъ причины своего присоединенія къ польскому возстанію:

„Наше положеніе исключительно. Правительство распоряжается въ польскихъ городахъ такъ, что народъ долженъ потерять всякое терпѣніе и возстать, даже не разсчитывая, будетъ удача или нѣтъ. Обстоятельства все ближе и ближе подходятъ къ минутѣ, когда намъ придется быть палачами Польши, или приставать къ возстанію.

„Мы не хотимъ быть палачами....

„Центральный Варшавскій Комитетъ, стоящій нынѣ во главѣ польскаго движенія, заявилъ намъ, что его цѣль—надѣленіе всѣхъ (?) польскихъ крестьянъ землею, уравненіе всѣхъ правъ и уничтоженіе сословной розни; независимость Польши отъ петербургскаго и другихъ нѣмецкихъ правительствъ и признаніе за всѣми областями, соединенными (?) съ Польшей воспоминаніями прошедшаго (!), права располагать собою, помимо всѣхъ государственныхъ, какъ польскихъ, такъ и русскихъ соображеній. Только на этихъ основаніяхъ, мы и наши солдаты готовы примкнуть къ польскому возстанію, потому что тѣ же основанія и нашей русской свободы".

Вотъ тутъ то и припоминаешь слова Чернышевскаго о недостаточности однихъ инстинктовъ и о необходимости политическаго образованія и такта для общественной дѣятельности. Одно дѣло—не хотѣть быть чьимъ либо палачомъ, и совсѣмъ другое дѣло—присоединиться къ программѣ, которая идетъ въ разрѣзъ съ основаніями собственныхъ политическихъ стремленій, и связать свое дѣло съ дѣломъ, которое при внимательномъ анализѣ оказалось бы и чужимъ, и безнадежнымъ даже со стороны возможности оставить по себѣ ясную руководящую идею.... Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ „комитета русскихъ офицеровъ", Потебня, кажется, наконецъ, замѣтилъ свою ошибку, но поздно! Попавши въ лагерь Лангевича, который, между прочимъ, писалъ въ одной изъ своихъ прокламацій (отъ 9 февраля 1863 г., къ дворянамъ воеводства Сендомірскаго), что онъ не потерпитъ возобновленія рѣзни крестьянами пановъ, какъ въ Галиціи въ 1846 г., Потебня писалъ своимъ друзьямъ (3 марта): „Пишу къ вамъ изъ лагеря Лангевича. Я рѣшился остаться здѣсь.... Надежды сдѣлать что-нибудь мало. Попробуемъ..." („Колоколъ" № 162) Черезъ нѣсколько дней Потебня „во время сраженія, несмотря на всѣ убѣжденія, схватилъ косу, во главѣ колонны пошелъ въ атаку и погибъ..." (тамъ же).

Перенесеніе польскаго возстанія на берега Днѣпра и присоединеніе къ нему великорусскихъ либераловъ и демократовъ имѣло фатальное послѣдствіе и для „польскаго либерально-демократическаго движенія въ Россіи вообще. До тѣхъ поръ пока польское движеніе разыгрывалось преимущественно въ Польшѣ и отчасти въ Литвѣ, средніе образованные люди въ Россіи были болѣе или менѣе сочувственно настроены въ его пользу, тѣмъ

болѣе, что въ началѣ можно было предполагать, что правительство принуждено будетъ дать конституцію Царству Польскому, а это, думалось тогда, должно будетъ повести за собою такую же мѣру и въ остальной Россіи. Въ пользу подобной увѣренности говорило созваніе сейма финляндскаго, котораго не созывали съ самаго времени присоединенія княжества къ Россіи.. Заявленіе намѣренія польскаго революціоннаго правительства овладѣть Поднѣпровьемъ дало толчокъ къ повороту общественнаго мнѣнія противъ поляковъ. Крестьянская же реакція противъ возстанія, особенно рѣзко проявившаяся въ Кіевской губерніи, усилила этотъ поворотъ, которымъ не могли не воспользоваться реакціонеры для отрицанія всѣхъ требованій поляковъ.

Съ тѣхъ поръ установилось въ значительной части русскаго общественнаго мнѣнія убѣжденіе, что полякамъ опасно дѣлать какія бы то ни было уступки даже и въ Царствѣ Польскомъ, такъ какъ уступки эти ихъ не удовольствуютъ, а только послужатъ операціоннымъ базисомъ для наступательнаго движенія и на Поднѣпровье. Вообще же не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ покушенія польскихъ революціонеровъ на непольскія земли и отпоръ, оказанный имъ непольскими массами, подкопали довѣріе къ самому принципу, на какомъ только и основывалось общее сочувствіе польскимъ политическимъ стремленіямъ, именно къ убѣжденію, что стремленія эти имѣютъ подъ собою живое національное тѣло. Отношеніе, въ какое поставили себя патріоты польскіе къ русинамъ въ Галиціи, должно было поддержать отрицательный поворотъ во взглядахъ общественнаго мнѣнія и въ Россіи, и отчасти за границей на польскій патріотизмъ.

Во время самого возстанія нѣкоторые иностранцы, принявшіе въ немъ участіе, могли собственнымъ наблюденіемъ провѣрить, какъ мало дѣйствительно народнаго было въ этомъ дѣлѣ. Такъ, Арнезъ писалъ въ письмѣ, читанномъ на собраніи „Союза мира и свободы“ въ 1871 г.: „неуспѣхъ послѣдняго возстанія доказалъ ясно, что причина общаго равнодушія, оказаннаго крестьянами, лежитъ въ забвеніи, въ какомъ держали народъ (образованные люди) и въ отсутствіи гарантій, которыя бы представляло ему будущее въ случаѣ успѣха возстанія. Я самъ слышалъ, какъ крестьяне громко говорили, что „надъ ними смѣются, приглашая ихъ проливать кровь для возстановленія привилегій пановъ“. Этотъ духъ недовѣрія врожденъ польскому крестьянину, и, можно сказать, онъ его всасываетъ съ молокомъ матери“.

(Bulletin officiel du cinquième congrès de Ligue internationale de la Paix et de la Liberté. 1871. 140—141.)

Судя по тому, что теперь пишется о Польшѣ въ англійской и французской литературахъ (особенно въ послѣдней, — см. сочиненія гг. Л. Леже, А. Рамбо, Э. Реклю, А. Леруа-Болье), уже нельзя напередъ и ждать ничего подобнаго тому довѣрію къ словамъ польской эмиграціи, какимъ она пользовалась въ либеральныхъ кружкахъ въ 1831—1863 гг. Совсѣмъ напротивъ, у нѣкоторыхъ авторовъ, особенно у гг. Леже и Леруа-Болье, реакція старому довѣрію польскимъ эмигрантамъ смѣнилась нѣкоторымъ оптимизмомъ по отношенію не только къ Россіи, вообще, но и къ русскому правительству, въ частности.

Одновременно съ тѣмъ, какъ падалъ кредитъ польскихъ патріотическихъ стремленій, падала сила и русскаго либеральнаго движенія. Хотя это движеніе не имѣло за собою въ русскомъ обществѣ и такихъ организованныхъ силъ, какія имѣло у себя польское національно-католическое движеніе, но, тѣмъ не менѣе, передъ 1863 годомъ напоръ его на правительство былъ довольно чувствителенъ. Самодержавіе стало задыхаться въ образовавшейся около него оппозиціонной атмосферѣ. Самъ царь не только согласился на созывъ финляндскаго сейма и на вставку въ тронную рѣчь фразы о „народахъ, которые показываютъ себя достойными свободы“, но въ отвѣтѣ на адресъ петербургской думы и дворянъ, протестовавшихъ противъ вмѣшательства иностранной дипломатіи въ польское дѣло, долженъ былъ показать въ перспективѣ возможность „призванія общества къ участію въ государственныхъ дѣлахъ“. Объ этомъ призваніи довольно ясно заговорили адресы тверской и, кажется, костромской. Не говоря о западникахъ и даже славянофилахъ, которые довольно ясно (особенно для нихъ) говорили о земскомъ соборѣ, самъ г. Катковъ помѣстилъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (1863, № V) статью „Что намъ дѣлать съ Польшей?“, гдѣ предлагалъ потопить польскій сепаратизмъ въ представительствѣ всей Россіи и заботился только о томъ, какъ бы это представительство не получило правъ, большихъ, чѣмъ права совѣщательнаго собранія, въ родѣ старыхъ московскихъ земскихъ соборовъ.

Дискредитированіе передовыхъ круговъ великорусскаго либеральнаго движенія сочувствіемъ къ польскимъ покушеніямъ на всю западную половину Россіи и крестьянская реакція польскому возстанію, неизбѣжно принявшая роялистическую форму, дали возможность абсолютизму перевести духъ и мало-по-малу

заставить позабыть даже собственныя обѣщанія. И—что особенно любопытно—реакція, наставшая послѣ польскаго возстанія, хоть и должна была въ западныхъ губерніяхъ, для самой борьбы съ возстаніемъ, пользоваться демократическими идеями, пущенными въ оборотъ оппозиціей во время, предшествовавшее возстанію, но во внутреннихъ губерніяхъ она дала перевѣсъ крѣпостнической партіи даже и въ соціально-экономическихъ вопросахъ, а не въ однихъ только политическихъ.

Послѣ Каракозовщины, порожденной этой реакціей, прекратилась императорская демократія и на западѣ отъ Днѣпра, и вся Россія пришла въ то соціальное положеніе, въ какомъ мы ее видимъ теперь. А вмѣстѣ съ тѣмъ и на Польшу распространена была политика рѣшительнаго обрусенія, изобрѣтенная старыми и новыми реакціонерами, ссылавшимися на примѣръ Франціи въ Эльзасѣ и Пруссіи въ Познани.

Такимъ образомъ, возстаніе 1863 г. за „историческую Польшу“ не только на смерть подкосило кредитъ польскаго историческаго патріотизма,—что собственно не бѣда,—но задержало надолго исполненіе самыхъ законныхъ требованій польской національности, а также установленіе политической свободы и даже необходимѣйшихъ соціальныхъ реформъ во всей Россіи. Положительные результаты принесло это возстаніе въ томъ краѣ, въ которомъ оно разыгрывалось, только косвенно, и при томъ не на національно-политическомъ полѣ, на которомъ оно преимущественно стояло, но на соціонально-экономическомъ. Возстаніе заставило правительство выступить съ болѣе радикальною аграрной политикой и въ западныхъ губерніяхъ, и въ Царствѣ Польскомъ, чѣмъ та, которой держалось правительство до тѣхъ поръ. А такъ какъ эта политика соотвѣтствовала и соціально-экономическимъ идеямъ извѣстной части польской демократіи еще съ 1831 г., то это обстоятельство даетъ крайне трагическій смыслъ польскимъ революціоннымъ движеніямъ послѣ возстанія 1830—1831 гг.

Старая Польша грѣшила, главнымъ образомъ, рабствомъ крестьянъ, которое составляло такой контрастъ съ свободою шляхты. Благодаря этому контрасту да антагонизму національностей, Польша эта и подверглась иноземному порабощенію. Въ 1831 г. революціонный сеймъ въ Варшавѣ отвергъ благопріятныя для крестьянъ предложенія Шанѣцкаго и Бѣрпацкаго, и съ тѣхъ поръ каждое возстаніе въ Австріи и Россіи вело за собой шагъ къ исправленію грѣха старой Польши передъ крестьянами, только

прежде всего съ пожертвованіемъ головъ самихъ повстанцевъ, прежде всего, конечно, именно демократовъ. Въ 1846 г. польскіе крестьяне въ западной Галиціи перебили повстанцевъ, а за ними и много помѣщиковъ, и въ то же время Николай I попробовалъ положить конецъ обезземеливанію крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ 1848 г. австрійское правительство отвѣтило на польскія патріотическія демонстраціи въ Львовѣ указомъ о прекращеніи панщины. Въ 1863 г. крѣпостникъ Муравьевъ превратился въ эмансипатора бѣлорусскихъ и литовскихъ крестьянъ, а въ Царство Польское посланъ былъ Н. Милютинъ, котораго высшіе круги въ Петербургѣ считали фурьеристомъ. Большинство польскихъ патріотовъ, даже очень нечуждыхъ демократическимъ идеямъ, и до сихъ поръ считаютъ разбоемъ аграрныя мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ въ западномъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ въ 1863—1864 гг. Но между людьми, погибшими въ то время, были такіе, которые радовались этимъ мѣрамъ, хотя радость ихъ была по истинѣ трагична. Вотъ что писалъ Рафаилъ Краевскій за нѣсколько дней передъ смертью объ указахъ въ пользу крестьянъ: „Какъ вижу, дѣла въ краѣ идутъ хорошо. Пусть тамъ краковскія газеты какъ хотятъ называютъ крестьянскую реформу, пусть называютъ новыя постановленія соціализмомъ; для меня они представляются особеннымъ явленіемъ конституціонализма, который всегда до сихъ поръ шелъ сверху внизъ, а у насъ начинается снизу. Развѣ славянская община не можетъ быть лучшею завязью будущаго, чѣмъ учрежденія Запада, гдѣ самоуправленіе выростало изъ аристократіи? По крайней мѣрѣ, безспорно, что, начинаясь снизу, прогрессъ идетъ скорѣе, нежели начинаясь сверху. Наконецъ, такой ходъ—самый успѣшный и единственный для Польши, въ которой сельское населеніе составляетъ такое большинство; при такомъ способѣ идея не задержится въ кастѣ, потому что здѣсь каста повсемѣстна,—это не каста! Пусть тамъ, кто хочетъ, обманываетъ себя, а то, что сдѣлано, есть только начало того, что дальше должно сдѣлаться. Толчокъ данъ. А уже эта милліонная масса не задержится въ своемъ ходѣ. Программа Костюшки выполнится. Шляхта не хотѣла во время существованія Рѣчи Посполитой отказаться отъ своихъ привилегій, такъ всѣ сдѣлаются шляхтичами, но только не такъ, какъ давняя шляхта“. (Rafal Krajewski, Polska w walce, wyd. Ag. Giller. T. II, 137. Мы дѣлаемъ выписку по книгѣ: „Ostatnie lata dziejów powszechnych od 1846 r.“ 175). Съ своей стороны Герценъ еще въ 1863 году подобнымъ же образомъ оцѣнилъ

косвенный соціальный результатъ польскаго національно-политическаго движенія. Сначала и онъ взялъ нѣсколько фальшивыхъ нотъ на тему объ „императорской пугачевщинѣ“, пробовавшихъ объяснить крестьянскую реакцію польскому возстанію исключительно подуськиваніемъ чиновниковъ.[1]) Герценъ вѣрилъ польскимъ патріотамъ, которые утѣшали себя, будто и Гонту съ Зализнякомъ подняла „гайдамачущая императрица“ и будто галиційскую рѣзню 1846 г. устроилъ Метернихъ, и поскользнулся было на эту дорогу и въ маѣ 1863 г. Но уже въ іюлѣ 1863 г. Герценъ написалъ въ „Колоколѣ“ замѣтку: „А дѣло идетъ своимъ чередомъ!“ взявши для нея эпиграфомъ слова, которыми лордъ Эленборо протестовалъ въ палатѣ лордовъ противъ аграрныхъ мѣръ въ литовско-бѣлорусскихъ краяхъ. „Въ томъ то и состоитъ вся непреодолимая сила дѣла, писалъ Герценъ, вся нѣкогда умилявшая чувствительныхъ естествоиспытателей, упорная экономія и настойчивость природы. Весь секретъ ея состоитъ въ томъ, что, если дѣло хорошо заквашено, то вертись, какъ хочешь, оно пойдетъ своимъ чередомъ, ему все на пользу, какъ иному обжорливому ребенку: ѣстъ себѣ всякую всячину, животъ болитъ, а самъ растетъ.

„Много разъ ставили мы вопросъ, кому служатъ всѣ ужасы, дѣлаемые въ западныхъ губерніяхъ, кому они идутъ въ прокъ, въ чью игру играютъ? И намекали, что суженнаго конемъ не объѣдешь („Колоколъ“ л. 165). На наши слова мало обращали вниманія. Ну, вотъ, наконецъ, явился лордъ Эленборо, который съ британскою откровенностью, въ полномъ парламентѣ, да еще въ высшемъ, сказалъ, въ чью, и назвалъ суженнаго. „Россійскій

---

[1]) На подобной точкѣ зрѣнія построено описаніе крестьянской реакціи въ Бѣлоруссіи и даже на Украинѣ 1863 г. въ книгахъ г. Гиллера „Historia Powstania Narodu Polskiego w 1861—1864 г.“ Между тѣмъ, одинъ старый польскій дѣятель изъ Украины разсказывалъ намъ, что когда около одного села въ Кіевской губерніи крестьяне били повстанцевъ, то одинъ русскій офицеръ замѣтилъ крестьянамъ, которые добивали поваленныхъ поляковъ; „Зачѣмъ вы ихъ бьете?! Они и такъ уже лежатъ!“ Тогда одинъ окровавленный полякъ приподнялся и проговорилъ: „Оставьте, пусть бьютъ! Мы виноваты передъ ними! много виноваты!“ Кровь бросается въ голову, когда слышишь о такихъ сценахъ, но онѣ заставляютъ больше вѣрить въ будущее польскихъ образованныхъ классовъ, чѣмъ рутинныя объясненія всякой, въ томъ числѣ и крестьянской, реакціи противъ традиціонныхъ польскихъ движеній австрійскими гульденами и московскими рублями, особенно когда эти объясненія встрѣчаешь въ писаніяхъ демократовъ и даже соціальныхъ демократовъ.

императоръ первый революціонеръ въ Европѣ; онъ становится во главѣ освобожденныхъ крестьянъ противъ прежнихъ ихъ господъ, противъ землевладѣльцевъ, противъ собственности."

„Мы воображаемъ, какіе глаза Юноны сдѣлаетъ Александръ Николаевичъ, прочитавши слова лорда Эленборо...

„Еслибъ Александръ Николаевичъ читалъ „Колоколъ" какъ прежде, его Эленборо не удивилъ бы... Тамъ онъ могъ бы прочесть еще два три назидательныя мѣста и между прочимъ узналъ бы нашу философію дѣла, идущаго своимъ чередомъ, и зародыша, развивающагося путемъ безумнымъ, когда ему нѣтъ разумнаго выхода...

„... Что можетъ быть противоположнѣе усмиренію возстанія, какъ революція? А Эленборо совершенно правъ: муравьевское усмиреніе политически-національнаго возстанія—аграрная коммунистическая (?) революція, пугачевщина, организованная самимъ правительствомъ". (Колоколъ, 4 авг. 1863).

Такимъ образомъ польское возстаніе закончилось результатомъ гораздо болѣе близкимъ къ ученію, которое высказалъ Герценъ въ 1859—1860 гг., чѣмъ къ идеямъ самихъ польскихъ революціонеровъ: а именно противъ плана отдѣленія Польши, особенно въ границахъ XVIII в., и въ пользу принципа, подчинявшаго политическій вопросъ экономическому. Надо сказать, что послѣдній принципъ былъ и есть особенно крѣпокъ у великорусскаго передового общества. Что касается поляковъ, то рѣдко кто изъ нихъ такъ объективно отнесся къ фатальному торжеству этого принципа, какъ Краевскій; огромное большинство протестовало противъ его приложенія и, подобно лорду Эленборо, обвиняло русское правительство въ революціонизмѣ; другіе ограничивались тѣмъ, что оспаривали у этого правительства честь иниціативы въ дѣлѣ лучшаго устройства крестьянъ. Вопросъ объ иниціативѣ не имѣетъ въ данномъ случаѣ большого значенія, тѣмъ болѣе, что, кажется, главною причиною, обязавшею и польскихъ политиковъ, и правительство сдѣлать уступки крестьянамъ, были сами крестьяне съ ихъ крайне нетерпѣливымъ настроеніемъ относительно пановъ, которое во время возстанія должо было достигнуть особенно сильной степени. Важенъ самый фактъ—разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ духѣ какъ великорусскихъ демократовъ, такъ и крайней польской партіи, которая, какъ этимъ фактомъ, такъ и самымъ прекращеніемъ возстанія, поставлена была въ необходимость отдѣлиться отъ польскихъ консервативныхъ элементовъ, по крайней мѣрѣ на извѣстное время.

Въ польской эмиграціи, вслѣдъ за концомъ возстанія, мы видимъ преимущественную жизненность, именно въ демократической партіи и при томъ особенно въ той ея части, которая имѣла наиболѣе соціалистическую окраску. По крайней мѣрѣ ей принадлежитъ наибольшая часть публикацій, возникшихъ въ эмиграціи съ 1864 г. (см. въ вышеупомянутой книгѣ Ostatnie lata dziejów powszechnych, 1881, 297—299).

Еще болѣе отбросили свои союзы съ болѣе консервативными польскими лагерями эмигранты великорусскіе, которые теперь возвратились къ своимъ прежнимъ соціалистическимъ ученіямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ своему отрицательному отношенію къ идеѣ возстановленія исторической Польши. Мы познакомились уже съ признаніями на этотъ счетъ Герцена. Но Герценъ послѣ неудачи польскаго возстанія мало уже принималъ участія въ активной политикѣ. Представителемъ великорусской демократіи сталъ Бакунинъ, который продолжалъ политическія сношенія съ поляками и публично высказывался о Польшѣ и ея дѣлахъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни Бакунинъ посвящалъ свою дѣятельность „Союзу Соціальныхъ Революціонеровъ“, въ качествѣ вліятельнаго представителя(?) котораго онъ принималъ участіе и въ „Международномъ Союзѣ Мира и Свободы“, и въ „Международномъ Обществѣ Рабочихъ“. Въ обѣихъ организаціяхъ Бакунинъ представлялъ такъ называемое ан-архическое направленіе. Теперь уже нѣсколько забыты формулы этого направленія, которыя въ свое время надѣлали столько шуму въ соціалистическихъ и даже радикально-политическихъ кругахъ,—а потому было бы полезно напомнить ихъ подросшимъ съ тѣхъ поръ поколѣніямъ. Это было бы тѣмъ болѣе полезнымъ, что противныя соціализму партіи, злоупотребляя обычнымъ, разговорнымъ смысломъ слова „анархія“, въ значеніи „безпорядка“, набрасываютъ эпитетъ анархистовъ на всѣхъ соціалистовъ, въ томъ числѣ и на тѣхъ, которые, подобно нѣмецкимъ и извѣстной части бельгійскихъ и швейцарскихъ соціалистовъ, въ свое время много сломали копій въ борьбѣ противъ анархій бакунинскаго толка,—а съ другой стороны значительная часть тѣхъ людей, которые теперь сами зовутъ себя анархистами (во Франціи и отчасти въ другихъ странахъ) на самомъ дѣлѣ имѣютъ въ себѣ очень мало дѣйствительно ан-архическаго элемента, въ томъ смыслѣ, какъ его опредѣлилъ Прудонъ и за нимъ Бакунинъ, и принимаютъ въ составъ свой остатки якобинскихъ партій (бланкистовъ), не нашедшіе себѣ мѣста въ правительственныхъ кругахъ и пристаю-

щіе къ дѣйствительнымъ ан-архистамъ единственно потому, что эти представляютъ собою крайній протестующій и in spe революціонный элементъ, и, приставая, только спутываютъ понятія у самихъ анархистовъ. Здѣсь, конечно, не мѣсто долго останавливаться на подробномъ изложеніи сущности ан-архическаго направленія, которое въ данномъ случаѣ интересно намъ только по его отношенію къ польско-россійскому вопросу.

Ученіе объ ан-архіи, т. е. безвластіи, какъ противоположность монархическимъ, конституціоннымъ и республиканскимъ теоріямъ Франціи 40-хъ и 50-хъ годовъ, всѣмъ болѣе или менѣе централистическимъ, опредѣлено было Прудономъ, какъ ученіе о полной независимости личности и неотчуждаемости ея правъ ни для какой власти, ни даже избирательно-представительной, какъ управленіе каждаго индивидуума только самимъ собою,— почему Прудонъ ставитъ слову ан-архія синонимомъ англійское слово self-government. Въ практическомъ ея примѣненіи теорія ан-архіи приводила къ федерализму, почему и Прудонъ изложилъ наиболѣе полно эту теорію въ книгѣ „Du principe fédératif et de la nécessitè de reconstituer le parti de la rèvolution". У самого Прудона, а еще болѣе у Бакунина къ ученію объ ан-архіи примѣшалось довольно гегеліанской метафизики, которая порядкомъ сбивала ихъ послѣдователей. Такъ Бакунинъ рѣзко противопоставлялъ свою ан-архію всякой существующей и даже теперь вообразимой формѣ политической, какъ гегеліанскую антитезу (противоположеніе) существующему положенію (теза), послѣ полнаго разрушенія котораго, посредствомъ ли воздержанія благомыслящихъ гражданъ отъ теперешней государственной жизни (преимущественно на Западѣ), или посредствомъ народныхъ бунтовъ (преимущественно въ Россіи), послѣдуетъ синтеза, возсозданіе общественныхъ союзовъ снизу вверхъ, отъ индивидуума до ассоціаціи, общины, націи, человѣчества. Процессъ „разрушенія" государствъ, не только большихъ, но и малыхъ, какъ швейцарскіе кантоны, Бакунинъ представлялъ себѣ въ нѣсколько фантастическихъ формахъ, какъ какую-то катастрофу, забывая, что въ мірѣ не существуетъ процесса разрушенія отдѣльнаго отъ созиданія и наоборотъ. Что касается до Россіи, то остатки гегеліанско-московскаго мессіанизма, о которомъ мы говорили, побуждали Бакунина представлять себѣ русскія племена, особенно великорусское, какимъ-то противогосударственнымъ народомъ по преимуществу, какъ „народъ соціалистическій по инстикту и революціонный по природѣ", способный при маломъ толчкѣ со сто-

роны образованныхъ революціонеровъ „разрушить“ всероссійское государство. Нѣкоторую запутанность въ понятіи объ общественной жизни вносило то приложеніе анархической идеи къ соціализму, которое имѣло болѣе политическій, чѣмъ экономическій характеръ, и которое настаивало на безусловномъ экономическомъ самодержавіи лицъ и общинъ, забывая, что въ экономическомъ отношеніи собственно нѣтъ лица самостоятельнаго и что самодержавіе лица и общины неизбѣжно должно подчиняться условіямъ производства вещей, необходимыхъ для человѣческой жизни.

Но за этими и подобными ограниченіями, ученіе объ ан-архіи заключаетъ въ себѣ основу для здоровой федеральной теоріи, которая особенно была полезна для Франціи, гдѣ столь долго приносили свободу лицъ и группъ въ жертву безусловнымъ теоріямъ государства монархическаго, конституціоннаго и республиканскаго въ жертву единства религіознаго, политическаго національнаго и наконецъ коммунистическаго. Еще болѣе полезна должна бы быть эта теорія для Россіи, которая, по политической своей исторіи, та же Франція, только прошедшая еще византійскую и татарскую школу. Къ сожалѣнію, условія политической жизни Россіи сдѣлали то, что люди, которые проповѣдывали анархическо-федеральное ученіе, какъ Бакунинъ, должны были держаться въ эмиграціи и ограничиваться болѣе или менѣе общими положеніями, которыя у иныхъ обратились просто въ фразы и не оказали на общество такого вліянія, какое несомнѣнно имѣли прудонисты во Франціи. Несмотря на частое повтореніе слова „ан-архія“ молодыми русскими соціалистами въ 70-е годы, когда кружокъ русскій, группировавшійся около Бакунина въ Швейцаріи, издалъ книгу Бакунина „Государственность и Анархія“ и книгу „Анархія по Прудону“, и несмотря на то, что реакціонная печать называетъ всѣхъ русскихъ революціонеровъ „анархистами“, въ сущности анархическо-федеративныя идеи очень мало проникли въ Россію и въ настоящее время почти испарились даже въ кругахъ революціонеровъ, изъ которыхъ „политики“ (террористы) идутъ фатальнымъ образомъ къ якобинскому централизму, а такъ называемые „чистые соціалисты“ (мы сказали бы „чернопередѣльцы“, если бы въ этомъ словѣ былъ какой-нибудь общій смыслъ) къ государственной (и неизбѣжно государственно-національной) соціалдемократіи, на манеръ нѣмецкой, съ которою такъ боролся старикъ Бакунинъ еще въ вышеупомянутой книгѣ своей (1873). Ан-архическія, т. е. федеральныя идеи и въ политикѣ, и въ соціализмѣ еще ждутъ се-

бѣ приверженцевъ въ Россіи. И когда настанетъ ихъ часъ, тогда имя М. А. Бакунина получитъ новыя права на благодарность, какъ имя одного изъ предшественниковъ партіи, которая не только вообще одна только можетъ быть названа дѣйствительно интер-національною (безъ сокрытія подъ фирмою космополитизма жала германизаціи, мадьяризаціи, полонизаціи, обрусѣнія и т. п., какъ у „государственниковъ"), но и въ частности для Россіи представляетъ единственное условіе сколько-нибудь раціональнаго направленія политической и соціальной жизни въ этомъ чудовищно-большомъ государствѣ.

Понятно, какъ должна была разложиться послѣдняя тѣнь апріорно государственнаго ученія о Польшѣ и Россіи подъ вліяніемъ ап-архической теоріи Бакунина. Этотъ послѣдній воспользовался случаемъ, представившимся на собраніи „Союза Мира и Свободы" въ 1868 г. (въ Бернѣ), чтобъ изложить свои взгляды на польско-россійской вопросъ, отличные отъ тѣхъ, какіе онъ одобрилъ было въ концѣ 1862 г., хотя и довольно близкіе къ тѣмъ, какіе онъ высказалъ въ первыхъ своихъ статьяхъ послѣ побѣга изъ Сибири. Бакунинъ отвѣчалъ на рѣчь поляка, г. Мрочковскаго, объявившаго объ образованіи между поляками „новой партіи", отъ имени которой онъ протягиваетъ руку и русскимъ друзьямъ народа. Г. Мрочковскій коснулся и экономическаго вопроса въ Польшѣ, и вопроса о „провинціяхъ". По первому онъ сказалъ: „Освобожденіе крестьянъ было провозглашено революціоннымъ комитетомъ (польскимъ) съ самаго начала возстанія. Правда, эта мѣра не могла вполнѣ удовлетворить справедливыхъ требованій и интересовъ народа; правительство русское завладѣло ею, чтобъ подавить возстаніе—и успѣло въ этомъ. Справедливо также, что реакція, дворянство, приняло широкое участіе въ дѣлѣ этого подавленія, но изъ этого не слѣдуетъ, что въ Польшѣ нѣтъ другой политической партіи, кромѣ католической и дворянской, и я явился передъ вами, граждане, во имя новой партіи, отъ соціальной демократіи польской, съ знаменемъ Польши народной, съ знаменемъ соціальной революціи, которая провозглашаетъ, что земля, вся земля, принадлежитъ тѣмъ, кто ее обрабатываетъ своими руками, инструменты труда принадлежатъ ассоціаціямъ рабочихъ". По вопросу объ исторической Польшѣ Мрочковскій сказалъ: „Мы не требуемъ возстановленія стараго государства, ни историческихъ правъ Польши, но мы хотимъ основать наше національное право, безспорное право жить по своему и располагать самими собою, — на справедливости и свобо-

дѣ.“ Впрочемъ, и послѣ этого г. Мрочковскій всетаки не отважился взглянуть прямо въ глаза дѣйствительности и сказать просто и ясно, что для „новой партіи Польша оканчивается тамъ, гдѣ оканчивается польское мужицкое населеніе, а потому всетаки скрылъ остатки старой идеи исторической Польши въ слѣдующихъ фразахъ: „Не задавая себѣ вопроса о томъ, какія будутъ границы Польши въ будущемъ, Польши народной, и уважая права всякаго населенія (population), принадлежало ли оно или нѣтъ къ старой польской республикѣ, мы объявляемъ, что будемъ продолжать войну до крайности противъ всѣхъ враговъ нашего отечества“ . . . Войну эту г. Мрочковскій считалъ впрочемъ необходимымъ для поляковъ вести и на непольскихъ земляхъ. По крайней мѣрѣ онъ дальше говоритъ, правда нѣсколько неясно, слѣдующее: „Мы воспользуемся всякимъ благопріятнымъ случаемъ, чтобъ поднять наши населенія, подчиненныя иностранцу, и когда мы успѣемъ водрузить наше знамя на какой бы то ни было точкѣ польской земли, мы обратимся съ призывомъ къ окрестнымъ населеніямъ, приглашая ихъ присоединиться къ намъ во имя свободы и справедливости народной. Онѣ будутъ вольны приступить къ намъ, или не приступить; мы будемъ уважать ихъ право, но, если бы должны были еще много разъ пасть подъ ударами нашихъ враговъ, мы всетаки не положимъ оружія, прежде чѣмъ не разрушимъ или поможемъ разрушить вредное могущество трехъ великихъ державъ, которыя раздѣлили между собою Польшу.“

Принимая протянутую г. Мрочковскимъ руку, Бакунинъ однакожъ гораздо яснѣе, вполнѣ ясно поставилъ вопросъ объ отношеніи Польши къ непольскимъ народамъ, потому что вполнѣ ясно поставилъ вопросъ именно о границахъ Польши. Онъ сдѣлалъ это въ блестящей рѣчи, въ которой набросалъ собранію картину политической этнографіи Восточно-Европейской равнины, которой огромную часть занимаетъ Россійская Имперія, „Надо замѣтить, сказалъ онъ, что совершенно невѣрно говорится о русскомъ народѣ, какъ объ единомъ, потому что русскій народъ не составляетъ однородной массы, а состоитъ изъ нѣсколькихъ родственныхъ, но все же различныхъ племенъ,“ — и затѣмъ остановился на „народѣ великорусскомъ“ и охарактеризовалъ его старую „свободу, конечно, дикую, но дѣйствительную“ въ домосковскій періодъ, и теперешнее убѣжденіе, что „земля, вся земля, принадлежитъ только одному народу, т. е. всей дѣйствительно трудящейся массѣ, обрабатывающей ее своими руками“. Далѣе Бакунинъ представилъ ростъ московскаго самодержавія

и петербургской бюрократіи, подъ вліяніемъ татаръ, Византіи и „бюрократической науки Запада“ XVIII в., а также народную реакцію царско-боярско-бюрократическимъ порядкамъ, конечно значительно идеализируя эту реакцію.

„Но кромѣ великорусскаго народа, сказалъ далѣе Бакунинъ, есть еще малороссы.... Они образуютъ въ имперіи двѣнадцать милліоновъ населенія, а если прибавить къ нимъ галицкихъ русиновъ, то цѣлые 15 милліоновъ однороднаго племени, говорящаго однимъ языкомъ, имѣющаго одинаковые нравы и великія историческія воспоминанія. Послѣ вторженія татаръ народъ этотъ, къ несчастію, былъ поставленъ между московскимъ деспотизмомъ съ одной стороны и жестокимъ притѣсненіемъ іезуитствующей и аристократической польской шляхты—съ другой. Возставши противъ этой послѣдней, въ половинѣ XVII в., часть Украйны сдѣлала великую ошибку: она приняла покровительство русскаго царя. Цари обѣщали ей все: сохраненіе ея вольностей и національную автономію... А въ настоящее время это панславистическое національное правительство систематически и жестоко преслѣдуетъ малороссійскій языкъ въ Малороссіи, какъ польскій въ Польшѣ. Пусть это будетъ предостереженіемъ австрійскимъ и турецкимъ славянамъ, которые ищутъ свое спасеніе въ Москвѣ.“

„Этотъ народъ (малороссы) вмѣстѣ съ 4 милліонами бѣлоруссовъ, по всей вѣроятности, составитъ отдѣльную, независимую націю милліоновъ въ 20 жителей, которая можетъ, конечно, вступить въ союзъ съ Польшей или Великороссіей, но должна остаться независимой отъ гегемоніи той и другой.“....[1])

Дальше нѣсколько, говоря прямо о Польшѣ, Бакунинъ повторилъ эту мысль: „Руссинское населеніе Бѣлоруссіи, Литвы и Галиціи соединится, съ кѣмъ захочетъ, и никто не можетъ теперь опредѣлить его будущую судьбу. Мнѣ кажется, всего вѣрнѣе и желательнѣе, чтобъ они образовали вначалѣ съ Малороссіей отдѣльную національную федерацію, независимо отъ Великоруссіи и Польши“ (Историческое развитіе Интернаціонала, 1863, ч. I, стр, 350, 351, 360).

Бакунинъ не ограничился подобными заявленіями, такъ сказать, съ боку отъ польскихъ революціонныхъ круговъ; онъ всту-

---

1) Кстати, почему это г. И. Аксаковъ считаетъ необходимымъ ставить удивительный знакъ при словахъ „15-милліонный малороссійскій народъ“, когда даже изъ Суворинскаго календаря онъ можетъ узнать, что по счету Риттиха къ 1870 г. было въ одной Россіи $14^1/_2$ милліоновъ украинцевъ.

пилъ самъ въ ихъ среду, старался объ организаціи въ нихъ кружковъ съ его ан-архическимъ направленіемъ. Еще въ первоначальномъ, организованномъ имъ въ Италіи „Союзѣ Соціальныхъ Революціонеровъ“ были поляки, а въ устроенномъ уже послѣ выхода Бакунина изъ „Союза Мира и Свободы“ въ 1862 г. „Союзѣ Соціальной Демократіи“ (Alliance de la democratie socialiste), вступившемъ въ „Международное Общество Рабочихъ“, былъ и представитель Польши. Когда въ 1872 г. составилось въ Цюрихѣ „Towarzystwo socyalistyczne polskie“, то для предположеннаго органа его „Gmina“ Бакунинъ написалъ программу, которую мы имѣемъ въ его рукописи. Въ этой программѣ между прочимъ стоятъ, въ § 5, слѣдующія слова: „Противники всякаго панства (государства), мы, разумѣется, отвергаемъ такъ называемыя историческія права и границы. Для насъ Польша начинается и существуетъ дѣйствительно только тамъ, гдѣ чернорабочіе люди сознаютъ себя и хотятъ быть поляками, и кончается тамъ, гдѣ, отвергая особый польскій союзъ, они хотятъ быть вольными членами другихъ народныхъ союзовъ.“

Къ сожалѣнію, программа Бакунина не появилась въ печати, такъ какъ между нимъ и членами „польскаго соціалическаго товарищества“ оказались разногласія. Другая, находящаяся у насъ рукопись Бакунина, писанная имъ отъ имени его и нѣсколькихъ молодыхъ русскихъ друзей его, „Братьямъ польскаго общества“, проситъ исключить его изъ числа членовъ „Товарищества“, говоря: „къ несчастію мы убѣдились, что польское Общество не такъ сильно привязано къ нашей программѣ, принятой имъ сначала единодушно“. Черезъ нѣсколько времени и самое „Товарищество“ рушилось среди скандаловъ, по поводу шпіона Стемпковскаго, успѣвшаго пролѣзть въ его секретари. Оба эти обстоятельства сильно охладили Бакунина ко всѣмъ польскимъ партіямъ и даже дѣламъ. [1]) Но за нимъ остается все таки заслуга постановки федерально-соціалистическаго идеала и въ польской средѣ.

Бакунинъ пробовалъ проводить свои идеи непосредственно и среди украинцевъ, хотя еще съ меньшею удачею. Здѣсь не-

---

[1]) На стр. 136 „Государственности и анархіи“ Бакунинъ говоритъ о разныхъ партіяхъ въ польской эмиграціи, отъ аристократической до соціально-демократической, и замѣчаетъ: „Въ сущности, однако, стоило только проникнуть въ каждую изъ нихъ немного глубже, чтобы убѣдиться, что основа у нихъ одна и та же: страстное стремленіе у всѣхъ къ возстановленію польскаго государства въ границахъ 1772 г.“

удача главнымъ образомъ произошла отъ того, что слишкомъ нетерпѣливый агитаторъ поддался искушенію выдавать желаемое за дѣйствительное. Во 2 № „Колокола“ за 1870 г., одномъ изъ немногихъ №№, изданныхъ по смерти Герцена Бакунинымъ, Огаревымъ и Нечаевымъ, помѣщена была статейка „Мысли по поводу начинающагося движенія въ Малороссіи“, и въ ней напечатанъ „Листъ до Громады“, будто бы ходившій по рукамъ въ Кіевѣ, съ приглашеніемъ „не давать грошей ни москалю, ни ляху“. [1]) Вліянію Бакунина слѣдуетъ приписать и программу, изданную незадолго передъ тѣмъ, украинскаго революціоннаго журнала въ Швейцаріи, который впрочемъ дальше программы не пошелъ. Наконецъ Бакунинъ хлопоталъ объ образованіи и всеславянской секціи въ Интернаціоналѣ и написалъ ея программу, которая и напечатана была по-французски и по-русски. Русскій текстъ этой программы напечатанъ въ книгѣ „Государственность и анархія“ (Приложенія. 22—24).

Сама эта книга, вообще довольно безсвязная, интересна всего болѣе въ тѣхъ своихъ страницахъ, въ которыхъ авторъ говоритъ о положеніи славянскихъ народовъ, которые онъ усиливается притянуть къ соціалистическому движенію, представляемому федеральною партіею Интернаціонала. Въ замѣчаніяхъ автора видѣнъ не только приверженецъ извѣстной доктрины, но и человѣкъ горячаго чувства и человѣкъ бывалый, самъ видѣвшій положеніе разныхъ славянскихъ народовъ и, что, какъ мы говорили, такъ рѣдко у великоруссовъ, перечувствовавшій его. Вотъ почему онъ предостерегаетъ славянъ не только отъ австрійскаго легитимизма и московскаго панславизма, но и отъ пангерманизма, не только консервативнаго, но и радикальнаго и даже соціалдемократическаго. Этотъ послѣдній, проводимый и въ Австріи, особенно старѣйшими представителями германской соціально-демократической партіи, вродѣ Либкнехта, былъ вреденъ между прочимъ и пропагандѣ соціализма среди нѣмецкихъ народовъ Австріи, отпугивая отъ нея представителей этихъ наро-

---

[1]) Этотъ „Листокъ“ несомнѣнно сочиненъ въ самой редакціи „Колокола“. Вообще фальсификація документовъ играетъ довольно видную роль среди агитаціонныхъ пріемовъ русскихъ революціонеровъ (подложный манифестъ отъ царя, распространявшійся въ Поволжьи 1863 г., обманы Нечаева, подложный манифестъ въ „чигиринскомъ“ дѣлѣ и проч.), что невыгодно отличаетъ русскихъ революціонеровъ отъ другихъ европейскихъ. Любопытно было бы знать причину такого печальнаго явленія.

довъ и не давая заложиться спеціальнымъ секціямъ для пропаганды соціализма на всѣхъ языкахъ этого разноплеменнаго государства. На Базельскомъ конгрессѣ Интернаціонала въ 1869 году представитель вѣнскихъ нѣмецкихъ рабочихъ Неймайръ сообщилъ, что славянскіе рабочіе неохотно пристаютъ къ соціальному движенію, и просилъ Бакунина повліять на нихъ, разъяснивъ имъ, что дѣло идетъ о трудѣ, а не о „нѣмецкомъ дѣлѣ". Бакунинъ обѣщалъ это сдѣлать, и его вліянію слѣдуетъ отчасти приписать, какъ то, что основатели австрійской рабочей партіи не послѣдовали внушеніямъ германскихъ централистовъ и, устроившись самостоятельно, издали призывъ на всѣхъ почти языкахъ народовъ Австріи, такъ и то, что у чеховъ, передовые дѣятели которыхъ давно находились въ сношеніяхъ съ Бакунинымъ, образовалась „чехо-славянская соціалистическая партія" съ своими органами. Не малое вліяніе имѣлъ Бакунинъ и на зарожденіе сербской соціалистической группы.

Нечего и говорить, какъ организація общественныхъ партій среди народовъ негосударственныхъ и мысль о союзѣ ихъ съ партіями народовъ государственныхъ должна была дѣйствовать разлагающимъ образомъ на централистическія тенденціи, въ родѣ польскихъ и великорусскихъ. Вотъ почему между прочимъ мысль объ организаціи славянской секціи Интернаціонала, пущенная Бакунинымъ, не потеряла своего значенія и до сихъ поръ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что, независимо отъ нѣкоторой поспѣшности, съ которой Бакунинъ старался давать своимъ мыслямъ осуществленіе, хотя бы чисто формальное, и которая повела за собою совсѣмъ странное присоединеніе бакунинской славянской секціи къ Юрской Федераціи, что и показывало на существованіе этой секціи болѣе въ замыслѣ, въ эмиграціи, нежели на дѣлѣ, на мѣстахъ, въ мысли объ образованіи славянской секціи Интернаціонала была и теоретическая ошибка. Это была и тогда уже устарѣлая попытка соединенія идей панславизма 40-хъ годовъ съ идеями Интернаціонала. Между тѣмъ, если уже признавать необходимость болѣе тѣсныхъ союзовъ въ широкомъ европейско-американскомъ интернаціональномъ союзѣ, то во всякомъ случаѣ трудно ограничиться однимъ славянскимъ союзомъ. Конечно, положеніе славянскихъ племенъ, кромѣ близости языка и географическаго сосѣдства, представляетъ нѣкоторыя общія имъ и особенныя отъ положенія большей части западно-европейскихъ народовъ черты: отсутствіе политической свободы и (кромѣ великоруссовъ) національной независимости, заставляющее ихъ вести,

кромѣ соціально-экономической, еще и политическую и національную борьбу. Кромѣ того, по своему роду занятій, всѣ эти племена болѣе сельскія и земледѣльческія, чѣмъ фабрично-городскія, а потому и соціальное движеніе у нихъ должно имѣть преимущественно аграрный характеръ. Но тѣми же особенностями отличается положеніе и неславянскихъ племенъ Восточной Европы: литовцевъ, латышей, эстовъ, румыновъ, и племенъ сосѣдняго и уже сближеннаго съ Европейской Россіей въ культурномъ отношеніи Кавказа, такъ что, вмѣсто спеціально славянской федераціи, слѣдовало бы образовать болѣе широкую восточно-европейскую федерацію. И такая федерація была бы и въ настоящее время крайне полезна, если пока еще не между самыми народами, то хоть между соціалистами племенъ Восточной Европы и Кавказа. Остатки прежнихъ, исключительно славянскихъ симпатій помѣшали Бакунину ясно формулировать идею о такой федераціи, но онъ былъ весьма близокъ къ ней. И не вина Бакунина, если его послѣдователи изъ славянъ, особенно изъ русскихъ, усвоившіе многія изъ его идей болѣе вредныхъ, чѣмъ полезныхъ, напр., идеализацію революціонной подготовленности русскаго народа, противошкольныя выходки, оставили безъ вниманія самую здоровую часть его идей, федеративную и въ тѣсномъ, и въ широкомъ смыслѣ этого слова. Теперь, когда весь Востокъ Европы охваченъ двойнымъ броженіемъ, и когда почти въ каждой изъ его естественныхъ областей положены уже, — въ значительной части благодаря толчкамъ, исходившимъ отъ Бакунина, — зачатки соціалистическихъ организацій, наступаетъ время, когда идеи о федераціи политико-соціальныхъ дѣятелей Восточной Европы, конечно, безъ отдѣленія ея отъ Запада, получаютъ болѣе реальное значеніе. И если она въ чемъ-либо осуществится, то, конечно, не будетъ забыто, что Бакунинъ былъ одинъ изъ первыхъ ея возвѣстителей.

Воно саменьке.

(Психологичный нарысъ).

Воно все росте само-соби. Йому вже шостый, та якось такъ склалось, що у його батька—матери мало знайомыхъ, де булы-бъ диты однолитки,—усе чи здорови вже, чи зовсимъ нема дитей.—А про те дитей такъ багато на свити, и воно цее бачыть, дывлячысь, якъ пташка зъ клитки, на строкату юрму дитворы, що высыпа на улыцю, мыгтыть туды и сюды, колы погода, наче мошкара на сонечку грае.

Середъ дитей одыначекъ йе два тыпы: одынъ меланхоликъ—мовчазна, сувора замкнена у соби дытына, якъ квитка, що въ бурьяни выросла, другый—жвава, весела, властолюбна прымховата, що похожа на репьяхъ, що росте тежъ одынакою у поли и чипляется за кожного, хто йде, хто мынае.

Воно було цього тыпу.

Тилько день настававъ, хаты наповнялыся його гоминомъ, його биганыною, його писнею, стукомъ перевернутыхъ стульцивъ, що булы у його попереминно то за коней, на якихъ воно йихало у „Парижъ на выставу, де говорять по парыжському, и де Эйфельова башта стоить, що выца одъ усихъ домивъ разомъ", то зновъ за коривъ, що дуже голосно мукалы та давалы—„сьогодни молочко, завтра сыръ, а по завтрьому—масло".

Такъ, воно тилько-тилько що дозволяло баби своій одягты, вмыты та розчысаты себе, бо скакало, якъ само казало, „наче голочка у машынци", а баба, маленька, жвавенька, старенька, у чорній, задрипаній кохти (бо, по еи,—для себе не вартъ нового шыть), изъ запалымы та мылымы очыма и сухенькымы, натруженымы рукамы, усе бурчыть:

— Чого ты крутышся, якъ те шыло? Чы ты не посыдышъ хвылыну тыхо? Хиба такъ розумни диты роблять?.. Ну, то я кыну—ходы соби нечисана, невмывана, замурзана, якъ... Що хвылыны каже такъ баба, та все жъ таки и чеше, и мые унучку, и все прыказуе:

— Ось черезъ тебе, дурну—молоко збижыть!..

— А хиба-жъ у молочка та и нижкы е, бабусю?—пытае воно хытро, увирвавшы зъ рукъ одъ бабы свою розовеньку пычку, и скака, якъ лоша, розбрызкуючы воду по хати.

Баби и смишно, и сердыто.

— Иды сюды...ход... заразъ!

Воно стрыбае дзыгою—його не зловышъ!

Баба иде до молока, що стоить на карасинци и пидходыть вгору здоровою, билою шапкою; вона прыкынулась, наче не хоче бильше и балакать изъ пустушкою...

— Ходы мокра... Мухи на тебе поналыпають и... и... добре буде...—У старои сливъ вже немае, щобъ серце свое выговорыть.

Тоди воно прыбигло и ну сипать бабу за одежыну, мицно прычепывшысь до неи рукамы, наче той будякъ, та все мицнійше и мицнійше, промовляючы;

— Бабо, бабо, ну, бабко..!

Воно злыться.

Баба одразу хоче перемовчаты, тильки воно вже такъ выщыть, що вона переминюе свою тактыку и тежъ крычыть на його:

— Тыхо! мама спыть!

Йому усе—байдужкы: воно такъ само верещыть. Баба одштовхуе його, и тутъ почынается цила драма: воно, одлупывшы малымы кулакамы стару, почынае ревты и голосыты:

— Пожалуй мене, пожалуй!

— За що тебе жалуваты? Ты сама мене была, ты перша почала...

— Ты, ты, ты, ты мене одштовхнула...—зновъ у плачъ.

— Дакъ ты-жъ почала... А я трохы необварылася молокомъ черезъ тебе...

— Пожалуй мене, пожалуй... Я плачу...

Воно и знаты нычого не хоче.

Бабушци робыться разомъ и жалко и смишно.

— Ну, посякай носыка, — каже вона, пидносячы хусточку до маленького, кырпатенького носыка, та вытыраючы сльозы на здо-

ровыхъ сирыхъ очахъ, затуленыхъ злипленымы одъ слизъ довгымы віямы, гладыть його по головци и цилуе.

Мыръ наставъ, и „туалетъ“ зновъ почынается. Баба „лавируе“.

— Ось подывысь картынкы въ „Ныви“, а я покы що тоби головку розчешу...

Тоненькый, якъ павутыння, волосокъ зачепывся за гребинку, и несамовытый верескъ розлягся по хати...

— А, Боже мій, це наказаніе просто—що дня сторія!“ Стійже, стій... ось ще трошечкы, трошечкы... Сыды мени! Я заразъ... умыть...—Воно совается и не дается.

— Ни зачесаты, ни що! сварыться баба.

— А якъ чешуть дитей Блонськихъ,—прыгадуе вона одныхъ-однымъ знайомыхъ маленькихъ дитей—бачыла? А волосъ у ихъ довгый, густый... Нянька тамъ якъ скубне, скубе, скубе... а воны и мовчать, стоять, якъ вкопани... А якъ не слухаются—заразъ маты ихъ, Блонськая, шлепъ, шлепъ — и вже! А тутъ же такъ пыльную обережненько, щобъ, Богъ храны, ниде не вчепыть, а такы...

— Я хочу, щобъ диткы Блонщинынн прыйшлы. Я хочу, шобъ воны прыйшлы... диткы, диткы...—воно згадувало про дитокъ и дало себе розчисаты.

Разивъ зъ десять повторялось усе:

— Я хочу, щобъ диткы Блонщинынн прыйшлы.

— Та не довбы, якъ сорока, сто разивъ одно! Прыйдуть—то прыйдуть, а не прыйдуть,—то й такъ буде.

Розчисування скинчылось и усе волосся зибране у маленькый пучечокъ и мицно звязане стричкою посередыни на голови, що стала тымъ самымъ похожа на перевернену догоры капустяну головку.

Воно поскакало у другу хату, а це одразу выскочыло зновъ сюды, пидбигло зъ реготомъ до бабы и дае ій штурханця по спыни деревляною лопаткою...

Баба тилько забожкала:

— А, Боже! А, Боже!.. За що ты мене вдарыла? За що? Въ голоси у неи почулыся сльозы, правдыви—дитськи сльозы.

Тутъ почынается каяття, а писля мыръ мыромъ.

— Я вже не буду, бабо, бабуле, бабусю... — Воно лизе на колина, цилуе и обнымае стареньку такъ, що ажъ волосся ій выскубуе, дере подрану кохту и пидъ кинець випнается на шыи

усіею своею вагою такъ, що змучена баба ледви—ледви одъ неи вызволяется...

— Бабко, дай-же молока, дай моньки, дай, дай, дай!—Тонъ зновъ упертый, капрызный. Ось воно схопыло булку зъ стола, бига зъ нею навкругы и сыпле скризь кришкы; писля кынуло булку на долывку, выдерае на бигу зъ сахарныци кусокъ сахару и почына його грызты, напхавшы повный ротъ; заразъ же нижъ, ложечка, корзынка для хлиба плыгають пидъ стилъ...

Баба сама не своя; вона хоче усе разомъ пидхопыты, прыбраты, прытаковыты, одибраты и разомъ налыть швыдче йому молока, абы таки вгамувалось, вона усе не перестаючы бурчыть:

— А, Боже мій, що це за дытына! Я ще не бачыла зроду такихъ розбишакъ... Чы сядешъ на мисци? Пый же свое молоко.. Ты погане"... и т. ин. и т. ин.

Воно и не слуха, розуміется, цихъ „тирадивъ", воно наче-бъ то и сида на стулець, и разомъ изскакуе зъ нього, зновъ изъ стульця на стилъ, одныею рукою тягнется за булкою, другою перекыда чашечку зъ молокомъ—нова оказія.

Бабуся зъ серця проганяе його геть, кажучы, що воно зовсимъ ніякого молока не получыть, „колы такъ", и прыймается вытыраты церату, що на столи, а воно выщыть пронызувато та радисно:

— Море, море! Молошнее море! Якъ у тыихъ виршахъ, що зъ „Малюткы"—„Молошныи хвыли"... Бабусю, а въ молошному мори е рыбки?"

Баба усмихается — вона вже розтаяла, бачучы цюю радисть, долыва чашку молокомъ и каже напивъ сердыто:

— Та сидай вже, выпый хочъ молока!

Воно сидае и частыну молока выпывае раптомъ, пооддымавшы щичкы и зачервонившысь, ажъ чоло спотнило, а остатне пьется мало по малу, зъ балачкамы, хочъ черезъ те трычи поперхнулось.

Балачка йде, по якійсь ассоціаціи думокъ, мо, подывывшысь на зоологычни картыны, що высять у столовій по стинахъ, нападае на цюю думку,—балачка йде про варення—„домашне" та „дыке", бо воно чувало, що кажуть: „домашне варення", або „домашни и дыки звири", значыть,—е й „дыке варення".

— Бабо, якее жъ воно?..

— Стій-но, бабуля, я тоби казочку розскажу про звиривъ.— На лычку радисть натхнення.

— Розскажы, розскажы, моя маленька... Кинчыла молоко? Отъ розумна! Ну, кажы, кажы!

Дытына прычмокуе язычкомъ и зъ важною миною почына:

— Це було тоди, колы... (замыслюется) у трыдесятому царстви, у трыдевятому государстви... колы... бабуля... бабунчыкъ... бабця...

Наступа несподиваный наплывъ нижности: почынаются поцилунки и стыскання, пры цьому баба терпыть товченыкы у жывитъ и маленьки нижкы тупотять ій по мозоляхъ, бо унука непреминно хоче вылизты на колина. Насылу бабушка умовыла ій, що треба жъ ій вымыты „чашечку одъ молочка,—а то молочко кругомъ закысне и малои не можна буде зъ неи пыты“; тоди воно кыдается на канапку и задыра ногы выще головы.

— Фе, соромъ якый! Хто-жъ це такъ валяется? Устань та розскажы краще мени казочку... Ты-жъ хотила...—каже баба и трохы шпддае ій одзаду.

— По малу, по малу—ты мени лехки одибьешъ,—серіозно каже воно, писля ускакуе и летыть въ другу хату, видтиль прыскакуе на одній нижци, крычучы:

— Ага, я вже вмію! Бачышъ, я вже вмію... ага, дывысь, дывыся!

Баба скублена за обыдва рукавы и за подилки, покы не выдряпалась зъ почуттямъ велыкои та безсыльнои досады. Воно-жъ зновъ пострыбало, якъ коныкъ травъяный, що одну мыть тремтыть на одній квитци, а ось уже перелетивъ геть на другу.

Йому спало на думку—збудыты маму та тата... Баба не догледила, и хвылына—воно вже у темнуватій хати, грымнуло дверыма и розкрыло ихъ шыроко, а само дзеленчыть:

— Мамо, мамусьо, а я вже на одній нижци... а ха, ха, ха, ха!

Маты не спыть вже, тильки жмурытся одъ ясного сонця, що увирвалось разомъ изъ дытыною, и втомленымъ голосомъ каже: „Добре, моя кыцька! Я заразъ устану. Иды соби“.

Якъ бы не такъ—пишло воно! Червоновыдый тато спыть дуже цикаво на свойому лижку, закынувъ рукы за голову, а самъ свыще кумедно носомъ.

— Тато, тато!—крычыть воно на весь голосъ:—чы у тебе дудочка у носыку?

Воно навалюется своею головкою прямо йому на жывитъ.

Батько зо сну, не добравшы добре дила, изъ серця штовхае важку головку и крычыть, якъ несамовытый: „геть!“

Воно, якъ оторопиле, прожогомъ летыть въ столову и объявляе бабушци, що тато рычыть, якъ левъ, и ось колы почынается казка — „про лева, ведмидя, шакала и малпу.“ Такъ воно тую казку тытулуе, а ось и вона и уси звири: левъ, ведмидь, заиць, вовкъ, билка, мыша, воронъ, леопардъ... пишлы, пишлы, пишлы у лисъ, писля... пылы молочко, потимъ... (прыгадуе)... гралы у трубу... Эге... писля звири посварылыся: „не хочу йты, не хочу“... „Не смій ходыты у лисъ“... „Яке твое дило?“... „Не хочу, не хочу“... „Геть, геть“... Писля, зновъ давай мырытыся и поцилувалыся... „Давай лапу“—„Давай“... Зновъ пишлы, пишлы: левъ, бурый ведмидь, малпа, слонъ—уси, а посередыни—шакалъ... А посередыни шакалъ“... Такымъ эффектнымъ повтореннямъ кинчается та казка. „А правда, бабуся, що шакалъ — дуся?“ Воно рычыть, якъ звири и пллюзія выходыть добра.

Маты блида, зъ темнымы очыма, де схована въидлыва думка и туга,—вона нагадуе выдомъ своимъ блиду чайну троянду,—йе таки сумни троянды,—дуже суха, дуже высока жинка зъ вьялымы рукамы и абы-якъ зачисанымъ волоссямъ, въ довгій, що ажъ по земли тягнется, одежи, увиходыть у столову, здоровкается зъ матирью, хоче поцилуваты мякеньку, якъ котыкъ на верби, щичку дытыны, тильки тее не дается, мотае голивкою на вси боки и накинець тикае. Мама образылась: „ну, не треба, колы такъ“... Вона зитхае, сида втомлена на стулъ, а плечи ій спадають и спына згорблюется. Батько — здоровый, веселый чоловикъ—бигомъ ускакуе, швыденько здоровкается зъ усима, хапае жваво дытынча, не дывлячысь на його протестъ, цилуе його, поколовши нижнее лычко ще мокрымы писля умывання бородою та вусамы, ковтае въ тры ковтка чай и холодный шматокъ жаренаго и счезае,—винъ хапается, винъ опизнывся на службу.

Писля того, якъ чоловикъ пишовъ, маты хотила було серіозно занятыся зъ дытыною: почать учыть систематычно вона боится, бо боится бильшъ одъ усего на свити мозковои перевтомы, що выявляется для неи, якъ страшна мара. Черезъ те вона усе одкладае на довше справдишню науку, покы дытынча не окрипне физычно, дывлячысь зъ тугою на його сухи перепела та лопаткы, на тоненькіи ручкы, що здаются ій ще сухійшымы, нижъ воны есть, а про те якось несподивано для себе самои показала йому усю азбуку за два-тры разы и розвывае його неперестаючы, чы-

таючы и розсказуючы де-що зъ натуральнои исторіи,—воно жъ одно у неи,—треба-жъ його чымсь забавыты довгои осинньои, чи зимньои вечирньои добы. Ось и теперь почала вона выясняты йому перши видомости зъ ботаники, пучкою показуючы на таблыци, що высилы по стинахъ, де булы намальованы квиткы: макъ, лыпа, виноградъ. Почала вона сухымъ, холоднымъ тономъ, що вона скризь держала, боячысь балуваты дытыну, якъ баба; вона водыла пучкою по картыни:

— Дакъ ты, малюся, скажы мени, чымъ квиткы, дерева, рослыны похожи або на насъ, на людей, на дитей, звиривъ, хоча на конячку, чы на твою кыцьку, чымъ похожи, а чымъ не похожи?

— Воно, инстынктомъ почувшы, що його хотять сыломыць утыскать у якись рямкы, направыты його розумъ, завъязаты волю думци та слову систематычнымы пытаннямы и т. ин.,—зразъ-же, якъ метелыкъ, метнулось у бикъ: „А, ботаника, ботаника, не хочу, не знаю, не треба!“ Воно схопыло свого здоровенного мьяча, здорово вдарыло о доливку; наче здоровый дзвинъ продзвонывъ—и мьячъ плыгнувъ у гостынну. Воно—за нымъ.

Маты вже сердылась, тильки ще здержувалась. Вона пишла слидомъ за нымъ, одняла мьяча, положыла высоко на полыцю и, взявшы дытыну за обыдви ручкы, сказала, пидводячы іи до картыны:

— У мьяча—писля... А хиба ты, любенька, не знаешъ, що твое котеня бигае и туды и сюды, а квиточка вже не побижыть никуды, усе буде на одному мисци, на одній нижци стояты, де іи посажено... эге такъ?

— Эге-е-е...- мляво одказало воно и почало крутытысь, якъ жукъ на булавци.

— А ще що може конячка, собачка, дытынка, а рослына не може?

— Не знаю, (воно насупыло чоло и зитхнуло) ... Эге... спиваты не вміе... крыча-а-а-ты.., говорыты.., граты на фортепьяни.., у мьяча... (додало воно и зареготалось).

— Такъ, такъ, — зъ усмихомъ сказала маты, — воно тильки росте. А що треба, щобъ рослына добре росла и жыла?

Тильки тутъ воно затупотило нижкамы и хотило тикаты, штовхаючы дуже боляче маты въ груды та жывитъ, якъ маленькый бычокъ.

— Стій, стій, скынчымо розсказуваты ботаныку, то пидемо гуляты...

— А, гуляты... гуляты... у скверъ пидемо?.. Дитокъ тихъ побачымо, що вчора... Маничка та Оличка... Воны казалы, що воны Маничка та Оличка... Я ихъ дуже, дуже люблю...

— Дакъ рослыни, щобъ жыты, що треба?

— Вода, земля, воздухъ, тепло и щобъ свитъ.., одтарабаныло воно, шарпнулось и побигло термесуваты бабу и требуваты свое пальто, шапочку.

— Швыдче, швыдче!

Маты розсердылась:

— Я сказала, що пидемъ гуляты, якъ скинчымо розсказуваты все, а мы ще й половыны не розсказалы.

— Мамка-дурна!—закрычало, якъ скажене, воно и заразъ-же. було схоплене за руку, одведено у другу хату и замкнене тамъ

Тамъ воно спершъ здорово крычало и лупцювало у двери рукамы и ногамы, писля втыхло.

Маты дуже мучылась, и не разъ хотилось ій одчыныты, та держалась свого и тильки зитхала, дывлячысь у газету, що лежала на столи, а баба, шо прыйшла зъ кухни, почала ій докоряты, що вона мучыть дытыну цією ботанykою, що воно-жъ ще маленьке, а писля почала дывуватысь:

— И въ кого воно вдалося таке буйне? Ты у мене була тыха и батько—спокійный, добрый; воно... просто зладу зъ нымъ нема! Онъ якъ роздырается,—крычыть!

— Я васъ усихъ выспчу!.. Я вамъ задамъ!.. Идить соби геть!—доносылось зъ тои хаты.

— И не бье його нихто,—пучкою не займе, а воно... Сьогодни такъ мене лопаткою вдарыло по спыни, що я думала—не встану,—гирко сказала вона.

— Це все одъ того, що одно воно, нудно йому и... — сказала дочка, стыскуючы ажъ до болю свои тонки рукы пидъ столомъ.

— Этъ, ты вже пойихала,"—розсердылась старенька, бо вона сама видъ людей ховалась та цуралась, хиба тильки треба було комусь запомогты.

Дочка зитхнула и встала, щобъ выпустыты вгамовану „тюремну". А воно утыхомырылось того, що почало строиты шалашъ Робинзонивъ, стягло изъ столу у гостинни, де воно було замкнене, плысову скатирть и роспьяло ін на перевернути догоры ногамы стульця. Воно неперестаючы торочыло, сыдючы у тому шалаши,—якось по пташиному, — слова Робинзонового попугая: „Бидный Робинзонъ, де ты бувъ?" Бабуся, стоячы на дверяхъ, не могла, щобъ не усмихнуться и зашепотила до дочкы:

— Дывыся, яка лялечка!

И справди—мале зъ червонымъ однымъ вушкомъ и вытягненымы кумедно, наче дзьобъ у пташкы, рожевымы губкамы, та круглымы оченятамы, було дуже гарненьке.

— Ну, иды вже сюды,—сказала маты и впьялась поцилункомъ у мякеньку щичку.

А воно, прыгадавшы собп Робинзона та й книжку зъ картынкамы про його, поскакало до своеи полычки зъ играшкамы и почало перекыдать тамъ усе догоры дрыгомъ, роблячы ще бильшый хаосъ, нижъ тамъ доси бувъ, бо воно хотило одшукать небезпреминно „Сторію про Робинзона“. Йому мабуть треба було навесты якусь справку, тильки воно найшло одынъ „кожухъ“ одъ цiеи книжкы; за те попало „Гулливера“ и зминыло свiй планъ: схопыло „Гулливера“, побигло до бабушкы зъ радиснымъ, заразлывымъ реготомъ крычучы:

— Хочешъ, бабуко, я тобп прочытаю „Гулливера“? Я тоби тильки „лиллипутечко“ (цебъ-то трошкы) прочытаю...

Бабуся дуже зрадила, бо думала, що такъ ій буде спокiйнише и вона успiе заштопаты маленьки чорненьки чулочкы, що вона якъ разъ передъ цимъ взяла у рукы.

Воно сило, якъ старе, у кутокъ на кушетку и „уявленне“ чытання (тильки кумедiя чытання тыхъ книжокъ, що йому чыталысь старымы дуже часто) почалося. Ричъ йшла про опысъ тыхъ ричей, що булы знайдени лиллипутамы у Гулливера.

Почыналась вона наче-бъ то такъ: „Межъ тымъ у чоловика-горы знайшлы мы одынъ здоровенный круглякъ зъ маленькымы стрилкамы и тры маленькихъ круглякы и „кстате“ (це було iи любыме слово) ще одынъ круглякъ жовтый и одынъ билый“...

Писля послидувало изъ тыеи жъ такы самои книжкы чытання казкы Андерсена, переробленнои по своему, безъ початку, безъ кинця, де ричъ йшла объ играшкахъ.—„Якъ вы моглы сказаты таку дурныцю,—объявывъ здоровый мьячъ зъ незадовольненымъ усмихомъ, смiючысь самъ до себе“...Ще-жъ бувъ чытаный перекладъ изъ французьскои книжечкы, що маты колысь iй жартамы перекладала, тильки багато тутъ було и своеи фантазiи, та дывно було якъ мале держало тонъ и стиль усякыхъ авторивъ:

— Гулу-сю (дуже швыденько говорыло воно незнайоми йому самому слова и заразъ же перекладало)—дывиться на мене. Гуленъ—дзень—якый я сытый и доволный. Тороки—дзи—дывиться на мене, якый я слухняный хлопець. Горева—дзе—дывиться на мене—яка у мене кругла голова и т. д. и т. д. И ще такъ: у насъ сьогодни

погода ловка и мы идемо гуляты, бо мои мыли диты булы сьогодни розумнымы и слухнянымы,—казала строго французьска матинка розовымы устонькамы маленькои, а дали:—накрывайте-жъ швыдче на стиль, несить: ножи, вылкы, талеркы, солонкы, грахвынъ, хлибъ... По малу, по малу, дывиться собп пидъ ногы... не розбыйте нычого.. сидайте, держиться ривно, не кладить локтивъ на стилъ, а вы—мыленька кыцька—дайте вашу лапочку сюды и не мьявчить — я васъ прошу дуже!..—Бабуся зайшлася одъ реготу, почувшы ци деликатни слова до кыцькы, а маты, що ходыла взадъ и впередъ по хати, зложывшы на грудяхъ руки, та думаючы, нахмурывшы бровы, свою довгу думу, стала на хвылыну, усмихнулася — подумала:—Може, пысатель буде,—тоди не буде почувать себе одынакою... Яке чуття, якый стиль!..

Писля того вона пидійшла до фортеньяна, сила, зитхнула и почала граты. Вона скинчыла консерваторію и грала дуже добре, та выйшла замижъ, якъ багато жинокъ, чогось занехаяла музыку и грала тильки тэди, якъ шукала спокою и потихы.

— Я, я, я! Я хочу граты!..

— У одну мыть опынылося воно тутъ и почало зъ серцемъ одрываты рукы матерыни одъ клавышивъ.

— Ты-жъ не вміешъ граты, давай краще спиваты,—сказала маты и почала прыспивуваты: „Танцювалы мыши по бабыній хати“... Воно, розуміеться, уперлося...

И зновъ ій прыгадалося, що воно одно и що, колы йому було рокивъ чотыри, а у ихъ була знакома сімья, де було багато дитей, що перейихала теперъ у другый городъ, и дитокъ тыхъ вона вчыла граты и спиваты, то ій маленька охотою спивала зъ подружкамы, хочъ нихто ій не сылувавъ.

Маты потерла соби чоло рукою и пишла зновъ ходыты мовчкы по хати, тягаючы за собою довге плаття.

Воно-жъ выдряпалось на ослинчыкъ и почало фантазироваты, ляпаючы своимы рученятамы въ ризныхъ мисцяхъ по клавіатури: „Це овечкы затопылыся у мори“, одною пучечкою по двомъ клавышамъ разомъ удисканти... „Аце—море“—якыйся чудный гукъ у басу, зробленый двома лапкамы, упавшымы згоры одразу... „О, о, о.. верблюды... клямъ, клямъ... перевалюются... хытаются... Писокъ... писокъ... глыбоченный...“ Це була перефразировка „Средней Азіи“ Бородина, що частенко грала и розсказувала ій маты.

— Дытыно моя, давай краще кожною пучечкою окроме пограемо екзерсисы,—прыступыла до неи маты зъ нижнистю, бо хотила перейты до „справдишньои“ музыкы. Тильки... його вже й слидъ пропавъ.

— Що його робыты? Звернутыся до ботаникы? А, може, вона його справди ще рано почынае учыты?

Маты найшла, що все-жъ такы треба весты гуляты, бо „свижый же воздухъ потрибенъ для здоровья“, и звелила йому одягатысь.

Тутъ почалася трагыкумедія одягання та матерыни пострахы:

— Ну, такъ сыды вдома, колы ты така! Ну, такъ я сама, пиду!—и т. д.

Само воно не хтило одягатысь, якъ и вранци у лижку, дерло на соби чулкы, кидалось кальошамы по всій хати. Колы-жъ баба хтила помогты, такъ не хтило на мисци стояты, крутылося якъ дзыга, для жарту лызало баби рукы языкомъ, та скакало у одному чулку и т. и., доводячы бабу ажъ до слизъ, бо дуже-жъ багато треба було на його одежынъ начипляты—усе боялыся простуды:—тры пары чулкивъ, дви пары штанцивъ, фуфайка, двитры хусточкы и д.

— И на що справди стильки хусточокъ? Це Богъ зна що!—гирко обизвалась маты.

— Эге, эге... поскыдай, поскыдай!—пробуркотила зловище баба, —писля сама будешъ не рада, якъ заболіе, та пизно вже буде!

И маты не насмилылась зкынуты хочъ одну хусточку и зменшыты усю цю вагу, що накладалась на дытыну, мишала ій вильно ходыты, бигаты, дыхаты.—Вона прыгадала соби, якъ пры легенькому нежыти, або кашлю, вона сама ставала не своя, у неи и души не було, и якъ, скочывшы середъ ночи, тремтючы у одній сорочци, вона йшла розогриваты на свичци борну кыслоту зъ водою, а сльозы такъ и капалы ій на простягнену зъ чашкою голу руку. Жахъ-же, холодный жахъ, можливисть згубыты саме дороге и одне-однымъ на свити, стыскавъ ій серце и морозывъ кровъ, а холодный питъ выступавъ у неи на чоли...

Ну, ось воно вже готове для гуляння и, плутаючысь у своій довгій—на выростъ—шубци, розкрывшы рота, бо горло його дуже зтыснене хусткамы, тильки усе-жъ такы пидскакуючы и не перестаючы блягузгаты про те, що воны изъ матирью зновъ побачать „шарщыка“ и куплять у нього теперъ сыній шаръ, бижыть за матирью до дверей и дали на сходци. Маты ще не вспишылась

одягты пальчатквы и напивъ стромыла ноги у колоши, та бижыть мерщій за нымъ, бо вона боится тихъ сходцивъ, боится до смерты; ій ажъ снытся часомъ падання изъ ціеи высокости и воно... внызу, якъ тисто кровьяне...,—страшнище ничого не може буты... духъ одбырае!

Маты обережно веде його за ручку по тихъ схидцяхъ. Воны йдуть у скверъ.

Ясный осинній день. Сонце облывае усе навкругы, хочъ и холоднымъ, та жывымъ золотомъ своимъ. Лыстъ сухый шелестыть по-пидъ ногамы, сухе лыстя обрывается уже зъ дерева изъ легенькымъ, що тильки вухо захопыть, хрупостиннямъ и падае доли; та уси ци легеньки шелестиння разомъ роблять вже бильшый шумъ та особлывый нервовый настрій, наче смыкання переходыть у середыну, наче обрывается щось у його самого — лыстокъ за лыстомъ... Кльоны стоять одягнени у жовте и—наче свитло йде зъ ихъ самыхъ, а не сонце збоку свитыть на ихъ—самосвитни, и це тежъ дывно та чудно! Осыка почервонила соромлыво, а одъ акацій йде такый мицный, прямый духъ сухого, тильки ще зеленого дрибного лыстячка...

Маты хоче звернуть увагу дытыны на цю картыну осени, прымушуе його робыть букеты зъ ризнобарвного лысту, называе дерева, зъ якыхъ лыстя поопадало, тильки воно вже наче упало: воно прымитыло—дитей хлопця та дивчынку у билыхъ одежынахъ, що булы похожи на шматочкы сырого тиста, и воно летыть до ихъ зъ крыкомъ: „Диткы, диткы! Ось диткы!“

Маты не може успишытысь за нымъ.

Лыха нянька, обороняючы своихъ паненятъ одъ наступа непрыятеля, звернулась до неи: „иды, иды соби, голубко, чого тоби?“ А сами диты, що стоялы по первахъ, наче чогось чекалы, одкрывшы роты, колы воно хапается за ихъ мьяча, що лежавъ доли, та лопоче: „будемо граться. Давай гуляты!“—то воны выдерають у нього свій мьячъ и йдуть до нянькы, а писля, учепывшыся зъ обохъ бокивъ за спидныцю ій, йдуть геть.

Воно ще бижыть слидкомъ, крычучы: „диткы, диткы!“ Та маты хапае його за руку и веде за собою. Ій саму дуже вразыло, що ій дытыну одштовхнулы, та й лыха вона на його за його уйпдлывисть.

— Не можна-жъ такъ лизты въ вичи до чужыхъ дитей, — каже вона.

— Я хочу зъ нымы гуляться,—уперто мовыло воно.

—А воны, бачъ, зъ тобою не хочуть,—сухо каже зновъ маты и веде його до дому.

—Чому не хочуть? чому, чому?—гирко допытуется, воно, та маты замыслывшись мовчыть. По дорози встричается ще цила кумпанія улышныхъ дивчатъ. Воны граются на кучи писку. Воно, разъ проучене, не кыдается вже до йихъ одразу, а держучысь за руку матерыну, стоить на мисци и не одводыть голодныхъ очей одъ веселои кумпаніи, и не хоче йты дали.

—Хочъ гуляты?—пытае пидбигаючы дивчына у здоровенній хустци, що наверчена на шыю, якъ ярмо, про те боса: я — Поля, а це — Катря, а то — Галька „безхвоста“ — продражнылы такъ; а тебе якъ зваты? Ходимъ! — Воно вырывается зъ рукъ одъ матери, тильки мовчыть.

Маты черезъ сылу говорыть: „та йды вже, йды, грайся, тильки не займай писку — винъ холодный, не бигай багато — можешъ простудыться, не сидай на вохку скамейку...“

Почынается гулянка у коршака. Жваво бига Поля якъ коршакъ, литае и скубе усихъ безъ сорому за кытыци одъ хустокъ, за подилки, писля плеще въ долони рукамы и гукае: „а-ну, у квача!“ Тупотыть червонымы одъ холоду босымы ногамы и плюеться, и ни зъ того ни зъ сього лае свою нову товарышку: „у, стерво яке, недотепне! Чуешъ, бижы, чого стала! спіймають тебе!... Квачыку, квачыку!“—дрочыть вона дивчыну, що за квача и, розтопырчывшы рукы, якъ лыстя кленове, махае имы, высолоплюе языка, хапается за дерево и зновъ плыга одъ нього, вьется и перескакуе пидъ самымъ носомъ у квача, неначе жыве срибло.

А воно стоить, спустывшы ручкы, ничого не розбере, хоче плакаты и все-жъ такы раде, що воно середъ дитей.

Маты-жъ душою болiе за його, що воно справди таке недотепне середъ цихъ вильныхъ дитей, що вдома — крыклыве та вередлыве, а тутъ прытыхло, дома жваве — тутъ непрывитне, мляве, що воно не прывчылось бигаты и не може бигаты, одежа важка, що цее бачать уси ци диты, що його такъ термусуе за рукава ця дивка, що воно перейме одъ неи лайку та грубисть, а, може, наберется и хворобы, бруду, вошей... Тильки вона боиться одирваты його одъ цихъ дитей.

Ажъ ось дивчата сами порозбигалысь, зъ реготомъ плыгаючы черезъ калюжи и забувшысь про свою нову товарышку, наче-бъ іи и зовсимъ николы не було.

Маты пидійшла до дытыны. Воно стояло, якъ прычароване, зъ усмихомъ на устонькахъ, и дывылось велыкымы очыма на маячившихъ оддаликъ дивчатъ, задержуючы у соби духъ.

Маты була здывована цимъ выразомъ дытыны, що почало придывлятысь зъ цикавостю объектывного наглядача, що увиходыть у чужый для його та роскишный, безкрайній свитъ почувань и вражинь, що тильки по малу одкрывается для нього.

Отъ воно забалакало, зацвиринькало, ледвы переводячы духъ, та хапаючы маты то за одну, то за другу руку:

— Мамо, мамо, яки дивчаточка! Якъ у одныеи, у ціеи, у Поли, волоссячко таки стырчыть чубочкомъ... хусточка зъ кытыцямы изсунулась, а волоссячко... сюды и туды... ось...

Цилу дорогу тильки и було балачкы, що про дивчатъ.

Колы прыйшлы до дому, тато бувъ вже вдома; винъ одимкнувъ имъ и заразъ же потягъ жинку по-пидъ руку, укрываючы зъ осолидою поцилункамы іи похолодили на двори щокы, наче хотивъ выпыты усей цей холодъ; потимъ до стели пидкынувъ вередлыву дытыну, що була ше у шуби и въ колошахъ, и закрычавъ на всю хату:

— Бабусю, бабусю, обидаты, обидаты! Татары прыйшлы — йисты хочуть! Ганно! а давай намъ вола на стилъ, — мы його...

— Жинка жмурылась одъ його гвалту та дитського вереску, що счынився, колы баба пидступыла до операціи скыдання колошивъ.

— Оце, Боже мій, краще-бъ пальто помигъ скынуты,—и такъ важко; уси плечи обтягло..., а винъ зъ поцилункамы!..

Чоловикъ кынувся помогаты, повторяючы: „Такъ бы и сказала!“, и вспишывся все-жъ таки поцилуваты іи ще разъ у шыйку.

Вона здвыгнула плечыма и пишла въ столову, сила за стилъ и спустыла втомлену спыну и плечи.

Баба-жъ не могла тежъ намылуватысь доволи своею унукою, якои такъ давно не бачыла, та усе прыкладалась то до головкы, то до щичкы, то до ручкы.

Дило скинчылось, розуміется, сваркою та обицяннямъ оставыты безъ обиду, а писля прозьбою швыдше роздягатысь, а то „супчыкъ для лялечкы прохолоне“.

За обидомъ батько почавъ розсказуваты эпизоды зъ своеи юрыдычнои прахтыкы и мижъ другымъ про якогось ловкого мошенныка, злодія, що вкравъ середъ дня черезъ розбыте шкло дороги часы ювелира. Бабуся схотила роспытатыся добре, що и якъ,

тильки воно зовсимъ не давало старымъ балакаты и все верещало:

— Слухайте... стійте... я кажу... Эй... вы — дурни! Його треба пидъ судъ... заразъ „за шкапъ“ його... А я у газети чытала... Ну, слухай, бабко — дурна!..

Тато скыпивъ, бо на скильки винъ бувъ плохенькый, — на стильки-жъ и палкый.

Винъ закрычавъ такъ, що бабуся ажъ здригнулась:

— Геть зъ-за стола!.

Маты, котру скризь кололо у серце, що дытына слуха и перейма слова, въ истоти своій страшни (воръ, злодій и др.) и ій непотрибни, що воно рано робытся старе, по малу отруюется овощемъ одъ древа пизнання добра та лыха, що хочъ не тямлючы, та повторя безневыннымы устамы страшни ричи: злодій, душогубъ и др., — тильки закрыла лыце рукою и нахылылась до стола, а бабуся почала завиряты батька, що „воно вже не буде, що воно — розумне“, и, звернувшись до дытыны, що сховалось у бганкахъ ій спидныци:

— Цыть, цыть, не плачъ... Тато простывъ... Сидай... Дай я вытру слизкы... йижъ вже краще.

За „солодкымъ“ зновъ трапылась „сторія“, бо воно крычало:

— Мени — першій, мени скризь попервахъ! Я хочу!—мени треба... Бабо, давай мени заразъ же!.. А мени? Мени не зостанется (воно вытрищыло здорови лыхи очи и ажъ затремтило, побачывшы, що тато узявъ велыкый шматокъ пырога на тарилку)... Бабо! Давай! А то я васъ усихъ выжену“.

На цей разъ тато ажъ зареготався:

— Отъ дакъ Тамерланъ!

— Що за страшенный эгоизмъ“,—обизвалась маты. А все черезъ те, що одно воно“, — зновъ вдарыла ій у голову вична думка.

Баба, сказавшы строго: „Ось и не дамъ тоби пырога, колы такъ, жаднюго“, заразъ же по-пидъ рукою ткнула йому тарилку наризанымы тоненько шматочкамы пырога, прытрушенымы дуже сахаромъ — пыскомъ.

Писля обидъ тато лигъ спочываты, баба сила до викна изъ шыттямъ, а маты зъ книжкою у кресло — гойдалку; воно побигло у другу хату за лялькамы, и скоро видтиль почулыся балачкы изъ фантастычнымы дитьмы: „Катя, Оля, Коля! А ну давайте граты у коней... Мы наче прывьязани... А ты, Коля, за кучера... Мы одирвалысь и втиклы... А, ш... ш... ш! Ну ловы!..

Ну, бижить!.. Чого спиткнувся, Коля.!!“ Чутно якъ тупотыть, наче правди скилькось паръ дитськихъ нигъ.

Маты прыслухалась и сумно усмихалась.

Ажъ ось задзеленчавъ дзвоночокъ. Прыйшла пани Блонська зъ своею дочкою. Почувшы дитський голосъ у синяхъ, воно,— не дывлячысь на крыкъ бабы: „куды! сыды мени! Тамъ холодно— Богъ храны—ще простудышся!“—заверещавшы: „дитка!,“ летило прямо на шыю до Кати Блонськои. Тильки що въ сылу вона роздяглася, — воно почало одразу тишыты, звеселяты, чаруваты свою гостю. Заразъ же повытягало усихъ ляльокъ зъ одбытымы носамы та рукамы, посли—поламани вагоны, крыву кухню и др., тильки це все не давалось просто у рукы дивчынци, а робылось багато, багато напередъ нотацій.

И тильки ты дывысь не зламай!.. Ось упало — пиднымы... Треба усе чепурно держаты... (наче-бъ то воно само — „свяге та боже“)... Стій—я сама... Не займай, положы... Я заразъ... Ну, ты будешъ за куховарку и усе, а я пани (воно ростягло це слово озъ утихою)... Вары швыдче обидъ, — я йисты хочу... Ось кухня.. Треба взяты два яйця, варення, оцту; а це — сметана“...

Гостя оторопила и почала надыматысь, бо вси играшкы, що ій давалысь у рукы, заразъ же и одбиралысь, а друге те, що вона зовсимъ не хотила буты за куховарку.

— Нехай же Катя грается, якъ и чымъ хоче,—сказала маты, пидходячы до дверей.

Маленька гостя трохы одійшла и почала вже сама заявляты капрызно:

— Я не хочу такъ — я хочу ось якъ!

На мыть воно одступыло; тильки щось соби прыгадавшы, почало тягты дивчынку до стола.

— А ось лото, а ось „загадкы“. Будемо у лото, ни, краще— въ загадкы! Сидай, сидай!.

Це „сидай“, сказало воно, може, разивъ зъ десять, а писля мала хазяйка порозкладала на столи картынкы и почала, не переводячы духу, тарабаныты на памьять уси загадкы, що воно знало.

— Маленьке, кругленьке—хочъ яку колоду переверне? Що це? Ну, кажы, ну швыдче, ну? Не знаешъ? (Не диждавшысь) — Це блоха! Ага, я выграла!..

Гостя все бильшъ надымалася. Вона сыдила мовчкы, дывлячысь пидъ стилъ, напрыкинци того помалу встала, пидійшла до своеи матери и прыгорнулась до ій плеча, и почала казаты килька разивъ по-первахъ шопотомъ, а писля усе дужче:

— Мамо. я хочу до дому, мамо, я хочу до дому, мамо!

— Пани Блонська думала, що це не дуже гречно тикаты такъ скоро, и сказала дочци: „иды, иды гулять соби!“ Тильки писля штовхання своеи дивчынки ій у бикъ, побачывшы сльозы у неи на очахъ, вона стала збиратысь до дому и прощатысь.

Воно по первахъ остовпило, колы товарышка пишла до матери, и все червонее, якъ макъ, почало для чогось складаты свои картынкы. Колы-жъ дило дійшло до прощання та одяганя чужои дивчыны, — ударылось у сльозы.

— Мамо, мамо — нехай вона останется! Куды вона йде?! Мамо, мамо, — вона вже йде!...

Іи матери було и досадно и тяжко за його, що воно не вміе поводытыся зъ дитьмы и що воны його цураются, будуть и пизнише люды цуратыся скризь, бо воно — эгоистычне, деспотычне, бо вештается усе мижъ старымы, що йому усе уступають.

— Вона того пишла, що ты ій спротывылась твоимъ крыкомъ та прыказамы.

Воно наче замерзло, спустывшы голивку.

— И не треба. Отъ дуже шкода! Пагана дивка якась! И безъ неи обійдемось,—заразъ же потишала баба и почала сама граты зъ дытыною у лото, прыставляючысь, що не може одшукаты на своій картынци а „ни жука“ носорога, „ни сонечка“.

Маты пишла въ кабинетъ, де чоловикъ спавъ на кушетци, и тыхенько сила коло столу — перепысуваты якись бумагы.

Трохы пизнише *воно* не прыскакало, якъ разъ-у-разъ стукаючы закаблукамы по доливци, тильки прыйшло на вспынячкахъ и зъ дывнымъ выразомъ у очахъ, таемно сказало матери:

— Мамо, якъ бы-то... у насъ ще диткы... Я-бъ никому вже не докучала, не крычала... А то... мени... нудно...

Грыцько Грыгоренко.

Землякъ и предтеча Гоголя.

Василій Трофимовичъ Нарѣжный принадлежитъ больше литературѣ русской, чѣмъ украинской. Онъ писалъ по русски, и значительная часть его произведеній не имѣетъ никакого отношенія къ Украинѣ. Украинецъ по происхожденію, землякъ Гоголя — миргородецъ, почерпнувшій сюжеты наиболѣе крупныхъ своихъ произведеній, каковы: „Бурсакъ“ и „Два Ивана“, изъ бытовой жизни Украины, Нарѣжный въ своей личной жизни и литературной дѣятельности оказывается оторваннымъ отъ родной ему почвы Украины и отъ родной для него духовной стихіи — украинскаго языка.

Въ XIX в. вліяніе русской литературы на украинскую было значительнымъ. То ослабѣвая, то усиливаясь, это вліяніе сказывалось и въ томъ, что русская литература иногда прямо-таки поглощала проявленія литературной жизни Украины, и украинское содержаніе воплощалось въ чуждой для него стихіи русской рѣчи. Явленіе это отразилось на сочиненіяхъ Квитки-Основьяненка, Гоголя, Гребенки, даже Шевченка. То же самое литературное явленіе представляетъ изъ себя дѣятельность Нарѣжнаго, старѣйшаго бытописателя-художника этнографической Украины.

Нарѣжный началъ свою литературную дѣятельность въ послѣдніе годы XVIII столѣтія; въ 1825 году его уже не стало. Такимъ образомъ періодъ дѣятельности Нарѣжнаго—это время разцвѣта въ русской литературѣ сентиментализма. И въ это время Нарѣжный проводитъ въ литературу реализмъ, воплощаетъ въ ней жизнь, какъ она есть, какъ самъ авторъ понималъ ее. Въ этомъ отношеніи Нарѣжный, какъ литературное явленіе, представляетъ собою замѣчательный фактъ. Въ такой оцѣнкѣ

Нарѣжнаго сходятся всѣ историки литературы, писавшіе о немъ.— „Ему (т. е. Нарѣжному),—говоритъ Буличъ,—какъ и другому знаменитому южно-руссу Гоголю, основателю у насъ реальной школы въ поэзіи, удалось первому обратить мысль на воспроизведеніе родной дѣйствительности". [1])—„Нарѣжный,—по опредѣленію Котляревскаго,—былъ явленіемъ рѣдкимъ, и среди нашихъ позднѣйшихъ реалистовъ николаевской эпохи мы не найдемъ достойнаго ему по смѣлости замѣстителя."[1]) Дѣйствительно, Нарѣжный, какъ описатель русской жизни начала XIX вѣка, имѣетъ большое историческое значеніе въ русской литературѣ. Но не меньшее значеніе должно быть присвоено Нарѣжному въ исторіи украинской литературы, такъ какъ онъ первый старался изобразить въ художественной формѣ своеобразную жизнь Украины, богатую разнообразными чертами народныхъ свойствъ и обычаевъ.

Въ его время этнографическій интересъ къ Украинѣ только что зарождался. До 1825 года въ литературѣ имѣлось всего около полудесятка болѣе или менѣе видныхъ сочиненій, изображавшихъ бытъ Украины, включая сюда и художественныя произведенія И. П. Котляревскаго: „Энеиду" и двѣ его извѣстныя пьесы. Среди этихъ сочиненій слѣдуетъ упомянутъ „Описаніе свадебныхъ украинскихъ и простонародныхъ обрядовъ" Григорія Калиновскаго (1777 г.), „Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества" (1778 г.), гдѣ нѣсколько страницъ было посвящено украинской этнографіи, „Записки о Малороссіи" Якова Марковича (1796). и, наконецъ, вышедшій въ 1819 году „Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсенъ" кн. Цертелева.

Изъ всѣхъ посвященныхъ украинскому быту сочиненій XVIII и начала XIX вѣка, кромѣ „Опыта" кн. Цертелева, едва ли не самый большій этнографическій интересъ представляютъ „Записки о Малороссіи" Марковича. „Записки о Малороссіи не простое протокольное описаніе края и быта украинцевъ; онѣ одухотворены любовью автора къ своей родинѣ, ея языку и обычаямъ. Этнографическія понятія Марковича, правда, сбивчивы: онъ не отличаетъ, напримѣръ, малороссовъ отъ бѣлоруссовъ, считая послѣднихъ за разновидность малорусскаго народа, но сочиненіе Марковича обращаетъ на себя вниманіе и пріобрѣтаетъ историческую

---

[1]) Н. И. Буличъ. Очерки по исторіи русской литературы; т. II, стр. 183.
[1]) Н, Котляревскій. Н. В. Гоголь. 1903. 85 стр.

цѣнность своею идейною стороною. Съ какимъ чувствомъ любви къ родному отзывается Марковичъ объ украинскомъ языкѣ и пѣсняхъ?

„Въ нынѣшнемъ,--говоритъ Марковичъ, -- малороссійскомъ языкѣ или собственно нарѣчіи видны еще нѣкоторые оттѣнки и счастливаго климата и нѣжнаго свойства души образователей его... Онъ нѣженъ, пріятенъ и наполненъ патетическими выраженіями, уменьшительными словами, кои произошли, конечно, не отъ другого чего, какъ отъ тонкаго чувства его изобрѣтателей. Можно назвать его языкомъ любви, или по крайней мѣрѣ, весьма способнымъ выражать чувства любви."

„Возьмемъ... малороссійскія пѣсни: въ нихъ помѣщены прекрасныя подобія и картины природы, простое, но пылкое изъясненіе любви---и голоса ихъ всегда соотвѣтствуютъ мыслямъ. Если содержаніе ихъ трогательно, если представляетъ оно разлуку съ милымъ или съ мать-стороною—то съ разительною гармоніею тоновъ изливается вмѣстѣ самая сила чувствъ и выраженій. Наученная одною природою, пѣвица заставляетъ и горевать съ собою природу. Она разсказываетъ свое несчастіе всѣмъ окружающимъ ее предметамъ, проситъ летящихъ птичекъ донести извѣстіе о ней въ милую ея родину, и музыка въ устахъ ея бываетъ живою картиною всѣхъ томныхъ движеній горюющей души..."

„Записки" Марковича обращаютъ на себя вниманіе именно этою идейною своею стороною. Къ сожалѣнію, они остались не доконченными: авторъ ихъ погибъ трагическою смертью, покончивши самоубійствомъ.

Указаніе на упомянутые этнографическіе матеріалы, конечно, не имѣетъ значенія въ опредѣленіи вліяній, при дѣйствіи которыхъ развился этнографическій интересъ къ своей родинѣ у Нарѣжнаго. Мы не обладаемъ никакими данными, чтобы отрицать это вліяніе или утверждать, что оно было. Но для насъ важно оттѣнить этнографическіе интересы Н. на фонѣ общей скудости подобныхъ интересовъ, вслѣдствіе чего бытоописательная украинская сторона произведеній Нарѣжнаго пріобрѣтаетъ свою настоящую историческую цѣнность.

Нарѣжный не принадлежалъ по степени своего таланта къ числу тѣхъ писателей, которые пролагаютъ новые пути въ литературѣ; онъ шелъ по намѣченной ранѣе, но не проторенной еще дорогѣ и сообразно со своими силами равнялъ, расчищалъ и ширилъ эту дорогу. Поэтому и въ своихъ этнографическихъ инте-

ресахъ Нарѣжный не былъ совершенно независимъ. Этнографическіе интересы Нарѣжнаго были только одною стороною его цѣлаго литературнаго направленія. При опредѣленіи послѣдняго мы должны считаться съ тѣмъ основнымъ фактомъ, что Нарѣжный, несмотря на свои украинскіе интересы, дѣйствуетъ въ предѣлахъ русской литературы. Нарѣжный развивалъ зачатки реализма, которые были заложены въ русской литературѣ ранѣе.

Зачатки реализма въ русской литературѣ принадлежатъ XVIII вѣку. Послѣдній былъ переходною эпохою въ русской исторіи. Въ это время Московская Русь въ культурномъ отношеніи отживала свой вѣкъ, исчерпавши весь запасъ имѣвшихся у нея духовныхъ силъ. Такія истино-русскія начала Московской Руси, какъ тупое отвращеніе къ знанію, крайнее высокомѣріе въ отношеніи другихъ народовъ, граничившее съ пошлымъ самодовольствомъ, характернымъ и для современныхъ истинно-русскихъ людей, узкая обрядовая религіозность, развращавшая своею безсодержательностью народную душу,—всѣ эти начала въ XVII в. стали блекнуть въ сознаніи общества. Съ Запада врываются свѣжіе потоки чистаго воздуха; жизнь обновляется; обновляется и литература. Старая московская *письменность* уступаетъ свое мѣсто новымъ теченіямъ и мало по малу превращается въ *литературу* въ нашемъ значеніи этого слова. Литература какъ свободное выраженіе въ словесныхъ образахъ интеллектуальныхъ отношеній человѣка къ міру и самому себѣ, Московской Руси была мало извѣстна. Московская письменность не выражаетъ всецѣло интеллектуальной жизни общества; она проникнута практицизмомъ, преслѣдуетъ одностороннія цѣли; характеръ ея наставительный, при чемъ нравоученіе переходитъ иногда въ старческое брюзжанье.

XVII вѣкъ стремится освободить литературу отъ принятаго ею направленія. „Гисторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ“—характерный образчикъ русской литературы конца XVII вѣка. Повѣсть эта не только не нравоучительная, а наоборотъ—нраворазучительная, по сравненію съ московскими понятіями. Свободное отношеніе къ жизни—крупный шагъ, сдѣланный русскою литературою въ XVII вѣкѣ. Вслѣдствіе этого расширяется кругъ литературнаго наблюденія и литературныхъ вопросовъ. Литература обращается къ жизни, становится на почву реальнаго ея изображенія и въ этомъ находитъ для себя живую воду.

Когда въ малокультурномъ, не обновляющемся нравственно обществѣ, проявляется самосознаніе въ лицѣ нѣкоторыхъ представителей того же общества и выражается въ литературѣ, то простое литературное изображеніе жизни такого общества переходитъ въ сатиру, разсужденіе объ этой жизни становится обличеніемъ. Вотъ почему такъ долго, даже до сихъ поръ, характерною особенностью русской литературы является преобладаніе въ ней элементовъ сатирическихъ. Поэтому же первый великій нашъ реалистъ Гоголь былъ сатирикъ. Этотъ сатирическій характеръ русской реалистической литературы начинаетъ обнаруживаться съ первыхъ же ея шаговъ. Читая ту же повѣсть „о ворѣ и мошенникѣ Фролкѣ Скобѣевѣ," легко видѣть, что авторъ очень далекъ отъ намѣренія изобличать плутовскія похожденія своего героя, и, присмотрѣвшись, также легко замѣтить насмѣшливое отношеніе автора къ старому московскому обществу, которое, какъ ни берегло себя и своихъ чадъ и домочадцевъ отъ новыхъ вѣяній и новыхъ людей, все-таки оказывается безсильнымъ противъ нихъ, обойденнымъ, оказывается въ траги-комическомъ положеніи одураченнаго гоголевскаго городничаго. Всецѣло сатирическій „Списокъ съ суднаго дѣла у Леща съ Ершомъ", изобличающій специфически русскій судъ долгій, неправый и немилостивый, подтверждаетъ высказанныя соображенія.

Въ XVIII вѣкѣ реально-сатирическое направленіе въ русской литературѣ утверждается окончательно. Совершается это не безъ вліянія со стороны тогдашней украинской литературы. Бытовой сатирическій элементъ былъ весьма развитъ въ украинской литературѣ XVII и XVIII в.

На этой почвѣ выростаетъ крупная литературная личность Ѳеофана Прокоповича, имѣвшаго въ русской литературѣ значительное вліяніе. Онъ былъ литературнымъ наставникомъ Кантемира, который не однажды повторялъ отдѣльныя мысли талантливаго монаха.—„Отцы де наши не умѣли письма, но хлѣбъ довольный ѣли, и хлѣбъ тогда лучше родилъ Богъ, нежели нынѣ, когда письменныхъ и латынниковъ размножилося".—Такъ смѣялся Ѳеофанъ Прокоповичъ надъ русскимъ обществомъ по коренному вопросу нашей жизни—о просвѣщеніи. Мыслямъ Прокоповича вторилъ Кантемиръ:

Живали мы прежъ сего, не зная латыни,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ нынѣ;
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.

Прокоповичъ и Кантемиръ, а далѣе Сумароковъ, Новиковъ и Фонъ-Визинъ—вотъ крупнѣйшіе представители реалистическаго направленія въ русской литературѣ XXIII вѣка. Это направленіе было явно преемственнымъ. Сумароковъ сказался въ литературной дѣятельности Новикова; съ другой стороны Новиковъ исторически восходитъ еще къ Ѳеофану Прокоповичу при посредствѣ Кантемира. Вышеприведенный сатирическій мотивъ такъ же характеренъ для общаго направленія дѣятельности Новикова, какъ и для первыхъ двухъ сатириковъ: „Дѣды наши и прадѣды ничему не учились, да жили счастливо, богато и спокойно; науки да книги переводятъ только деньги: какая отъ нихъ прибыль; одно разоренье!“ („Живописецъ“). Фонъ-Визинъ примыкалъ къ установившемуся реально-сатирическому направленію въ литературѣ, но выразилъ его талантливѣе всѣхъ остальныхъ соратниковъ по перу: „На что сватъ, граммятика?—говорилъ Бригадиръ.— Я безъ нея дожилъ почти до шестидесяти лѣтъ, да и дѣтей взвелъ...“ — „Конечно, грамматика не надобна, — подхватывала Бригадирша.—Прежде нежели ее учить станешь, такъ вѣдь ее купить еще надобно, заплатить за нее гривенъ восемь, а выучишь ли, нѣтъ ли, Богъ знаетъ!“

Всѣ указанные дѣятели были, какъ видимъ, литературными родственниками другъ другу. Они упрочили въ русской литературѣ реально сатирическое направленіе, идя тою дорогою, которую имъ указывало ихъ общественное чувство. Если Фонъ-Визинъ былъ самымъ талантливымъ выразителемъ даннаго направленія, то Новиковъ былъ наиболѣе полнымъ и разностороннимъ выразителемъ того же направленія. Поэтому при объясненіи литературнаго направленія Нарѣжнаго, примыкавшаго къ тому же реально-сатирическому теченію, мы будемъ исходить изъ сравненія его съ Новиковымъ.

Изслѣдовательница литературной дѣятельности Нарѣжнаго г-жа Бѣлозерская въ своей книгѣ о послѣднемъ не достаточно опредѣленно уяснила литературное направленіе Нарѣжнаго, считая его вполнѣ самостоятельнымъ по своему характеру писателемъ: „Предоставленный,— говоритъ г-жа Бѣлозерская, — самому себѣ и собственнымъ силамъ, онъ (Нарѣжный) очутился внѣ какого бы то ни было литературнаго вліянія вообще или въ частности того или другого писателя [1]) На вѣрный путь въ опре-

[1]) Бѣлозерская: „В. Т. Нарѣжный“, ч. I, 14.

дѣленіи литературнаго направленія Нарѣжнаго сталъ Гончаровъ, которому русская литература въ области критики обязана лучшимъ истолкованіемъ типа Чацкаго. Въ своемъ письмѣ къ Семевскому Гончаровъ намѣтилъ тотъ путь, по которому шелъ Нарѣжный, указавъ на связь послѣдняго съ литературнымъ направленіемъ Фонъ-Визина. Гончаровъ настойчиво проводитъ свою мысль, повторяя ее въ письмѣ четыре раза: „Онъ (Нарѣжный) школы Фонъ-Визина, его послѣдователь и предтеча Гоголя... Онъ часто впадаетъ въ манеру и тонъ Фонъ-Визина и какъ будто, предсказываетъ Гоголя... Онъ всецѣло принадлежитъ къ реальной школѣ, начатой Фонъ-Визинымъ и возведенной на высшую степень Гоголемъ... Считаю Фонъ-Визина, Нарѣжнаго и Гоголя главными представителями чисто реальной школы.“—Мысль Гончарова, повторяемъ, вѣрна, но на мѣсто Фонъ-Визина, какъ представителя реально-сатирической школы въ русской литературѣ XVIII вѣка слѣдуетъ поставить Новикова, наиболѣе типичнаго сатирика-реалиста предшествующей Нарѣжному эпохи.

Реально-сатирическое направленіи въ русской литературѣ XVIII вѣка отличается общимъ своимъ гуманнымъ характеромъ. Закоренѣлая русская неправда, въ чемъ бы она ни выражалась: въ судопроизводствѣ, въ ужасахъ крѣпостного безправія, въ беззастѣнчивомъ господствѣ надъ всѣми олигархической придворной клики—вельможъ, по терминологіи XVIII вѣка,—все это находило, поскольку позволяли независящія обстоятельства, а то даже и вопреки послѣднимъ, отзвукъ въ принятомъ лучшими силами русской литературы сатирическо-реальномъ направленіи. Даже испорченный екатерининскимъ дворомъ, лишенный чувства общественной добропорядочности, Державинъ, примыкалъ къ этому направленію въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, какъ напр. въ „Вельможѣ“ и отчасти въ пресловутой „Фелицѣ“. Вторая отличительная черта реально-сатирическаго направленія—культъ національнаго достоинства. Эта черта имѣла какъ отрицательное, такъ и положительное значеніе. Отрицательная сторона національнаго теченія въ реально-сатирическомъ направленіи выражалась въ чрезмѣрномъ превознесеніи какихъ-то *русскихъ* „добродѣтелей“ или „доблестей“, какъ выражались тогда, которыя гибнутъ отъ вводимыхъ въ Россіи искусствъ и наукъ, и вообще отъ западнаго вліянія. И вотъ даже у такого безукоризненно чистаго въ гражданскомъ отношеніи, человѣка, какимъ былъ Новиковъ, самъ бывшій безкорыстнымъ дѣятелемъ просвѣщенія, проявляется нѣкоторое отрицательное отношеніе къ запад-

ному просвѣщенію. [1]) Положительная сторона національнаго теченія въ реально-сатирическомъ направленіи выражалась въ осмѣиваніи уродливыхъ формъ воспринимапія западнаго просвѣщенія и культуры. Но главнымъ образомъ значеніе національнаго теченія сказалось въ національзаціи литературы. Новиковъ рѣшилъ, что, не зная французскаго языка, можно быть русскимъ писателемъ интереснымъ и полезнымъ. Нарѣжный идетъ по тому же пути. Онъ находитъ картины родной ему дѣйствительности *забавными* т. е. интересными и потому изображаетъ ихъ, несмотря на то, что въ обществѣ болѣе забавными считаются передѣлки французскихъ романовъ.

Литературная связь Нарѣжнаго съ реально-сатирическимъ направленіемъ неоспорима. Мы приведемъ нѣкоторыя параллели изъ Новикова и Нарѣжнаго по кореннымъ вопросамъ русской дѣйствительности XVIII вѣка и послѣдующихъ эпохъ, чтобы фактически установить эту связь.

Кардинальнымъ вопросомъ общественной жизни въ XVIII и XIX вв. до 61 года былъ, какъ извѣстно, вопросъ крестьянскій. Онъ становится особенно острымъ въ царствованіе Екатерины II, когда рѣзко сказывается противорѣчіе между кажущимся государственнымъ благополучіемъ и самымъ позорнымъ для государства существованіемъ преобладающей массы населенія.—„Они работаютъ, а вы ихъ трудъ ядите“;—говорилъ въ одной изъ своихъ притчъ Сумароковъ. Эти горькія слова становятся девизомъ журнальной дѣятельности Новикова, а идея, заключенная въ нихъ, проникаетъ своимъ вліяніемъ реально-сатирическое направленіе. Говорить о несправедливости притѣсненій крестьянъ помѣщиками, доказывать физическое и нравственное равенство тѣхъ и другихъ было великимъ дѣломъ, которое приняло на себя это направленіе.

Литературѣ приходилось доказывать, что крестьяне такіе же люди, какъ и помѣщики, что нравственныя достоинства столь же присущи первымъ, какъ и послѣднимъ.—„Подлый человѣкъ,—говоритъ Новиковъ,—есть тотъ, который подлыя дѣла дѣлаетъ, хотя бы онъ былъ баронъ, князь или графъ; а не тотъ, который, рожденъ будучи отъ низкостепенныхъ людей, добродѣтелью, можетъ быть, многихъ титлоносныхъ людей превосходитъ“. („Трутень“). Тѣ-же мысли проводитъ Нарѣжный: „Добродѣтели... должны

[1]) См. „Кошелекъ,“ изд. А. С. Суворина, 26 стр.

быть общи всѣмъ добрымъ людямъ: крестьянину и помѣщику, солдату и полководцу, вельможѣ и царю; и чѣмъ чья степень возвышеннѣе, тѣмъ кругъ ихъ дѣйствія обширнѣе."[1]) Въ „Бурсакѣ" Нарѣжный высказываетъ слѣдующую для своего времени необходимую мысль: „Сколько для величайшихъ властелиновъ были любезны какія-нибудь Ѳеодоры, Клеопатры, Маріанны, столько и для бѣднѣйшихъ поселянъ дороги ихъ Мавры, Марины и Макрины."[2])—Съ другой стороны необходимо было указать на степень человѣчности тѣхъ лицъ, въ рукахъ которыхъ находились крестьяне. „Злорадъ думаетъ,—говоритъ Новиковъ,—что слугъ, ему подчиненыхъ, по исполненію своихъ должностей ничѣмъ инымъ принудить невозможно, какъ строгостію или паче звѣрствомъ и жестокими побоями..."[3]). А его превосходительство г. Недоума, который даже вида крестьянъ не могъ выносить, Новиковъ называетъ подобнымъ „дикому медвѣдю." Такое же „звѣрье" видѣлъ въ высшемъ сословіи Россіи—дворянахъ Нарѣжный: „Они росли и жили, какъ дикіе звѣри, имѣющіе острые зубы и длинные когти, и помощію сихъ орудій доставали себѣ пропитаніе."[4])

Переходя отъ этихъ общихъ изображеній къ фактамъ реальной жизни, какъ Новиковъ, такъ и Нарѣжный обнаруживаютъ большую наблюдательность и художественную силу. Новиковскіе переписка помѣщика со своими крестьянами: старостою и разореннымъ Ѳилаткою, Антономъ Горемыкой XVIII столѣтія („Трутень") и „Отрывокъ изъ путешествія И* Т**". („Живописецъ") силою своихъ художественныхъ достоинствъ и идейнымъ направленіемъ предупреждаютъ народническую литературу 40-ыхъ и послѣдующихъ годовъ XIX в. Такія же вполнѣ реальныя картинки крѣпостной жизни мы находимъ и у Нарѣжнаго. Вотъ Аристіонъ, промотавшійся молодой человѣкъ, закладываетъ своихъ людей ростовщику Граблину, оставляя у себя только поваренка и стараго слугу Макара, прототипа пушкинскаго Савельича, до мозга костей преданного своему барину. „Однако, милостивый государь, промолвилъ Макаръ со стономъ, я знаю господина Граблина, и думаю, что подъ залогъ шести человѣкъ онъ не дастъ необходимыхъ для васъ пяти тысячъ рублей!"—

---

1) В. Нарѣжный: Романы и повѣсти. Изд. Смирдина, V, 65.

2] Ibid. II, 211.

3) Трутень, изд. Суворина, I, 195.

4) Нарѣжный V, 202.

„Тогда, — сказалъ съ гнѣвомъ Аристіонъ,—тогда я прибавлю тебя и поваренка Мишку.“[1]) Много жизненной правды и силы въ повѣсти Нарѣжнаго „Марія,“ сюжетъ которой основанъ на колизіи, въ которую попадаетъ крѣпостная дѣвушка, получившая настоящее барское воспитаніе. Ея госпожа графиня „рѣдко кого-либо изъ подвластныхъ ей людей удостоивала ласковымъ взглядомъ. Она считала ихъ за насѣкомыхъ, которыхъ могла душить и топтать по произволу.“[2]) И вотъ эта то госпожа распоряжается судьбою образованной и, конечно, особенно чувствительной къ своему положенію дѣвушки и доводитъ послѣднюю до психическаго разстройства.

Въ другихъ вопросахъ тогдашней русской жизни Нарѣжный также шелъ по указанной реально-сатирическимъ направленіемъ дорогѣ.—„О, правосудіе! - восклицалъ онъ, вторя воплямъ своихъ предшественниковъ: Сумарокова, Новикова и другихъ сатирическихъ журналистовъ,—гдѣ ты?—Гдѣ-нибудь да есть, только не у насъ!“ Какъ и послѣдніе, Нарѣжный—проповѣдникъ образованія и „дурныя привычки“ какъ онъ мягко выражается о безобразіяхъ, описываемыхъ имъ помѣщиковъ, приписываетъ „крайнему невѣжеству“ ихъ.[3]) Но такъ же, какъ и Новиковъ и Фонъ-Визинъ, Нарѣжный противъ исключительнаго вліянія французскаго просвѣщенія. О героѣ повѣсти „Марія“ онъ говоритъ: „Главное воспитаніе (его было) предоставлено руководству славнаго аббата Бертольда, который воспитывалъ графскаго сына на швейцарскій образецъ; ибо онъ, къ несчастію, думалъ, что изъ россіянина ничего путнаго не выйдетъ, пока онъ предварительно въ нѣдрахъ своего отечества не сдѣлается чужестранцемъ.“[4]) Въ „Словенскихъ вечерахъ“ Нарѣжный обнаруживаетъ такое же недоброжелательство по отношенію къ французамъ, какъ и Новиковъ: „Разлилось ядовитое галловъ дыханіе по лицу всея земли словенскія.“[5]) Въ противовѣсъ этому „дыханію“ Нарѣжный „воспѣваетъ“ „доблести вождей и прелести дѣвушекъ русскихъ во времена давно прошедшія“.

Между прочимъ, близость Нарѣжнаго къ реально-сатирическому направленію сказывается въ очень замѣтныхъ толкахъ

---

[1]) Ibid. V, 34.
[2]) Ibid. IX, 10.
[3]) Ibid. V, 187.
[4]) Ibid. IX, 12.
[5]) Ibid. X, 226.

соприкосновенія его повѣсти „Аристіонъ или перевоспитаніе“ съ комедіею, современною Фонъ-Визину, „Мотъ, любовью исправленный“ Лукина. Въ обоихъ произведеніяхъ герои—Аристіонъ и Добросердовъ ведутъ разгульную жизнь. У каждаго есть слуга, совершенно преданный своему господину: у первого—Макаръ, у второго—Василій. Слуги всячески оберегаютъ своихъ господъ отъ разоренія и совѣтуютъ имъ обратится съ повинною къ роднымъ. Дойдя почти до гибели, герои исправляются, при чемъ въ этомъ исправленіи большую роль играетъ любовь. Исправившись, герои отпускаютъ своихъ вѣрныхъ слугъ на волю, но тѣ воли не берутъ; произнеся приличныя случаю тирады, они рѣшаютъ до конца дней служить своимъ господамъ. Если и подлежитъ сомнѣнію вліяніе на Нарѣжнаго именно тѣхъ произведеній, которыя были указаны выше, тѣмъ не менѣе вліяніе на Нарѣжнаго реально-сатирическаго направленія вообще не можетъ быть оспариваемо. Нарѣжный—представитель реально-сатирическаго направленія въ русской литературѣ XVIII и начала XIX вв.

Реально-сатирическое направленіе по самому своему характеру стояло близко къ народной жизни. Народные интересы этого направленія проявляются не только въ литературныхъ изображеніяхъ народной жизни и среды, но также въ изученіи народа со стороны этнографической. Чулковъ, сатирикъ новиковскаго направленія, собираетъ пѣсни; и сказки; Новиковъ издаетъ ихъ. Народною поэзіею интересуется и Нарѣжный: патетическія мѣста въ своихъ „Словенскихъ вечерахъ“ онъ пишетъ народнымъ пѣсеннымъ размѣромъ. Интересъ Нарѣжнаго къ жизни родной ему Украйны объясняется также на почвѣ общаго его литературнаго направленія.

Онъ изображаетъ вполнѣ народные украинскіе типы: дьячка, двухъ Ивановъ въ романѣ „Два Ивана“, Сарвила и др. въ „Бурсакѣ“, и если эти типы не обладаютъ строгою индивидуализаціею, не отличаются красочностью изложенія, то этотъ недостатокъ надо отнести къ недостаткамъ тогдашней литературы, еще не знавшей позднѣйшихъ пріемовъ художественнаго изображенія типовъ.

Но иной разъ въ обрисовкѣ типовъ Нарѣжный идетъ дальше своего времени и предупреждаетъ реальную школу XIX в. Такъ, описывая скупца пана Тараха („Аристіонъ“), онъ заставляетъ одного изъ крестьянъ говорить о его нравахъ: „У насъ и годовая корка хлѣба хронится подъ замкомъ.“ Кто не припом-

нитъ при этомъ сухаря Плюшкина, остатокъ кулича, привезеннаго ему Александрою Степановною, которымъ герой Гоголя собирался угощать Чичикова? Другой типъ—пана Парамона, весельчака въ родѣ Ноздрева, но не буйнаго характера, Нарѣжный индивидуализируетъ, дѣлая излюбленнымъ его словцомъ слово: милостивецъ:

— „По одной чашкѣ выпили мы съ удовольствіемъ, а болѣе не станемъ.

— „А для чего, милостивецъ?

— „Для того, любезный другъ, что чѣмъ больше выпьешь послѣ одной чарки, тѣмъ меньше остается въ головѣ разсудка.

— „Позволь поспорить съ тобою, милостивецъ."

— Въ другомъ мѣстѣ того же романа („Аристіонъ") Нарѣжный изображаетъ генерала, который къ каждому почти слову прибавляетъ поговорку: „Убей его сила драгунская".

Той же цѣли художественнаго оживленія разсказа служитъ у Нарѣжнаго этнографическій элементъ его повѣстей. Кромѣ того, онъ самъ по себѣ интересенъ, *забавенъ*: (Панъ Харитонъ) „выѣхалъ изъ села Горбылей въ Полтаву весьма пасмуренъ и дикъ, и лишь очутился на выгонѣ, то представились ему принадлежащія панамъ Иванамъ двѣ вѣтряныя мельницы въ полномъ дѣйствіи. Онъ подъѣхалъ ближе и остановился. Пріѣхавшіе съ возами ржи и пшеницы крестьяне, сидя кружкомъ, курили тютюнъ и разсказывали другъ другу чудныя были, кому-либо изъ нихъ на роду приключившіяся; внутри мельницы раздавались веселыя завыванія мельника. Для всякаго другого путешественника эта сельская картина показалась бы *забавною*..."[1]) И авторъ украшаетъ свой разсказъ такими забавными картинами и сообщеніями.

Я не буду останавливаться на извѣстномъ, ставшемъ классическимъ описаніи жизни бурсаковъ въ старой украинской бурсѣ. Интереснѣе указать тѣ мелкія разбросанныя по длиннымъ повѣствованіямъ Нарѣжнаго отдѣльныя этнографическія замѣчанія и сценки, которыя роднятъ Нарѣжнаго какъ съ Гоголемъ, такъ и съ другими украинскими писателями-этнографами.

Въ романѣ „Два Ивана" содержатся: ч. III—примѣчаніе о вовкулакахъ (8), о празднованіи Ивана Купала (10), объ упырѣ (73); описаніе украинской ярмарки (23), разсказъ о скоморошьихъ

---

[1]) Нарѣжный, III, 131.

представленіяхъ (31—33), разсказъ о знахаряхъ, колдунахъ и колдуньяхъ (137), упоминаніе о досвиткахъ; ч. IV—упоминаніе о ворожеяхъ и цыганкахъ гадалкахъ (9); о народныхъ музыкантахъ: гудочникахъ и цимбалистахъ (29); о домовомъ (58), о бандурѣ и народныхъ танцахъ (98).

Въ „Бурсакѣ“ (ч. I.) герой романа Неонъ разсказываетъ повѣсть о золоторукомъ звѣрѣ (изъ цикла сказокъ о животныхъ, обладающихъ золотыми частями тѣла); тамъ же упоминается о ходячихъ въ народѣ преданіяхъ о церкви (243), говорится о мѣновой торговлѣ чумаковъ (319). Въ томъ же романѣ находимъ довольно подробное описаніе женской и мужской одежды: „Бѣлая, тонкая сорочка, розовая плахта (родъ шерстяной юбки различнаго цвѣта) и голубая запаска (шерстяной передникъ) дѣлали ее прелестнѣйшею поселянкою. Прочія украшенія составляли: двѣ ленты, коими перевиты были косы, сложенныя на головѣ въ видѣ короны, а на пальцахъ нѣсколько мѣдныхъ колецъ подъ фольгою.“—„Я... надѣлъ свиту (верхнее суконное платье у крестьянъ), накинулъ на голову торбу (родъ капишона у свиты), и поѣхалъ далѣе...“[1])

Въ „Аристіонѣ“ упоминаются игра „въ носки“, народныя танцы, музыка и заговоры („невнятныя слова“), сопровождаемые спрыскиваніемъ водою.[2]) Въ повѣсти „Богатый бѣднякъ“ находимъ объясненіе, что такое „запорожскіе сѣромахи“[3]); въ повѣсти „Запорожецъ“ разсказъ начинается съ реальнаго описанія Запорожской Сѣчи.

Кромѣ того, въ „Бурсакѣ“ встрѣчаемъ обстоятельное описаніе быта „плащеватыхъ цыганъ.“ Разсказчикъ Діомидъ Король описываетъ ихъ образъ жизни, занятія, нравственныя понятія, а также останавливается на свадебныхъ и погребальныхъ обрядахъ цыганъ.

Подводя итоги всему сказанному о Нарѣжномъ, мы видимъ въ немъ послѣдователя реально-сатирическаго направленія въ области романа. И въ этомъ литературная заслуга Нарѣжнаго. Воспользовавшись заимствованною формою авантюрнаго романа, Нарѣжный придалъ ему народную окраску подъ вліяніемъ вышеуказаннаго направленія. Украинскіе бытовые и этнографическіе

---

[1]) Соч., II, 283, 288.
[2]) Ibid V, 59.
[3]) Ibid VIII, 15.

элементы романовъ Нарѣжнаго оживили послѣдніе, привлекли къ себѣ вниманіе слѣдующаго литературнаго поколѣнія.

Всѣмъ извѣстенъ фактъ вліянія Нарѣжнаго на Гоголя. Нарѣжный и Гоголь—смертный и божество по силѣ своихъ дарованій, но сколько сторонъ роднитъ ихъ другъ съ другомъ! Они были земляками не только по происхожденію; они были земляками по духу.

Нарѣжный и Гоголь—сатирики—реалисты. Они дѣйствуютъ на почвѣ русской литературы, хотя и родной для нихъ въ силу историческихъ условій ихъ жизни и образованія, но родной *не стихійно*. Однако ни въ томъ, ни въ другомъ національная стихія не исчезаетъ. Она проявляется въ ихъ литературной дѣятельности, у каждаго въ той степени, какая соотвѣтствовала историческому моменту существованія литературы. И эта національная стихія придавала особую силу дѣятельности обоихъ писателей. На почвѣ ея расцвѣлъ ихъ реализмъ, (выросшій однако на почвѣ русской литературы), который подвинулъ литературу далеко впередъ. Смутно, — но это сознавала по отношенію къ Нарѣжному еще современная ему критика. Такъ критикъ „Московскаго Телеграфа“ писалъ о Нарѣжномъ: „Нарѣжный побѣдилъ первый, и покамѣстъ одинъ, трудность, которую, признаюсь, почиталъ я до того непобѣдимою. Мнѣ казалось, что наши нравы, что вообще нашъ народный бытъ не имѣетъ или имѣетъ мало *оконечностей* любопытныхъ, кои могъ бы схватить наблюдатель для составленія русскаго романа. *Правда, что авторъ нашъ наблюдатель несовершенно русскій, а малороссійскій, и что его два лучшіе романа: „Бурсакъ“ и „Два Ивана“ относятся къ эпохѣ, когда Малороссія еще имѣла свою особенную и характеристическую физіономію*“[1]). Ярко оригинальная природа Украйны и ея жителей были предметами, заманчивыми для литературнаго изображенія, какихъ еще неопытный, непроницательный взглядъ не находилъ въ природѣ и жителяхъ Великороссіи, края лишеннаго живой, яркой блещущей красоты, края съ одними намеками на поэзію.

Историческая критика не однажды сопоставляла дѣятельность Нарѣжнаго и Гоголя, опредѣляя ихъ литературныя отношенія. Намъ кажется, что лучшею характеристикою для Нарѣжнаго и лучшимъ опредѣленіемъ отношенія къ нему Гоголя является то опредѣленіе, которое мы поставили въ заголовкѣ нашей статьи: Нарѣжный—землякъ и предтеча Гоголя.

Владиміръ Даниловъ.

[1]) М. Т. 1825, № 22, стр. 182. Цитирую по „Исторіи Рус. Лит.“ Н. Энгельгардта.

Повѣсти и сказанія древне-русской письменности, имѣющія отношеніе къ евреямъ и еврейству.

I.

Два разсказа Кіево-Печерскаго Патерика.

Историческимъ государственнымъ актомъ, обновившимъ нынѣ русскую жизнь, всѣмъ обитающимъ въ Россіи народамъ обѣщана, заодно съ другими незыблемыми основами гражданской вольности, дѣйствительная *свобода совѣсти.*

Чтобы живѣе сознавать все значеніе этого акта, достаточно лишь вспомнить, какъ жестоко и безпощадно святое начало вѣротерпимости и религіозной свободы попиралось въ нашемъ отечествѣ въ прежнія времена, особенно въ отношеніи къ еврейскому народу. Массу вопіющихъ фактовъ насилія надъ религіозными убѣжденіями евреевъ „старыя скрижали хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ".

Къ числу такихъ преданій принадлежатъ и содержащіеся въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ два разсказа, которые я и представлю здѣсь въ надлежащемъ освѣщеніи, устраняя данное имъ изслѣдователями невѣрное, по моему мнѣнію, истолкованіе.

Одинъ изъ этихъ разсказовъ, помѣщенный въ Несторовомъ „Житіи Препод. Ѳеодосія", гласитъ въ переводѣ на современный языкъ такъ:

„Блаженный имѣлъ слѣдующее обыкновеніе: многократно ночью онъ вставалъ и тайно отъ всѣхъ ходилъ къ евреямъ и спорилъ съ ними о Христѣ; укорялъ ихъ и досаждалъ имъ,

называя ихъ отступниками и беззаконниками, поелику желалъ быть убитымъ за исповѣданіе Христа". [1])

Основываясь на этомъ показаніи, покойный проф. Кіевской Духовной Академіи И. И. Малышевскій полагалъ, что частыя ночныя хожденія преп. Ѳеодосія изъ своего монастыря *въ городъ* къ евреямъ совпадали съ какими-то ночными религіозными собраніями у самихъ евреевъ,—что, *вѣроятно*, на этихъ собраніяхъ, бывали не одни евреи, но и русскіе, и что, *вѣроятно*, Ѳеодосій и являлся на религіозныя собранія евреевъ именно съ цѣлью изобличить послѣднихъ въ ихъ замыслахъ противъ христіанства и спасать русскихъ христіанъ отъ іудейскихъ обольщеній. [2])

Но подобное объясненіе означеннаго мѣста „Житія" не только лишено всякой положительной основы, но недопустимо и по логическимъ соображеніямъ.

И дѣйствительно, если ночныя и, конечно, *тайныя* религіозныя собранія, на которыя отправлялся Ѳеодосій, происходили у евреевъ, жившихъ въ *городѣ* (теперешнемъ Старомъ Городѣ), то возможно ли, чтобы Ѳеодосій изъ своего монастырскаго далека поспѣвалъ *всегда* какъ-разъ на эти сходки, да и для какой цѣли ему въ такихъ случаяхъ понадобилось бы скрывать свои похожденія „отъ всѣхъ" и, слѣдовательно, даже отъ монастырской братіи? Еще непонятнѣе то, что Ѳеодосій, посѣщая еврейскія ночныя сборища, на коихъ, по догадкѣ названнаго ученаго, были и совращенные евреями русскіе христіане, укорялъ только евреевъ, называя ихъ беззаконниками и отметниками, но совершенно „оставлялъ въ покоѣ" совращаемыхъ христіанъ, не обращаясь къ нимъ ни съ единымъ словомъ увѣщанія и укоризны,—тогда какъ именно христіане, увлекавшіеся іудействомъ, скорѣе всего заслуживали вполнѣ названіе „отметниковъ и беззаконниковъ", т. е. вѣроотступниковъ, отщепенцевъ. Наконецъ, если бы на ночныхъ собраніяхъ евреевъ на самомъ дѣлѣ происходило въ теченіе продолжительнаго времени нѣчто опасное для вѣры русскихъ христіанъ, то Ѳеодосій, безъ сомнѣнія, „тамъ рѣчей не тратилъ бы по пустому, гдѣ нужно власть употребить". При извѣстной строгости этого ревнителя православія и при высокомъ почетѣ, которымъ онъ пользовался у великаго князя Изяслава, бл. Ѳеодосій, конечно, не преминулъ бы, для пресѣченія вреднаго соблазна со

---

[1]) Записки II Отд. Ак. Наукъ. кн. II, вып. 2, стр. 174.

[2]) „Евреи въ южной Руси и Кіевѣ" (Отд. оттискъ изъ „Трудовъ Кіев. Дух. Акад.", за 1878 г., кн. III, стр. 68—69)

стороны евреевъ, принять, при содѣйствіи, если бы это оказалось нужнымъ, и свѣтскихъ властей, какія-нибудь рѣшительныя, энергическія мѣры. Отсюда можно заключить, что разсказъ Житія бл. Ѳеодосія вовсе не имѣетъ придаваемаго ему покойнымъ профессоромъ значенія. Смыслъ же его, какъ мнѣ кажется, болѣе простой. Дѣло въ томъ, что какъ во время игумена Ѳеодосія, такъ и до и послѣ него, евреевъ на Руси всячески побуждали къ массовому переходу въ христіанство, для чего прибѣгали нерѣдко и къ средствамъ прямого принужденія. Естественно, что приневоленные крещенцы оставались втайнѣ іудеями, а при первой возможности и открыто отступались отъ христіанства. Съ такими же явленіями встрѣчаемся въ разныя эпохи и въ Византіи, и въ другихъ странахъ. Укажу, напр., на свидѣтельство вселенскаго собора, бывшаго при Иринѣ и Константинѣ въ 786 г., въ правилахъ котораго, между прочимъ, говорится (пр. 8-е), что „нѣкоторые изъ еврейскаго вѣроисповѣданія, блуждая, притворно дѣлаются христіанами, втайнѣ же отвергаются христіанства, скрытно субботствуя и прочее іудейское исполняя“. [1]) Вспомнимъ также и испанскихъ *марановъ*—притворныхъ христіанъ изъ евреевъ и мавровъ. Равнымъ образомъ естественно предположить, что у насъ вѣроотступниковъ, по обнаруженіи ихъ вины, отправляли въ монастыри къ духовному начальству для увѣщеванія и вразумленія. Такихъ-то наружно-обращенныхъ въ христіанство евреевъ, по всей вѣроятности, набралось не мало и въ Кіево-Печерской Лаврѣ, гдѣ они, надо полагать, по ночамъ сходились для совершенія молитвъ и іудейскихъ обрядовъ вѣры. И вотъ за этими-то притворными христіанами, продолжавшими скрытно оставаться евреями, бл. Ѳеодосій и имѣлъ бдительнѣйшій надзоръ. Не довѣряя монастырской братіи, среди которой могли найтись нѣкоторые, не вполнѣ благонадежные иноки, преподобный игуменъ вставалъ много разъ ночью и самолично, тайно отъ всѣхъ, „исходилъ“ (изъ своихъ покоевъ) къ сосланнымъ въ монастырь для исправленія неискреннимъ конвертитамъ, препирался съ ними, укоряя и стыдя ихъ (коряше и досаждаше я), какъ отступниковъ и измѣнниковъ христіанству, при чемъ, дѣйствительно, рисковалъ подвергаться какимъ-либо со стороны ихъ оскорбительнымъ дѣйствіямъ.

---

[1]) И. И. Малышевскій, указ. соч., стр. 14.

При такомъ изъясненіи даннаго разсказа, онъ является въ полной гармоніи съ другимъ разсказомъ Несторова „Житія“ о томъ, что преподобный Ѳеодосій имѣлъ обыкновеніе каждую ночь обходить келіи монаховъ и наблюдать, чтобы послѣдніе не сходились для праздныхъ разговоровъ, и когда слышалъ сошедшихся двухъ или трехъ вмѣстѣ и бесѣдующихъ, то ударялъ рукою въ дверь, давая тѣмъ знать о своемъ приходѣ, а на другой день утромъ призывалъ виновныхъ и обличалъ и вразумлялъ ихъ. [1])

Въ близкой связи съ предыдущимъ разсказомъ стоитъ повѣсть, помѣщенная въ Кіево-Печерскомъ же Патерикѣ, въ посланіи монаха Поликарпа къ архимандриту Акиндину—о *Никитѣ Затворникѣ*.

Содержаніе ея, по изложенію профессора Малышевскаго, слѣдующее:

„Никита былъ родомъ изъ Кіевлянъ и поступилъ въ монастырь Печерскій за нѣсколько лѣтъ до кончины Ѳеодосія. При игуменѣ Никонѣ (1078—1088) Никиту постигло искушеніе. Пожелалъ онъ достичь славы высшихъ подвиговъ и даровъ духовныхъ и сталъ проситься въ затворничество. Игуменъ отговаривалъ его, представляя, что онъ еще молодъ, и что лучше бы ему трудиться въ общежитіи съ братіею, что и тутъ онъ не потеряетъ своей награды, что затворничество—подвигъ трудный, соединенный съ опасностью искушеній... Никита, однако, стоялъ на своемъ, стремясь быть прозорливцемъ и чудотворцемъ, и завѣряя, что не поддастся искушенію. Игуменъ не могъ болѣе удерживать его, и Никита удалился въ затворъ. Скоро посѣтилъ его здѣсь искуситель въ образѣ ангела. „Ты уже не молись“, говорилъ онъ Никитѣ, „а только читай книги, я же буду молиться за тебя.“ Никита послушался мнимаго ангела, который теперь сталъ часто хаживать къ нему и молиться въ виду его. Никита же занялся книгами. Скоро почувствовалъ онъ въ себѣ даръ прозрѣнія и учительства. Великому князю Изяславу онъ послалъ сказать: нынѣ убитъ Глѣбъ Святославичъ на Заволочьѣ, пошли скорѣе своего сына Святополка въ Новгородъ на княжескій столъ.“ Прозрѣніе оправдалось: чрезъ нѣсколько дней узна-

---

[1]) Чт. Общ. Ист. и Древ. Рос. 1879 г., кн. I, л. 13—14.

ли, что княжившій въ Новгородѣ Глѣбъ Святославичъ, дѣйствительно, убитъ на Заволочьѣ. И вотъ разнеслась слава о Никитѣ: стали ходить къ нему князья и бояре и слушать его наставленія. При этомъ возбуждались и религіозныя состязанія (?), на которыхъ обнаружилось одностороннее явленіе въ новомъ мудрецѣ-книжникѣ: „не можаше, говоритъ Поликарпъ, никто стязатися съ нимъ книгами Ветхаго Завѣта, весь бо изъ устъ умѣяше: Бытіе, Исходъ, Левитъ, Числа, Судіи, Царства и вся пророчества по чину и *вся книги жидовскія*". Между тѣмъ книгъ Новаго Завѣта Никита никакъ не хотѣлъ ни слушать, ни бесѣдовать по нимъ („ни слышати, ни почитати, ни иному дасть бесѣдовати къ себѣ"). Братія поняла, что тутъ дѣло недоброе, что Никита обольщенъ лукавымъ. Вмѣстѣ съ игуменомъ собрались къ нему нѣсколько братій изъ найболѣе испытанныхъ, въ числѣ ихъ и преп. *Несторъ-Лѣтописецъ*. Они помолились о Никитѣ, отогнали отъ него бѣса, вывели изъ затвора въ общежитіе. Когда теперь стали спрашивать его о Ветхомъ Завѣтѣ, желая слышать что нибудь отъ него, то Никита съ клятвою увѣрялъ, что никогда не читалъ книгъ, не зналъ ни слова изъ нихъ. Отцы Печерскіе едва научили его грамотѣ. Въ подвигахъ общежитія Никита достигъ высшихъ добродѣтелей и около 1096 г. посвященъ въ епископа Новгородскаго и былъ почитаемъ, какъ святой.[1])

Разбирая этотъ разсказъ съ фактической стороны, съ цѣлью уяснить его историческій смыслъ, упомянутый ученый пришелъ къ выводу, что искуситель, который совѣтовалъ Никитѣ оставить христіанскія молитвы и читать книги только еврейскія, внушая вмѣстѣ съ тѣмъ отвращеніе отъ книгъ христіанскихъ, былъ никто иной, какъ іудей или іудействующій христіанинъ, сообщникъ іудеевъ, избравшій Никиту жертвою своихъ замысловъ, *касательно тайной пропаганды іудейства среди русскихъ христіанъ*. Но, при такомъ толкованіи разсказа, возбуждается рядъ недоумѣній, изъ коихъ нѣкоторые замѣчены самимъ покойнымъ проф. Малышевскимъ. Почему, спрашивается, іудейскій наставникъ—искуситель попалъ именно на Никиту? Съ какою цѣлью первый совѣтуетъ послѣднему не молиться *вовсе* (значитъ, не совершать даже и еврейскихъ молитвъ), но при этомъ самъ молится, вмѣсто Никиты? Далѣе если разсказъ Поликарпа не легенда, а имѣетъ въ виду дѣйствительный фактъ, то мыслимо-ли, чтобы Никита,

---

1) „Евреи въ южной Руси и „Кіевѣ", стр. 78.

рускій юноша, не знавшій, повидимому, при своемъ удаленіи въ затворъ, и русской грамоты, которой онъ научился лишь впослѣдствіи, въ состояніи былъ въ короткое время перенять отъ іудея знаніе наизустъ почти всего Ветхаго Завѣта, да вдобавокъ еще какихъ-то спеціально—„*жидовскихъ*“ книгъ, подъ которыми, какъ мною замѣчено было уже разъ въ другомъ мѣстѣ, надлежитъ разумѣть ничто иное, какъ *Талмудъ* и *Мидрашъ?* Притомъ, развѣ искуситель—іудей *обучалъ* Никиту? Вѣдь говорится только, что тотъ совѣтовалъ послѣднему *читать книги,* стало быть—Никита уже раньше своего поступленія въ затворъ умѣлъ читать еврейскія книги. У кого же онъ могъ научиться этому въ монастырѣ?

Между тѣмъ всѣ означенныя недоразумѣнія сами собою устранятся, если только мы представимъ себѣ историческую основу обсуждаемаго разсказа въ слѣдующемъ видѣ. За нѣкоторое время до кончины препод. Ѳеодосія Печерскаго малолѣтній еврей былъ окрещенъ, помимо воли его родителей,и отданъ для воспитанія въ Печерскій монастырь подъ именемъ Никиты. Что случаи насильственнаго отобранія малолѣтнихъ дѣтей у еврейскихъ родителей и совершенія надъ ними обряда крещенія бывали всегда и довольно часто, какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ странахъ—это общеизвѣстно. Ради примѣра, припомнимъ изъ новѣйшей эпохи, надѣлавшій въ свое время много шума во всемъ цивилизованномъ мірѣ случай крещенія, въ 1858 г., въ Болоньи, въ Италіи, еврейскаго мальчика Эдгара *Мортары,* котораго папскіе зуавы силою отняли отъ родителей и помѣстили въ одномъ изъ монастырей, гдѣ онъ и воспитывался, а впослѣдствіи достигъ виднаго церковнаго сана. Что же касается нашего отечества, то, за недостаткомъ прямыхъ свидѣтельствъ, относящихся къ начальной эпохѣ русской жизни, приходится указать на факты болѣе или менѣе близкаго къ намъ времени. Достаточно вспомнить своеобразную заботливость, которую въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія военное начальство прилагало къ обращенію въ христіанство еврейскихъ малолѣтковъ—кантонистовъ. Въ своихъ очеркахъ „Многострадальные“ (От. Зап. 1871 г., кн. 8 и 10) Никитинъ разсказываетъ, что этихъ дѣтей, для пріумноженія имп православныхъ, всегда загоняли далеко отъ родины, напр.—въ Пермь и отнюдь не ближе Ниж.-Новгорода, и что, по прибытіи ихъ на мѣсто назначенія, къ нимъ не допускали ни одного изъ солдатъ евреевъ, заключали ихъ въ холодную комнату, безъ постелей, отнимали все, что у нихъ было, а затѣмъ

подвергали ихъ истязаніямъ, ведущимъ непосредственно къ тому, чтобы заставить еврейскихъ мальчиковъ принять православіе, при чемъ они черезъ годъ едва знакомились съ христіанскими молитвами и долго не знали даже, какъ ихъ зовутъ по русски[1]). Приведу также любопытную справку изъ автобіографіи покойнаго профессора Университета св. Владиміра А. Ѳ. Кистяковскаго, бывшаго воспитанникомъ Черниговской духовной семинаріи[2]). Въ 1847 г., разсказываетъ проф. Кистяковскій, назначенъ былъ ректоромъ сказанной семинаріи архим. Климентъ Можаровъ, который въ Черниговѣ посвятилъ свою дѣятельность на обращеніе евреевъ въ христіанство и повелъ это дѣло такъ рѣшительно, что скоро число обращенныхъ стало считаться десятками. Но затѣмъ пошли на него многочисленныя жалобы за то, что онъ употреблялъ для обращенія, особенно малолѣтковъ, неодобрительные способы при помощи своихъ подручниковъ, почему онъ и былъ переведенъ на низшій постъ.

Если же, въ виду подобныхъ примѣровъ, допустить догадку о еврейскомъ происхожденіи и Никиты, то само собою станетъ понятнымъ, что послѣдній, принимая даже, что ему при поступленіи въ монастырь было не болѣе 12-и—13-и лѣтъ отъ роду, могъ уже обладать знаніемъ *наизустъ* большей части ветхозавѣтныхъ библейскихъ книгъ, или, по крайней мѣрѣ, Пятокнижія и субботнихъ и праздничныхъ чтеній изъ пророковъ *(гафторотъ)*, а равно достаточнымъ знакомствомъ съ талмудо-раввинскою письменностью, такъ какъ среди еврейскихъ мальчиковъ съ недюжинными умственными способностями такой объемъ знанія не рѣдкость. Сошлюсь, въ доказательство этого, на книгу „Christen und Juden“ доктора богословія *А. Фюрста* (Страсбургъ, 1892 г.), содержащую въ себѣ очерки жизнеописаній многихъ, достигшихъ большей или меньшей извѣстности, конвертитовъ изъ евреевъ и заключающую, между прочимъ, (стр. 123) слѣдующую выдержку изъ автобіографіи крещенаго лектора еврейской словесности въ Лейпцигѣ *Готтфрида Зелига*: „Могу сказать, пишетъ Зелигъ, безъ хвастовства (?), что здѣсь, въ фюртской талмудической школѣ, я довольно далеко пошелъ и, едва имѣя 13 лѣтъ отъ роду, уже въ состояніи былъ передавать *наизустъ* содержа-

---

[1]) Ср. И. Г. Оршанскаго; „Рус. законодательство о евреяхъ“ 1877 года стр. 20—26.

[2]) „Кіевская Старина“ за 1895 г., январь. „А. Ф. Кистяковскій. Біографическій очеркъ“. Статья В. Науменко.

ніе слишкомъ 500 листовъ (!) талмуда и даже съ успѣхомъ держалъ при нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ такъ называемыя *дерашотъ* или рѣчи на древне-еврейскомъ языкѣ".

Естественнымъ, далѣе, представляется предположеніе, что въ монастырѣ Никиту препоручили первоначально для обученія одному изъ жившихъ тамъ прозелитовъ изъ евреевъ же, съ разсчетомъ, конечно, что этотъ наставникъ успѣшнѣе другихъ съумѣетъ, принаравливаясь къ понятіямъ и складу мыслей юноши, преподавать ему догматы христіанской вѣры. Но учитель, продолжавшій, вѣроятно, и самъ оставаться втайнѣ іудеемъ, вмѣсто добросовѣстнаго исполненія возложенной на него обязанности, поддерживалъ, напротивъ, въ своемъ ученикѣ упорную приверженность къ іудейству и побуждалъ его участвовать въ происходившихъ въ самомъ монастырѣ, какъ выше замѣчено, тайныхъ ночныхъ сходкахъ неискреннихъ новообращенныхъ евреевъ для совмѣстнаго, по еврейскому обряду, богомоленія и религіозныхъ собесѣдованій. Неудивительно поэтому, что подъ руководствомъ такого наставника, — мнимаго ангела (евреи иносказательно уподобляютъ своихъ законоучителей ангеламъ),—Никита сталъ помышлять о томъ, какъ бы удалиться вовсе изъ общежитія и избавиться такимъ образомъ отъ надзора монастырскихъ властей. Вотъ почему онъ такъ настойчиво сталъ домогаться дозволенія уйти въ затворъ, надѣясь получить возможность безпрепятственно удовлетворять тамъ своему завѣтному влеченію къ аскетизму и занятіямъ книгами еврейскаго закона. А что такое влеченіе обыкновенно присуще набожному еврейскому юношеству,—объ этомъ свидѣтельствуетъ Новгородскій священникъ *А. Алексѣевъ*, бывшій еврей: „Въ каждомъ „бетъ-гамидрашѣ" — молитвенномъ домѣ,—говоритъ онъ,—можно видѣть во всякое время дня и ночи человѣкъ 20—30.., которые питаются самою скудною пищею, большею частью сухоядіемъ, спятъ на голыхъ скамейкахъ синагоги и покрываются своимъ верхнимъ платьемъ, имѣющимъ видъ подрясника. Жизнь ихъ по истинѣ строго аскетическая: они не видятъ радости земной, кромѣ той, которая доставляетъ имъ успѣшное прохожденіе извѣстнаго отдѣла Закона (Торы) и Талмуда".

Послѣ многихъ неудачъ, горячее желаніе Никиты исполнилось въ игуменство препод. Никона (1078 г.)...

Но въ затворѣ молодой отшельникъ, какъ легко себѣ представить, на первыхъ порахъ сталъ скорбѣть по слѣдующему поводу: изученію еврейскихъ книгъ онъ, дѣйствительно, могъ

предаваться здѣсь безъ всякаго стѣсненія, такъ какъ въ монастыряхъ, въ особенности въ Кіево-Печерской обители, и даже въ затворахъ, чтеніе, списываніе и переводы рукописныхъ свитковъ считались обычнымъ занятіемъ и даже прямою обязанностію иноковъ, которые всячески и побуждаемы, и поощряемы были къ подобнымъ занятіямъ самими настоятелями монастырей. Но за то Никита въ затворѣ не только не былъ въ состояніи исполнять предписываемыя еврейскимъ закономъ правила, касательно отправленія молитвъ предпочтительно въ собраніи, состоящемъ, по крайней мѣрѣ, изъ 10-и евреевъ, но и не могъ, при затворнической обстановкѣ, совершать и одиночно молитвы по установленному риту. Это тревожило религіозную совѣсть юноши, привыкшаго дома строго соблюдать обряды своей вѣры. [1]) И вотъ мнимый ангелъ, — тайный іудей, — сталъ его утѣшать, говоря: „Ты уже не молись, а только читай книги и черезъ это будешь бесѣдовать съ Господомъ и изъ книгъ станешь подавать полезное слово приходящимъ къ тебѣ. Я же постоянно буду молить о твоемъ „спасеніи Творца своего.“ Такого успокоительнаго совѣта и надлежало ожидать именно отъ учителя-іудея, ибо, какъ высоко ни поставленъ, по еврейскимъ понятіямъ, обрядъ молитвословія, выше исполненія всякихъ религіозно-обрядовыхъ обязанностей стоитъ *изслѣдованіе и истолкованіе Закона,* почему занимающемуся „денно и нощно“ изученіемъ священныхъ книгъ не ставится въ грѣхъ, если онъ, по какимъ-либо причинамъ, не въ состояніи соблюдать во всей строгости правила о богомоленіи.

Такъ продолжалъ бы Никита свое одинокое пребываніе въ тиши затвора, углубляясь въ свои еврейскія книги, еслибы, вѣроятно подъ вліяніемъ своего учителя, преслѣдовавшаго, можно думать, какіе-то особые виды, онъ не сталъ заниматься гаданіемъ и предсказываніемъ. Эти гаданія, какъ справедливо объяснилъ И. И. Малышевскій, не имѣли, конечно, ничего общаго съ чудеснымъ даромъ прозорливости, а относились къ фактамъ, уже случившимся, къ событіямъ прошедшимъ, о которыхъ Никита узналъ заблаговременно при содѣйствіи все того же мнимаго ангела, — іудействующаго своего наставника, внимательно слѣдив-

---

1) Вышеупомянутый о. Алексѣевъ въ своей статьѣ: „Бывшій еврей за монастыри и монашество“ (Домашняя Бесѣда за 1875 г. № 34) пишетъ: „Будучи еще іудеемъ, я наученъ былъ отцомъ моимъ, ревновавшимъ къ закону, свято хранить уставъ синагоги, а синагога учитъ бывать ежедневно на *общественной* молитвѣ велитъ чтить святые дни и пр., — и я тогда все это свято соблюдалъ“.

шаго, повидимому, за всѣми текущими событіями общественной жизни. И вотъ, благодаря своимъ предсказаніямъ, изъ коихъ нѣкоторыя, дѣйствительно, сбывались, въ особенности же, благодаря подтвердившемуся вскорѣ сообщенію объ убіеніи Глѣба Святославовича, Никита пріобрѣлъ широкую извѣстность, и къ нему, какъ къ мнимому прозорливцу, стали ходить князья и бояре. Тогда же на прославившагося молодого затворника впервые обратили серьезное вниманіе и отцы Печерскіе. Но тутъ-то, къ великому изумленію и огорченію братіи, и обнаружилось, что восторженный юноша, рвавшійся въ затворъ, подъ предлогомъ желанія достигать высшихъ подвиговъ христіанскихъ добродѣтелей,— на дѣлѣ оставался такимъ же рьянымъ іудеемъ, какимъ онъ былъ при самомъ своемъ поступленіи въ монастырь. Пытались было вступать съ нимъ въ диспуты и убѣждать его въ превосходствѣ христіанскаго вѣроученія, но всѣ эти попытки оказались безуспѣшными, и онъ продолжалъ упорствовать въ своей привязанности къ іудаизму, а о Новозавѣтныхъ книгахъ и слышать не хотѣлъ и о нихъ не позволялъ даже говорить съ собою. Это побудило соборъ братіи, съ игуменомъ Никономъ во главѣ, принять рѣшительныя мѣры. „Не могли, говоритъ сказатель, стерпѣть этого преподобные отцы, пришли къ прельщенному, помолились Богу и отогнали бѣса отъ затворника, и послѣ того онъ не видалъ его болѣе“ (т. е. проще сказать, прогнали наставника-іудея), самого юношу вывели изъ затвора и перевели въ общежитіе, поручивъ катехизическое его обученіе вполнѣ благонадежному старцу: „Послѣ этого, заканчиваетъ свою повѣсть сказатель, предалъ себя Никита на воздержаніе и послушаніе и чистое смиренное житіе, такъ, что всѣхъ превзошелъ въ добродѣтели и впослѣдствіи былъ поставленъ епископомъ въ Новгородѣ“.

И опять-таки поставленіе на епископство бывшаго еврея далеко не является фактомъ исключительнымъ, необычайнымъ, ибо не безъизвѣстно, что въ рядахъ пастырей и даже архипастырей, какъ восточной, такъ, въ особенности, западныхъ церквей, во всѣ времена вовсе не рѣдкость встрѣчать лицъ еврейскаго происхожденія. А чтобы не ходить далеко за примѣрами, стоитъ лишь указать на возведеніе въ сравнительно недавнее время въ Австріи, въ самомъ разгарѣ антисемитической агитаціи, Фердинанда *Кона*, еврея по національности, въ санъ архіепископа въ Ольмюцѣ.

Таковы, по моему, черты исторической дѣйствительности, которыя могутъ быть извлечены изъ разсмотрѣннаго, весьма интереснаго повѣствованія Кіево-Печерскаго Патерика.

Моя догадка о личности Никиты Затворника однородна съ предположеніемъ покойнаго проф. И. И. Малышевскаго относительно одного изъ предшественниковъ Никиты по каѳедрѣ,—второго, послѣ крещенія Руси, Новгородскаго епископа и перваго извѣстнаго по имени, русскаго проповѣдника,—автора „Поученія къ братіи"—*Луки Жидяты* (ум. въ 1059 г.)

Основываясь на томъ, что въ Руси съ самого начала было въ обычаѣ называть духовныхъ лицъ не по имени и прозванію, а только по имени, тогда какъ Лука почти всегда упоминается съ своимъ оригинальнымъ прозваніемъ Жидяты, а въ нѣкоторыхъ и, притомъ, древнѣйшихъ лѣтописныхъ спискахъ, называется даже не по имени, а просто Жидятою,—упомянутый ученый заключилъ, что Лука происходилъ изъ евреевъ и крещенъ былъ въ отроческіе свои годы, въ княженіе св. Владиміра,—откуда и прозвище „Жидята", означающее: еврейскій мальчикъ.

Означенный выводъ, подтверждаемый отчасти и нѣкоторыми чертами изъ „Поученія къ братіи", обнаруживающаго, по самому содержанію и складу своему, близость къ проповѣднику Моисеева закона и еврейства, признается, однако, изслѣдователями построеннымъ на шаткой почвѣ. Одни указываютъ, что *Жидята*, или по другому варіанту (встрѣчающемуся, впрочемъ, только *одинъ разъ* въ спискѣ „поученія" XVI в.)—*Жирята*, есть *имя*,—уменьшительное отъ обычнаго въ Новгородѣ имени *Жидиславъ*. [1]) Другіе находятъ, что суффиксъ *та* не означаетъ имени уменьшительнаго, а скорѣе всего имѣетъ связь съ отчествомъ и что самое имя Жидята стоитъ въ непосредственной связи съ весьма популярнымъ въ Новгородѣ именемъ Гюрги (=Георгій), производное отъ котораго Гюрята и перешло въ *Жирята* или *Жидята* [2])

Но если доводъ, заимствованный изъ прозвища еп. Луки и подлежитъ еще оспариванію, то за то остаются неопровергнутыми прочія, приведенныя покойнымъ проф. Малышевскимъ, соображенія, оправдывающія его гипотезу о еврейскомъ происхожденіи названаго архипастыря,—что косвенно подкрѣпляетъ и мои догадки о національности Никиты Затворника.

---

1) См. въ помѣщенной въ VI кн. „Чтеній въ Истор. О-вѣ Нестора Лѣтописца" статьѣ проф. *А. И. Соболевскаго*: „Археологическія замѣтки", замѣтку V, подъ рубрикою *Жидята*.

2) См. помѣщеную въ изданіи: „Памятники древне-русской церковно-учит. литературы" (вып. I, С. П. Б., 1894 г.) статью *И. Е. Евсѣева*. „Поученіе Луки Жидяты", стр. 18 и 19.

Замѣчу въ заключеніе, что послѣднее сказаніе Патерика представляетъ нѣкоторыя черты сходства съ еврейскою легендою, сохранившеюся въ четырехъ изводахъ, напечатанныхъ въ сборникѣ малыхъ *мидрашимъ* (легендарныхъ сказаній), изданномъ покойнымъ еврейскимъ проповѣдникомъ въ Вѣнѣ, д-ромъ Іелленикомъ, подъ заглавіемъ: „Beth ha-midrasch."

Сущность этой легенды заключается въ томъ, что жилъ—былъ старецъ по имени Шимонъ Кифа (или Кепа), прославившійся своими обширными познаніями и добродѣтелями. Христіанамъ завидно было, что такой доблестный мужъ остается евреемъ, и потому они всячески старались переманить его въ свою вѣру, но всѣ усилія ихъ подѣйствовать на него убѣжденіемъ оказались тщетными, такъ какъ никто не могъ съ нимъ состязаться въ религіозныхъ диспутахъ. Тогда христіане стали угрожать, что убьютъ какъ его, такъ и всѣхъ евреевъ. Для предотвращенія такой бѣды Симонъ, уступая слезнымъ мольбамъ самихъ же евреевъ, рѣшился принять крещеніе подъ условіемъ, однако, чтобы для него выстроена была на скалѣ особая башня, куда бы онъ могъ удалиться въ затворничество. Это требованіе онъ поставилъ съ умысломъ, чтобы не быть вынужденнымъ ѣсть запрещенную, пищу и исполнять христіанскіе обряды. Въ затворѣ Симонъ оставался до конца своей жизни, питаясь лишь хлѣбомъ и водою, творя молитвы Богу Авраама Исаака и Якова и сочиняя еврейскія литургическія славословія, которыя онъ посылалъ эксиларху (главѣ изгнанниковъ.). Приходившихъ же къ нему за совѣтами и благословеніями христіанъ онъ поучалъ, цитируя изреченія изъ христіанскихъ книгъ, что принудительное крещеніе евреевъ лишено внутренняго достоинства, что запрещено громить еврейскія синагоги и что не слѣдуетъ принимать въ лоно церкви малолѣтковъ, а взрослыхъ надлежитъ крестить не прежде, какъ по тщательномъ ихъ испытаніи въ теченіе 30 дней. Погребенъ былъ Симонъ въ означенной, построенной на скалѣ башнѣ существующей и понынѣ въ Римѣ, отчего онъ и названъ былъ *Петромъ*—камнемъ. [1])

Совсѣмъ иначе гласитъ другая, сравнительно позднѣйшая, версія той же легенды.

---

[1]) „Бетъ га-мидрашъ", изданіе Іелленика вып. V, стр. 60—61, и VI, стр. 155—156.

У представителя Мойнцской еврейской общины, Шимана Великаго, истопница, христіанка, тайно похитила его малолѣтняго сына, съ которымъ и скрылась. Много лѣтъ спустя Римскій папа воздвигнулъ на евреевъ жестокія гоненія. Еврейскія общины рѣшили тогда отправить изъ своей среды депутацію къ папѣ съ просьбою помилосердствовать и облегчить ихъ участь. Главою депутаціи избранъ былъ Шимонъ. На аудіенціи у папы послѣдній, узнавъ въ Шимонѣ своего роднаго отца, велѣлъ всѣмъ присутствующимъ удалиться, сказавъ, что онъ предварительно желаетъ съиграть съ Шимономъ шахматную партію. По окончаніи же игры папа бросился Шимону на шею, призналъ себя его сыномъ и со слезами изъявилъ готовность возвратиться въ отцовскую вѣру, что имъ на самомъ дѣлѣ и было исполнено. По мнѣнію д-ра Іеллинека, историческою подкладкою этого сказанія послужило дѣйствительное событіе: Петръ изъ семейства Pierleoni, правнукъ крещеннаго еврея, избранъ былъ въ 1130 г. римскимъ папою и принялъ имя Анаклета II-го. [1])

Г. Барацъ.

---

[1]) Указан. сборникъ, вып. V, стр. 155—164.

Памяти И. Я. Рудченка.[1])

Очеркъ.

Двадцать-второго сентября проводили мы въ могилу Ивана Яковлевича Рудченка.

Подъ балдахиномъ погребальной колесницы виднѣлась на крышкѣ гроба форменная треуголка и шпага. У могилы, — на кладбищѣ Александро-Невской лавры, — была произнесена рѣчь, въ которой говорилось о заслугахъ покойнаго на чиновничьемъ поприщѣ, о его неутомимой рабочей энергіи и горячей активности, о выдающихся дарованіяхъ, быстро поднявшихъ его изъ скромныхъ условій незамѣтной трудовой жизни вверхъ, по ступенямъ бюрократической лѣстницы, до виднаго отвѣтственнаго поста. За группою родныхъ у могилы стояли въ большомъ числѣ сослуживцы умершаго. Въ тускломъ полусвѣтѣ сѣраго, теплаго осенняго дня тутъ и тамъ поблескивалъ золотомъ вышитый воротникъ мундира, краснѣла лента изъ-подъ распахнувшагося пальто, покачивался орденъ на шеѣ внимательно наклонивша-

---

[1]) *Иванъ Яковлевичъ Рудченко,* извѣстный въ украинской этнографіи цѣнными собраніями сказокъ и пѣсенъ, а въ украинской беллетристикѣ нѣсколькими прекрасными повѣстями, скончался въ Петербургѣ 25 сентября 1905 года. Въ свое время мы не могли дать поминки о немъ, т. к. не имѣли всѣхъ біографическихъ справокъ, а также и всѣхъ данныхъ, касающихся его работъ по нѣкоторымъ вопросамъ, относящимся къ нашему краю. Предполагая въ недалекомъ будущемъ познакомить нашихъ читателей съ этой стороной дѣятельности покойнаго И. Я. Рудченка, мы теперь помѣщаемъ пока настоящую статью, знакомящую насъ съ той его литературной работой, которая при жизни его не была предаваема гласности, а именно — съ его стихотворствомъ. *Ред.*

гося впередъ слушателя... Хоронили чиновника, тайнаго совѣтника, члена совѣта министра финансовъ.

И рѣшительно ничто не говорило, и никто не говорилъ, никто какъ-будто и не думалъ о томъ, что хоронятъ незауряднаго писателя, хоронятъ — поэта.

Не говорилось о дѣятельности И. Я. въ этой области творчества и въ некрологѣ, въ общемъ тепло и содержательно написанномъ, который посвятила покойному петербургская газета „Слово". Авторъ некролога уже не ограничился характеристикой чиновничьей дѣятельности Рудченка. Онъ напоминалъ о его заслугахъ, какъ малорусскаго этнографа, о той заслуженной высокой оцѣнкѣ, которую получили въ свое время его труды въ этомъ направленіи—„Народныя южно-русскія сказки" (Кіевъ 1874) и „Чумацкія народныя пѣсни". Въ некрологѣ упомянуто объ относящихся къ той же области статьяхъ покойнаго въ „Вѣстникѣ Европы" и въ южно-русскихъ повременныхъ изданіяхъ. О поэтическихъ и вообще беллетристическихъ произведеніяхъ не было упоминанія.

Между тѣмъ И. Я. Рудченко былъ выдающимся писателемъ-беллетристомъ, даровитымъ поэтомъ; быть можетъ, поэтическое творчество являлось именно тою сферою, для которой въ его натурѣ имѣлись наиболѣе яркіе и богатые задатки. Малое знакомство читающей публики съ его поэзіей обусловливалось двумя обстоятельствами: малорусскимъ языкомъ ея, наложившимъ неизбѣжное ограниченіе на ея распространеніе, и тѣмъ, что едва-ли не большинство его произведеній осталось неизданнымъ. Во всякомъ случаѣ малорусскому читателю знакомы — хотя-бы по рукописямъ — многіе стихотворныя и прозаическія произведенія И. Я. Рудченка („Івана Білика"). Надъ послѣдними онъ работалъ обыкновенно совмѣстно съ другимъ малорусскимъ писателемъ — Панасомъ Мирнымъ. Въ 1903 г. вышла въ печать одна изъ лучшихъ повѣстей, принадлежащихъ перу обоихъ — „Пропаща сила", написанная значительно ранѣе подъ заглавіемъ „Хиба ревуть воли, якъ ясла повні?", а другая повѣсть „За водою" по независящимъ отъ авторовъ обстоятельствамъ по настоящее время не могла появиться въ свѣтъ.

Несомнѣнно, центръ тяжести литературнаго творчества И. Я. лежалъ въ поэзіи. Памяти его, какъ *поэта*, я и хочу посвятить нѣсколько словъ, по возможности предоставляя ему говорить самому — словами своихъ пѣсенъ. [1])

[1]) Неизданныя стихотворенія И. Я. Рудченка, которыми я пользуюсь въ настоящемъ очеркѣ, частью имѣлись у меня и въ семьѣ моихъ родителей, бывшихъ

И. Я. Рудченко былъ по преимуществу лирикъ. Уже въ раннихъ произведеніяхъ намѣтились и до конца не покидали его два основные мотива творчества: съ одной стороны — любовь къ родной Украинѣ, съ другой — лирика въ тѣсномъ смыслѣ слова: поэзія любящаго и страдающаго сердца.

Патріотическій мотивъ въ его пѣсняхъ носитъ по необходимости скорбный характеръ. Въ нихъ та-же печаль, которою дышатъ народныя украинскія думы, которая навѣяна всею предъидущею исторіею Малороссіи...

Ой, мій сум, любо, немає краю;
Немає втіхи для його:
Не марні сльози з очей роняю —
То слово серденька мого.

То воно, рідне, плаче, голосить,
Правди у Господа просить;—
Бо на Вкраїну мою кохану
Вітер її не доносить...

Въ этихъ строфахъ изъ сравнительно поздняго стихотворенія звучитъ отголосокъ давней скорби поэта за свой край.

Гей, в кого серце не з криги-льодини,
Відгукнися на голос моеї Вкраїни,
Обізвися щиро—не словом, душою...

Поэтъ далекъ отъ односторонней идеализаціи сошедшихъ съ исторической сцены формъ „украинства“, отъ дешевыхъ утопій искусственнаго возрожденія исторически отжившихъ явленій. Свое отношеніе къ подобнымъ взглядамъ онъ самъ характеризуетъ въ стихотвореніи „Мое бажання“

. . . . . .
...Я України долю бачу
Не в бунчуках, не в булаві,
Не в скарбах, схованих у скрині,

издавна близко знакомыми съ покойнымъ, частью-же предоставлены въ мое распоряженіе для даннаго случая его наслѣдникомъ.

Не у гетманьскій голові,
Не в гайдамацькій різанині.

. . . . . .

Я марних сльоз не проливаю.
Усіх Славьян в одній сімьі
Побачить хочетьця мині...
Я ось чого молю, бажаю!

Единая культурная семья славянъ, въ которой не подавлялось-бы ни съ чьей стороны духовное самосознаніе отдѣльныхъ національностей — сколько умовъ и сердецъ вдохновлялъ уже этотъ идеалъ, прекрасный и безнадежно далекій отъ осуществленія въ реальной жизни славянства! На каждомъ шагу сталкивался поэтъ съ отрицаніемъ этого идеала.

Ярко обнаруживающаяся въ послѣднее время ненормальность всѣхъ рѣшительно условій общественнаго быта Россіи создала совершенно неестественный антагонизмъ даже между потребностями отдѣльныхъ ея частей и установившимися формами существованія цѣлаго. Украинскіе дѣятели, стремящіеся проводить свои идеалы въ активномъ служеніи родинѣ, оказываются вслѣдствіе этого въ противорѣчивомъ и тяжеломъ положеніи, которое Рудченко (въ томъ-же стихотвореніи „Мої сльози“) рѣзко характеризуетъ сильными словами:

Для рідних—проклятиї діти,
І недовірки—для чужих!

Это горькая правда, и ея одной довольно, что-бы наложить печать грусти на созданія пѣвцовъ Украйны.

Тихій минорный тонъ, общій до извѣстной степени всей малорусской поэзіи, звучитъ и въ сердечной лирикѣ И. Я.; но у него этотъ тонъ не переходитъ въ банальную слезливость дюжинныхъ стихотворцевъ. Въ его пѣсняхъ говоритъ искреннее, непосредственное чувство, чуждое шаблона и риторики.

Один, як палець; в хаті тихо;
Ніхто, нігде не шелестить.
Заворушилось тільки лихо,
Забилось серце и щемить...

Этими поэтическими строками начинается стихотвореніе „Самотою в ночи“, одно изъ тѣхъ, гдѣ элегическое настроеніе прорывается съ наибольшею силою. Но далеко не во всѣхъ остальныхъ господствуетъ это настроеніе. Многія полны бодрости и радостной жажды жизни.

...Віра в душі оживає,
Що є іще доля на світи!

—говоритъ поэтъ въ одномъ изъ нихъ. („Весняні гадки.“)

Такою-же жаждою жизни, такою-же пробивающеюся въ самой грусти надеждой на счастье — исполнено стихотвореніе, котораго не могу не привести цѣликомъ:

Як нишкэм погляну в любі твоі очі.—
В щасливе те море без краю,—
Дивлюся, любуюсь... А серце шепоче:
„Кохаю, кохаю!“

—

Як часомъ приснишся мені опівночі —
Схоплюся я з ліжка—та й знову лягаю;
Подушку цілую... а серце шепоче:
„Кохаю, кохаю!“

—

Як ти заговориш—одмовити хочу;
А що за одмова,?—і сам я не знаю...
Слова замірають, а серце шепоче:
„Кохаю, кохаю!“

—

Куди не піду я, куди я не гляну,
Де обернуся, і що не згадаю —
Ти скрізь біля мене... і я промовляю:
„Кохаю, кохаю!“

—

Приведенные стихи отличаются, между прочимъ, незаурядною гибкостью формы, свободной и нѣжной мягкостью, достигаемой полной гармоніей между этой формой и содержаніемъ. Такая же гармонія и такая же музыкальная красота бросается въ глаза въ стихотвореніи „По весні“, кончающемся слѣдующими мелодичными строфами:

Що гадала тоді?
Об якому житті—
Чи об долі щасливій гадала?...
По очицях твоіх,
Як по зорях ясних —
Рідна-б мати того не пізнала!

—

То зелена весна —
Чарівниця красна —
Своім чаромъ тебе напувала;
Запалила огні
У душі самотній —
А на віщо?.. сама б не сказала!..

—

Если печальныя ноты часто звучатъ и въ произведеніяхъ молодыхъ лѣтъ И. Я., произведеніяхъ, гдѣ судьбы родины, безрадостное существованіе сѣрой крестьянской массы, народныя бѣдствія — постоянно будятъ скорбные отголоски, то съ годами тѣни сгущаются, элегическій тонъ начинаетъ замѣтно преобладать. Житейскія заботы, проза будничнаго существованія душили поэтическое творчество; поэту трудно было уживаться съ чиновникомъ, и, оттѣсненный на задній планъ, онъ падалъ духомъ и жаловался.

Въ 1897-мъ году И. Я. прислалъ мнѣ — тогда еще весьма юному литератору — полушутливое, полуэлегическое стихотвореніе на великорусскомъ языкѣ по поводу подаренной ему кѣмъ-то новой почтовой бумаги. —

... Холодная, какъ гробъ суровый,
На откликъ сердца и страстей —
Она услышитъ голосъ новый
Разсудка, памяти моей...

„Благословляю твои руки на лучшіе стихи“, писалъ мнѣ тогда И. Я., жалуясь на отсутствіе вдохновенія и охоты къ стихотворству. Но вдохновеніе не разъ еще возвращалось къ нему. Въ томъ же 1897 году мною получено было слѣдующее, посвященное мнѣ, стихотвореніе, не уступающее по искренности и мелодичности произведеніямъ прежнихъ лѣтъ. —

Вітри, негода та недоля
Помчали з рідного нас поля,
Та на чужину й занесли...

І стали ми своїм — чужиї,
Чужим — не рідниї... А злиі
Літа всю силу розтрясли.

Затих, зникчемнів зичний голос,
Полізло срібло в кудрі, в волос,
Замовкли радісні пісні;
Порвались струни на бандурі
І ми — як тріска середь бурі
На березі — одним одні!..

Реве сердите людське море:
Йому байдуже наше горе,
І наша радість, і печаль.
Аж ось — почувся голос стиха:
„Товаришу! не треба лиха!..
Журьби не треба!..“ — Тобі жаль.

Мене зробилося старого...
І ну втішать, немовъ малого,
Що, може, й вернетця весна,
Прогляне сонечко з за хмари,
Загоїть в серці тугу й рани...
Голубоньку! то все — мана!..

Говоря о поэтическихъ произведеніяхъ И. Я., нельзя не указать на его заслуги, какъ переводчика. Онѣ заслуживаютъ упоминанія въ особенности потому, что посредственными и подчасъ прямо плохими переводчиками сплошь и рядомъ оказываются поэты, вообще говоря, талантливые. Рудченко переводилъ не особенно много—преимущественно, лирику Гейне и Мицкевича,—но большинство его переводовъ отличается высокими достоинствами: свобода и красота стиха соединяется въ нихъ съ большою близостью не только къ духу, но и къ формѣ подлинника. Образцомъ истинно прекраснаго перевода можетъ служить приводимый здѣсь переводъ двухъ извѣстныхъ стихотвореній Гейне („An deine schneeweisse Schulter“ и, связное съ первымъ по смыслу, „Es blasen die blauen Husaren“).

I.

На груди твої, моя любо,
Приник головою я тихо;

І з того, як билося сердце,
Довідався, що там за лихо.

До нас уступають гусари...
Ти чуєш, як музыка гра?
А завтра, голубонько сиза,
Тобі мене й зрадить пора!

Нехай мене завтра покинеш;
За те-ж ти сьогодня моя ..
З тобою обнявшись, хотів-би
Удвое щастливим буть я!

II.

Од нас виступають гусари...
Он, чутно: музика гуде...
І знову до тебе з привітом
Мене мое сердце веде,

Було тут лихе господарьство:
Гармидер, гульня, перепой...
І в серці у тебе, мій друже,
Був дуже великий постой!

Всякій, знакомый съ подлинникомъ, не можетъ не согласиться, что лучшаго перевода этихъ стихотвореній нѣтъ ни на малорусскомъ, ни на великорусскомъ языкѣ; несмотря на то, что переводились они неоднократно. Одного этого перевода было-бы достаточно, что-бы признать въ авторѣ его истинный поэтическій даръ. Такъ глубоко вдуматься и вжится въ настроеніе, въ чувства поэта—можетъ только поэтъ.

И. Я. Рудченко былъ, повторяю еще разъ, настоящимъ поэтомъ. Поэтическихъ произведеній отъ него осталось немного; среди нихъ—наряду съ приведенными удачными образцами его творчества—встрѣчаются и несомнѣнно слабыя, въ особенности въ техническомъ отношеніи, стихи...—И все-таки во всѣхъ нихъ горитъ и свѣтитъ божественная искра, печать таланта.

Если-бы этотъ талантъ попалъ въ благопріятныя условія развитія, если-бъ онъ могъ свободно отдавать свои силы той области, куда влекло его,—искра разрослась-бы въ яркій свѣточъ, быть можетъ, въ одинъ изъ тѣхъ, которые надолго зажи-

гаютъ лучи въ душахъ людей. Этихъ условій не было. Покойный писалъ стихи урывками, въ немногія минуты досуга, оставляемыя ему службою...

Авторъ некролога въ „Словѣ“ говоритъ о томъ, что люди, подобные И. Я., „являются рѣдкими гостями въ чиновной средѣ“. Это счастье для такихъ людей! Потому что чиновная среда губитъ ихъ. Отживающія свой вѣкъ аномаліи русскаго общественнаго порядка создали для общественной дѣятельности условія, убивающія духъ и гасящія божественную искру. Нужно только удивляться тому, съ какою жизненностью держалась эта искра въ душѣ покойнаго; нужно удивляться тому, что поэтъ-Рудченко не умеръ уже давно, гораздо раньше тайнаго совѣтника Рудченка.

Онъ училъ и творилъ до конца. И то немногое, что имъ создано, хотя несомнѣнно является лишь малою частью того, что онъ могъ-бы создать,—все-же имѣетъ свою неотъемлемую цѣнность, и право на мѣсто въ родной литературѣ.

С. Свириденко.

Изъ жизни учебныхъ заведеній Юго-западнаго края въ 1840-хъ годахъ.

Педагогическая служба никогда у насъ не была легкой и привлекательной, но въ эпоху реакціи 1840—50-хъ гг., когда надъ всей русской школой тяготѣло мрачное, ничѣмъ не вызванное подозрѣніе, когда она, какъ завѣдомо неблагонадежное учрежденіе, была окружена ревнивымъ надзоромъ, готовымъ въ каждой мелочи видѣть проявленіе „вольнодумныхъ мыслей“,—въ эту ужасную годину положеніе воспитателей россійскаго юношества сплошь и рядомъ оказывалось прямо невыносимымъ. Современная театральная публика, добродушно хохочущая, слушая Гоголевскаго „Ревизора“, не въ состояніи и вообразить, какой глубоко трагическій смыслъ заключается, напримѣръ, въ извѣстной жалобѣ смотрителя училищъ Луки Лукича Хлопова: „Не приведи Богъ служить по ученой части! Всего боишься: всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ“. Простодушный и недалекій смотритель уѣзднаго училища не понималъ, кажется, одного, что въ этомъ всеобщемъ вмѣшательствѣ въ дѣла школы было не одно тщеславное желаніе показать себя умнымъ человѣкомъ, а нѣчто большее — система ревниваго надзора надъ школой. Самъ же онъ дальше припоминаетъ, что во время посѣщенія училища предводителемъ дворянства оторопѣвшій со страха учитель „скроилъ рожу“ и хотя „сдѣлалъ это отъ добраго сердца“ — а смотрителю выговоръ: „зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству.“ И благо, если подобный инцидентъ оканчивался только выговоромъ. Не диво, что тогдашніе педагоги, забитые, запуганные, вѣчно дрожащіе за свой жалкій кусокъ хлѣба и всегда безъ вины винова-

тые, нравственно опускались, тупѣли, теряли человѣческій образъ и пріобрѣтали смѣшныя, уродливыя странности, казавшіяся современникамъ „натурально неразлучными съ ученымъ званіемъ".

Такъ было тогда въ цѣлой Россіи, но едва ли не горше еще было въ нашемъ краѣ вслѣдствіе исключительныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, безъ мѣры отягощавшихъ положеніе дѣятелей на поприщѣ просвѣщенія.

Едва было усмирено польское возстаніе 1830—31 гг., какъ въ то же время послѣдовало высочайшее повелѣніе о закрытіи училищъ въ кіевской, подольской и волынской губ., и въ теченіе 1831—32 г. здѣсь было закрыто 245 среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а оставшіяся 19 должны были подвергнуться преобразованію по уставу 1828 г.; тогда же былъ учрежденъ отдѣльный кіевскій учебный округъ для губерній Юго-западнаго края (съ присоединеніемъ черниговской). Новая система народнаго просвѣщенія, основанная на тройственномъ началѣ православія, самодержавія и русской народности, должна была стереть слѣды вліянія прежней школьной системы, умѣло организованной здѣсь извѣстнымъ Ѳ. Чацкимъ и всецѣло направленной къ полонизаціи края. Теперь въ дѣлѣ воспитанія и обученія съ корнемъ вырывались здѣсь старыя преданія, изъ школы изгонялся польскій духъ и ей вмѣнялось въ обязанность перевоспитать молодыя поколѣнія мѣстнаго польскаго дворянства, погасить въ нихъ старыя національныя антипатіи и слить двѣ національности въ одну общую. Но возлагая на школу столь непосильную и отвѣтственную задачу, правительство въ то же время подчиняло ее надзору не только со стороны учебнаго и административнаго начальства, но и со стороны мѣстнаго дворянства въ лицѣ его предводителей и почетныхъ попечителей, какъ-бы игнорируя тотъ фактъ, что эти почетныя должности повсемѣстно въ краѣ находились въ рукахъ поляковъ. И это допускалось не потому лишь, что такъ значилось въ уставѣ 1828 г., отводившемъ дворянству вліятельную роль въ школьномъ дѣлѣ; нѣтъ, это являлось логическимъ послѣдствіемъ основныхъ принциповъ государственной политики Николаевскаго режима, одинаково ревностно заботившагося объ укрѣпленіи русскаго начала въ западныхъ губерніяхъ и о неприкосновенности здѣсь крѣпостного права, а слѣдовательно и о должномъ престижѣ мѣстнаго дворянства, являвшагося въ глазахъ правительства и въ этомъ краѣ, какъ и въ коренной Россіи, главною опорою престола, „даровыми полицеймейстерами". Легко представить, каково было при этомъ положеніе воспитате-

лей юношества, обязанныхъ съ одной стороны „угашать питаемыя въ дѣтяхъ съ самаго нѣжнаго ихъ возраста чувствованія фанатизма и ложнаго патріотизма и насаждать начала русской народности", а съ другой—опасавшихся чѣмъ-нибудь не угодить вельможнымъ мошродзѣямъ!

Со времени назначенія кіевскимъ генералъ губернаторомъ знаменитаго Бибикова положеніе воспитателей въ Юго-зап. краѣ сдѣлалось еще болѣе труднымъ и опаснымъ. Какъ извѣстно, первымъ его подвигомъ на новомъ мѣстѣ былъ разгромъ высшей школы, незадолго предъ тѣмъ основанной въ Кіевѣ. Прибывъ сюда въ началѣ 1838 г., онъ засталъ здѣсь особую слѣдственную комиссію, занятую разслѣдованіемъ корней и нитей опаснаго политическаго заговора, гнѣздившагося въ Литвѣ (дѣло Конарскаго) и опутавшаго якобы весь Югозападный край. Подъ руководствомъ и энергичнымъ побужденіемъ Бибикова, эта комиссія съ небывалымъ усердіемъ повела дѣло и скоро обнаружила, что „почти въ каждомъ уѣздѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ, въ учебныхъ заведеніяхъ даже женскихъ (наприм. въ Бердичевѣ) находились тайныя общества, управляемыя эмиссарами парижскаго демократическаго польскаго общества, снабженныя отъ него инструкціями, какъ начать и вести дѣло возстанія"; [1]) такое же тайное общество обнаружено было и въ самомъ Кіевѣ, главнымъ образомъ между студентами. Аресты слѣдовали за арестами. Университетъ былъ временно закрытъ, 191 студентъ подверглись ссылкѣ или отданы въ солдаты, содержатель благороднаго пансіона въ Кіевѣ Боровскій, докторъ Бопре и помѣщикъ Михальскій отправлены были на каторгу, профессора—поляки отрѣшены отъ службы или переведены въ другіе университеты и т. под. Совершивъ этотъ безпримѣрный разгромъ, Бибиковъ съ тѣхъ поръ относился къ школѣ съ особенною подозрительностью и по самому ничтожному поводу готовъ былъ принимать противъ нея всевозможныя репрессіи. Не довольствуясь существовавшими до него мѣрами надзора за учебными заведеніями, онъ подвергъ ихъ новому унизительному, чисто полицейскому надзору: въ 1839 г. онъ формально предписалъ всѣмъ городничимъ, полицмейстерамъ, исправникамъ и др. полицейскимъ чинамъ имѣть „неослабное наблюденіе за учащими и учащимися" и обо всемъ ими замѣченномъ непосредственно доносить ему, минуя учебное окружное начальство.

---

[1]) В. Шульгинъ, „Югозап. край въ 1838—63 гг.", стр. 35.

Благодаря этому, Бибикову всегда было извѣстно все, что дѣлалось въ школьномъ мірѣ, и онъ задолго до формальнаго подчиненія ему кіевскаго учебнаго округа фактически управлялъ имъ. Тогдашній попечитель князь С. И. Давыдовъ нерѣдко получалъ отъ него конфиденціальныя сообщенія въ родѣ слѣдующаго: „Изъ послѣдне полученныхъ мною свѣдѣній о состояніи каменецъ-подольской гимназіи неизлишнимъ считаю сообщить вашему сіятельству нѣкоторыя, могущія быть необходимыми для вашихъ соображеній: 1) Гимназисты уходятъ изъ квартиръ безъ билетовъ, кому куда вздумается; субординаціи у нихъ нѣтъ, такъ что смотрителя жалуются на данную начальствомъ волю ученикамъ. 2) Въ день именинъ ученика Скордели, помѣщика Бессарабской области, 23 апр. (1840), въ праздникъ св. Георгія, и слѣдующаго 24 числа, директоръ Вощининъ и учители Морачевскій [1]) и Чайковскій были въ отлучкѣ, и уроки не преподавались. 3) 1-го мая уроки не были спрошены и вновь заданы по случаю выѣзда брата директора Вощинина, 8-го мая также по случаю праздника св. Станислава; и 4) Ученикъ 3-го класса Конст. Лукашевичъ сдѣлалъ воровство, былъ допрашиваемъ въ полиціи, уличенъ—и изъ гимназіи не исключенъ и не наказанъ“.—Результатомъ этого сообщенія была посылка въ Каменецъ инспектора казенныхъ училищъ М. В. Юзефовича для производства дознанія, о результатахъ котораго Юзефовичъ рапортовалъ непосредственно генералъ-губернатору. По собраннымъ имъ „изъ-подъ руки, на мѣстѣ“, свѣдѣніямъ оказалось, что хотя директоръ Вощининъ съ учителями Морачевскимъ и Чайковскимъ точно отлучались 23 апр. къ помѣщику Скордели, откуда возвратились 24 апр., но отъ этого не произошло никакихъ упущеній по службѣ, такъ какъ въ тѣ дни означенные учителя не имѣли уроковъ. 1 мая ученики дѣйствительно были освобождены отъ послѣ-обѣденныхъ занятій и отправлялись въ рощу для прогулки, но это сдѣлано было по давно заведенному обыкновенію, а 8 мая не было занятій по случаю р. кат. праздника.

Бибиковъ удовлетворился этимъ объясненіемъ, но за то обрушился на ксендзовъ-законоучителей, о поведеніи коихъ, или точнѣе объ ихъ образѣ мыслей инспекторъ казенныхъ училищъ секретно доносилъ слѣдующее: „1) Въ Каменецъ-под. гимназіи законоучителемъ состоитъ ксендзъ Ив. Остаповичъ, молодой че-

---

1) Впослѣдствіи извѣстный переводчикъ евангелія на украинскій языкъ.

ловѣкъ, съ небольшимъ 20 лѣтъ. Ненадеженъ какъ по возрасту, такъ и по замѣченнымъ связямъ съ польскою молодежью. На экзаменѣ отказался говорить порусски, отговариваясь незнаніемъ языка, а послѣ экзамена разговаривалъ съ инспекторомъ училищъ порусски. Удаляется совершенно общества русскихъ. 2) Въ Меджибожскомъ уѣздномъ училищѣ законоучителемъ ксендзъ Карлъ Пильховскій, 22-хъ лѣтъ отъ роду. Своеволенъ, грубъ, явно презрителенъ ко всѣмъ русскимъ учителямъ и къ самому штатному смотрителю; служитъ почти всякій день мшу, на которую бралъ, вопреки строгому запрещенію, учениковъ изъ классовъ, а потомъ самоуправно освобождалъ ихъ отъ сдѣланнаго имъ за то наказанія, говоря, что нельзя запрещать молиться Богу. Не хотѣлъ однажды впустить смотрителя въ костелъ во время службы. При свиданіи съ инспекторомъ отвѣчалъ ему тономъ рѣзкимъ до дерзости. Для замѣщенія его есть ксендзъ Яворскій, находящійся въ давней дружеской связи съ нашимъ законоучителемъ того же училища, протоіереемъ Гогоцкимъ, который ручается за его благонадежность. 3) Въ Ровенской гимназіи, при испытаніи 7-го класса, инспекторъ училищъ замѣтилъ, что такъ называемый Царскій катехизисъ можетъ быть умышленно утрированъ ксендзами преподавателями до вреднаго преувеличенія. Въ вышеозначенной гимназіи, на вопросъ: почему должно любить государя? былъ отвѣтъ: потому что онъ земной Богъ“.— По распоряженію Бибикова, всѣ означенные ксендзы были удалены отъ законоучительства безъ дальнѣйшаго разслѣдованія, а попечителю округа было лишь предоставлено назначить на ихъ мѣста другихъ лицъ.

Бывало и такъ, что самъ попечитель откровенно сознавался, что у него нѣтъ данныхъ для сужденія о нравственныхъ или служебныхъ качествахъ извѣстнаго должностного лица, и почтительно просилъ генералъ-губернатора подѣлиться съ нимъ такими свѣдѣніями, если они имѣются. Въ январѣ 1840 г. кн. Давыдовъ писалъ Бибикову: „Г. министръ нар. просвѣщенія, получивъ безыменное письмо съ жалобою, что и. д. директора Ровенской гимназіи Фавицкій, пристрастившись нынѣ къ горячимъ напиткамъ, является въ неприличномъ видѣ въ классы и строго наказываетъ учениковъ, предложилъ мнѣ представить ему надлежащія по сему предмету свѣдѣнія. Не находя въ дѣлахъ канцеляріи округа никакихъ свѣдѣній, которыя подтверждали бы или объясняли полученный г. министромъ доносъ, я имѣю честь покорнѣйше просить ваше пр-ство почтить меня увѣдомленіемъ,

не имѣется ли подобныхъ свѣдѣній о г. Фавицкомъ въ дѣлахъ собственно вашего управленія".—На это Бибиковъ отвѣтилъ попечителю такъ: „Поспѣшаю сообщить о дошедшемъ до меня свѣдѣніи, что 21 октября минувшаго (1839) года директоръ Ровенской гимназіи Фавицкій наказалъ болѣе 100 учениковъ за лѣность розгами. Кромѣ этого, мнѣ ничего болѣе неизвѣстно о Фавицкомъ со стороны его поведенія".

Конечно, излишняя строгость директора по отношенію къ ученикамъ въ то время едвали могла уронить его въ глазахъ начальства; но то обстоятельство, что на Фавицкаго поступали доносы въ министерство, обличавшіе его не въ одной жестокости, но и въ пристрастіи къ горячимъ напиткамъ, должно было сдѣлать его особу и управляемую имъ гимназію предметомъ усиленнаго надзора со стороны всѣхъ вѣдомствъ, наблюдавшихъ въ то время за учебными заведеніями.

Самое большее усердіе въ этомъ дѣлѣ проявила мѣстная полиція. Въ ноябрѣ того же 1840 г. частный приставъ Занкевичъ, исправлявшій въ то время должность ровенскаго городничаго, доносилъ генералъ-губернатору слѣдующее: „Изъ предписанія вашего высопр-ства отъ 18 сент. прошлаго 1839 г., за № 2778 послѣдовавшаго, имѣлъ я сщастіе [1]) замѣтить, что благоугодно было вашему высоко-пр-ству поручить имѣть секретное наблюденіе какъ въ отношеніи воспитанія, направленія и оповеденія (sic) ученниковъ, такъ и за самими учителями и надзирательми Ровенской гимназіи, и о всемъ и малѣйшемъ замѣчаніи доносить вашему в. пр-ству. Въ слѣдствіе чего пріемлю смѣлость донести: 1) что директоръ сей гимназіи 6-го класса Фавицкій хотя имѣетъ неослабное смотреніе за учителями и ученниками, однако отлучками своими иногда таковое ослабѣваетъ, каковые отлучки его были мною замѣчены: первая съ 19 октября по 22 число того мѣсяца выѣздомъ изъ г. Ровна въ м. Александрію съ нѣкоторыми учителями на охоту, а равно съ 1 сего ноября и до отправки сего донесенія (2 ноября) не возвратился; 2) Въ праздничные и воскресные дни учители, собравшись въ соборную церковь, во время самой литургіи безпрестанно занимаются одинъ съ другимъ наушнымъ разговоромъ и подаютъ худой примѣръ ученникамъ, за что и имѣетъ неудовольствіе протоіерей Лотоцкій. 3) Первое отдѣленіе ученической квартири той гимназіи хотя по-

[1]) Сохраняемъ правописаніе и стиль подлинника.

мѣщается въ весьма близкомъ разстояніи отъ гимназіи, въ домѣ дворянина Рилька, но какъ сей домъ только сего года конченъ, имѣетъ еще въ себѣ сырость, можетъ въ послѣдствіи времени и особливо зимой вредъ на здоровьи ученниковъ учинить. 4) Хозяинъ сего дома Рильке, продовольствуя всѣхъ помѣщающихся въ его домѣ ученниковъ, на сихъ дняхъ къ завтрику подалъ разваренный въ пивѣ гнилой сиръ (сыръ), и ученники, не могши употребыть его въ пищу, отправили было на усмотрѣніе директору, но хозяинъ успѣлъ сіе перехватить и переменылъ на лутшій; за обозрѣніемъ директора, признано сіе кушанье полезнымъ, и нынѣ заставленно ученниковъ употреблять тотъ же гнилой сиръ на завтрикъ съ сухимъ хлѣбомъ, изъ чего между ученниками происходитъ ропотъ; и 5) учитель Славутиньскій, имѣя издавна склонность къ картожной игрѣ, прошлаго октября мѣсяца послѣднихъ чиселъ пригласилъ на свою квартиру учителей Нагулу, Каменьского и Неугодова. При занятіи ихъ картожною игрою завели между собою ссору, изъ чего Славутиньскій съ Нагулою подрались съ признаками, и хотя сіе стараются скрить, однакъ учинилось то чрезъ сутки гласнымъ какъ между ученниками, такъ и чиновниками г. Ровна".

Вслѣдъ за полиціей выступилъ представитель дворянства. 9-го того же ноября волынскій губернаторъ Лашкаревъ сообщилъ Бибикову копію съ письма къ нему ровенскаго уѣзднаго предводителя дворянства Омѣцинскаго слѣдующаго содержанія:[1]) „Къ тому что, по случаю весьма тѣснаго помѣщенія учениковъ Ровенской гимназіи въ сыромъ домѣ двор. Рильке, ибо еще въ августѣ мѣсяцѣ оканчиваемомъ внутренною штукатуркою стѣнъ, отъ сырости для неосушиванія отапливаніемъ пѣчей въ тѣплые дни и для неочищенія воздуха посредствомъ душниковъ въ окнахъ, многіе ученики подвергаются отъ того болѣзнямъ, а не менѣе и отъ неотопливанія до сего времяни класныхъ залъ; больные же помѣщаются не въ особой больницѣ, но гораздо невыгоднѣе здоровыхъ: внизу того жъ дома, въ сутеринахъ, въ коихъ сырость, неотсвѣживаніе воздуха и самое безпокойствіе отъ квартирующихъ наверху учениковъ весьма для больныхъ вредны, и самое сообщеніе учениковъ съ больными, особенно на прилипчивые горячки, опасно для здоровыхъ. И о каковыхъ неудобствахъ хотя представляемо было гимназическимъ лѣкаремъ г. пра-

[1]) Сохраняемъ стиль и правописаніе подлинника.

вящему должность директора Ровенской гимназіи Фавицкому, но онъ до сихъ поръ не принялъ никакихъ мѣръ къ требованному отъ него исправленію таковаго неустройства и не обратилъ на то никакого вниманія. Произшедшая недавно между двумя учителями Славутинскимъ и Нагулою (кажется, при картежной игрѣ) драка соблазнительна для юношества и неприличная учительскому званію, навлекающая на гимназическое начальство невыгодное мнѣніе публики и могущая устранять родителей отъ воспитыванія въ сей гимназіи дѣтей своихъ, заставляютъ меня, по полученіи о томъ извѣстія отъ дворянъ сего уѣзда, на основаніи словеснаго порученія вашего пр-ства, мнѣ даннаго, довести о томъ до свѣдѣнія вашего пр-ства и всепокорнѣше просить о учиненіи начальничего своего съ кѣмъ слѣдуетъ сношенія на счетъ прекращенія сего зла, съ поводу коего могущее случиться уменьшеніе числа учениковъ въ здѣшней гимназіи, ощущаемое уже и теперь, съ начала наступающаго училищнаго года, правительство можетъ считать причиною учрежденія закрытыхъ заведеній по Высочайшей волѣ, которой дворянство повынуются, а по точности должно быть отнесено на счетъ малой заботливости начальника гимназіи г. Фавицкаго въ приведеніи въ надлежащее устройство сихъ заведеній и въ ближайшемъ наблюденіи за приличнѣйшимъ поведеніемъ нѣкоторыхъ изъ гг. учителей".

Какъ видимъ, маршалокъ Омѣцинскій, какъ и подобало представителю первенствующаго въ имперіи сословія, пустыя обстоятельства сумѣлъ возвести на степень важнаго государственнаго дѣла и при этомъ пустилъ въ ходъ хитрую дипломатическую диверсію. Дѣло въ томъ, что правительство, въ видахъ болѣе строгаго надзора за жизнью и поведеніемъ учащихся, незадолго предъ тѣмъ воспретило имъ проживать на частныхъ квартирахъ и велѣло при всѣхъ гимназіяхъ устроить родъ интернатовъ, содержателями коихъ должны быть лица благонадежныя и начальствомъ одобренныя. Мѣра эта впервые введена была повсемѣстно въ краѣ съ началомъ учебнаго 1840 г., и такъ какъ она была направлена главнымъ образомъ къ тому, чтобы изолировать польскихъ дѣтей отъ вліянія „фанатизма и ложнаго патріотизма", то она естественно не нравилась полякамъ, и многіе изъ нихъ изъ-за этого брали изъ гимназій своихъ дѣтей. Но такой образъ ихъ дѣйствій истолковывался начальствомъ какъ дерзкое противленіе высочайшей волѣ, и могъ сопровождаться для нихъ непріятными послѣдствіями. Желая напередъ выгородить своихъ соотечественниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повредить ди-

ректору Фавицкому, который почему-то былъ неугоденъ польскому дворянству, предводитель Омѣцинскій и хочетъ дать такой видъ дѣлу, что хотя въ Ровенской гимназіи уже и теперь „ощущается“ уменьшеніе учениковъ, но это происходитъ-де вовсе не оттого, что дворянство не хочетъ повиноваться высочайшей волѣ относительно учрежденія закрытыхъ общихъ квартиръ, а единственно отъ нераспорядительности директора.

Рапортъ Омѣцинскаго и донесеніе городничаго были сообщены Бибиковымъ попечителю для соотвѣтственныхъ распоряженій. На этотъ разъ производство дознанія по данному дѣлу было поручено инспектору 2-го благороднаго пансіона при Кіевской 1-й гимназій, титулярному совѣтнику М. Могилянскому. Но едва онъ прибылъ въ Ровно и приступилъ къ дѣлу, какъ его образъ дѣйствій почему-то не понравился тамошнему и. д. городничаго, и тотъ послалъ на него нѣчто въ родѣ доноса Бибикову: „По дѣлу о произшедшихъ безпорядкахъ помежду учителями Ровенской гимназіи (доносилъ Занкевичъ), о чемъ я имѣлъ сщастіе донести вашему высокопр-ству 2 сего ноября, по распоряженію начальства чиновникъ Могилянскій, прибывъ изъ Кіева, чинилъ секретное розысканіе, и хотя я требовалъ (sic!) отъ него свѣдѣнія, что имъ открыто по сему предмету, но отъ дачи таковаго онъ отказался и 21 ноября уѣхалъ обратно въ г. Кіевъ“.

При этомъ городничій представилъ въ копіи и отзывъ Могилянскаго на его „требованіе“; отзывъ этотъ не лишенъ колкости, и въ этотъ разгадка, почему онъ не понравился городничему. Вотъ что писалъ Могилянскій: „На требованіе вашего благородія отъ 10 сего ноября имѣю честь отвѣтствовать, что о случившемся между нѣкоторыми учителями здѣшней гимназіи происшествіи я, по кратковременности моего здѣсь пребыванія, не могу вамъ сообщить ничего, что не было бы, безъ сомнѣнія, извѣстно вашему благородію по свойству должности вашей и при средствахъ, которыя вы для того имѣете“.

Возвратившись въ Кіевъ, Могилянскій такъ рапортовалъ попечителю округа о результатахъ порученнаго ему разслѣдованія: „Жалобы г. Омѣцинскаго частію неосновательны. Больница въ домѣ Рильке переведена была изъ нижняго этажа въ верхній, по словамъ самого гимназическаго доктора Богуцкаго, въ первыхъ числахъ октября, а письмо предводителя отъ 2-го ноября. Больныхъ я нашелъ въ ней четырехъ и болѣзнями весьма легкими, кромѣ одного, у котораго отъ ушиба сдѣлалось потрясеніе мозга спинной кости. Что касается до уменьшенія числа учени-

ковъ гимназіи, то это должно скорѣе всего приписать мѣрѣ, принятой для помѣщенія ихъ подъ ближайшій надзоръ училищнаго начальства, каковая мѣра нашла вначалѣ много противниковъ; изъ заведенія же выбыло 14 учениковъ.

„Директоръ гимназіи если и отлучался изъ города, то на весьма короткое время, и притомъ вторая изъ его отлучекъ, указываемая городничимъ, случилась въ свободное отъ ученія время.

„Въ бытность мою въ Ровнѣ два раза былъ я въ соборѣ и не замѣтилъ, чтобы учители вели себя неприлично. Протоіерей Лотоцкій не показалъ мнѣ никакого въ этомъ отношеніи противъ нихъ неудовольствія, хотя я неоднократно въ разговорѣ съ нимъ наводилъ его на это, стараясь дать ему поводъ высказать свои неудовольствія, если бы они были; по словамъ его, въ церкви соблюдается должное благочиніе, особенно со времени обнародованія высочайшаго указа, воспрещающаго мірянамъ стоять во время богослуженія вблизи иконостаса; ученики же православнаго исповѣданія, коихъ числомъ 38, стоятъ всегда на клиросѣ и занимаются пѣніемъ при литургіи.

„Продовольствіе учениковъ вообще удовлетворительно; происшествіе же съ сыромъ, приводимое городничимъ, состоитъ въ томъ, что воспитанникамъ 1-го разряда однажды поданъ былъ на полдникъ творогъ съ пивомъ не довольно свѣжій; но должно замѣтить, что содержатель ихъ обязанъ по контракту давать имъ на полдникъ только черный хлѣбъ съ солью, а давалъ имъ какое-либо кушанье, желая сдѣлать имъ пріятное. Послѣ случившагося неудовольствія онъ ограничивается точнымъ выполненіемъ контракта.

„Учитель Славутинскій дѣйствительно имѣетъ репутацію большого охотника до виста, въ который, впрочемъ, и онъ, и другіе учители играютъ только для препровожденія времени и по малой цѣнѣ, а именно по 5, 10 и не болѣе 20 грошей. Но, къ сожалѣнію, донесеніе городничаго о случившейся между Славутинскимъ, Каминскимъ и Нагулою ссорѣ и дракѣ не безъ основанія, и поводъ къ тому подалъ послѣдній сварливымъ и чрезвычайно дерзкимъ своимъ нравомъ. Порокъ этотъ былъ замѣченъ въ немъ и въ другихъ случаяхъ, за что подвергался онъ формальнымъ отъ директора выговорамъ, оставшимся, однако, недѣйствительными.

„По долгу справедливости обязываюсь вашему сіятельству доложить, что въ быту всѣхъ чиновниковъ, принадлежащихъ къ

Ровенской гимназіи, кромѣ означенныхъ поступковъ учителя Нагулы, я не могъ замѣтить никакого соблазнительнаго для юношества примѣра. Основанія подобнымъ слухамъ должо искать въ недоброжелательствѣ дворянъ къ директору, причиной коего можно предположить прежнее служеніе его въ секретной канцеляріи въ Бозѣ почивающаго цесаревича Константина Павловича, крутое иногда обращеніе его съ тѣми, которые имѣютъ до него дѣло, и неосторожно высказываемое имъ мнѣніе о полякахъ. Нахожденіе въ Ровнѣ нѣкоторыхъ учителей, перешедшихъ изъ римско-католической вѣры въ православіе, можетъ также быть поводомъ къ неудовольствію со стороны тамошнихъ дворянъ".

Сообщая генералъ-губернатору копію настоящаго рапорта, попечитель кн. Давыдовъ сдѣлалъ на поляхъ слѣдующія своеручныя отмѣтки: „Учитель Славутинскій при удобномъ случаѣ будетъ перемѣщенъ въ другую гимназію. Учитель Нагула перемѣщенъ въ Кіевъ въ должность младшаго учителя. Директоръ Фавицкій представленъ къ увольненію". Бибиковъ молчаливымъ согласіемъ одобрилъ эти распоряженія.

Такимъ образомъ доносъ городничаго и инсинуація предводителя не остались безъ послѣдствій: картежники и драчуны педагоги подверглись перемѣщенію, а директоръ и вовсе удаленъ со службы. Строгость кары по отношенію къ послѣднему представляется весьма странной послѣ того, какъ дознаніемъ Могилянскаго фактически было опровергнуто обвиненіе его въ нераспорядительности и недостаточной заботливости объ интересахъ учениковъ, а предыдущая служба Фавицкаго, повидимому, представляла полное ручательство за его чиновничью благонадежность. Послѣ службы его въ секретной канцеляріи вел. князя К. Павловича, о которой ничего намъ неизвѣстно, мы встрѣчаемъ Фавицкаго въ числѣ чиновниковъ, избранныхъ въ 1832 г. харьковскимъ попечителемъ Филатьевымъ для устройства учебныхъ заведеній въ Югозападномъ краѣ на новыхъ началахъ. Какъ видно изъ записокъ современника и участника въ этомъ дѣлѣ П. М. Сбитнева,[1]) означенный выборъ производился съ особенною тщательностію: изъ 52-хъ лучшихъ педагоговъ, вытребованныхъ со всего южнорускаго края, только 12 человѣкъ было признано достойными важной политической миссіи, какая возлагалась на

[1]) См. „Кіев. Стар." 1884 г., № 2—5.

нихъ, и въ числѣ избранныхъ, на ряду съ такими хорошо образованными лицами и прекрасными педагогами, какъ самъ Сбитневъ, Морачевскій, Китченко, Науменко и др., мы встрѣчаемъ и Фавицкаго, тогда же назначеннаго директоромъ Винницкой гимназіи; впослѣдствіи, съ открытіемъ гимназіи въ Ровно, онъ, какъ опытный администраторъ, былъ назначенъ ея первымъ директоромъ. Но здѣсь онъ встрѣтилъ глухую вражду къ себѣ со стороны польскаго дворянства, причину которой Могилянскій видитъ отчасти въ крутомъ характерѣ Фавицкаго, а главнымъ образомъ въ его прежней службѣ въ секретной канцеляріи намѣстника Царства Польскаго и въ „неосторожно высказываемомъ имъ мнѣніи о полякахъ“. Очевидно, Фавицкій былъ полонофобъ и не таился съ этимъ, какъ не скрывалъ своего нерасположенія ко всему польскому и самъ Бибиковъ и многіе другіе изъ тогдашнихъ русскихъ чиновниковъ въ югозап. краѣ. Но, очевидно, Фавицкій перешелъ извѣстную мѣру въ проявленіи своего полонофобства, и когда противъ него образовался внушительный комплотъ, завербовавшій въ число своихъ союзниковъ даже мѣстную полицію, окружное начальство вынуждено было считаться съ настроеніемъ польскаго дворянства и принести въ жертву своего усерднаго, но безтактнаго чиновника.

О. Левицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Тыхенькe жыття.

Оповидання.

„Диты-ы, ты-ыхше“, разъ-по-разъ лунавъ по кимнати одноманитный поклыкъ, але не мавъ винъ по соби жадныхъ наслидкивъ.

„Диты“ давненько вже прызвычаилысь до цього поклыку матери и теперъ дуже добре знаны, що завжди винъ долитае до ихъ лыще здалеку, черезъ досыть велыку просторинь, ни на хвылину не зупыняючы ихъ рухлывого жыття, ихъ бойовыхъ замиривъ та ихъ повчасного галасу.

Цей крыкъ та цей гармидеръ завше панували въ доми Ростовськыхъ, завше дывувалы ихъ гостей, и тилько одну Софію Петровну не дывувалы воны. Вона вже таквы давненько одвыкла одъ всякого сыльного, пекучого вражиння.

Це сталось якось такъ само по соби, сталось безъ жадного напруженія духовныхъ сылъ, тихъ сылъ, яки ще не такъ давно, колы Софія Петровна мала лышъ висимнадцять годъ, вымагалы такъ багато жыття, рухивъ. Безъ боротьбы, безъ сылкування надъ собою, якось непомитно, ти попередни, палки порывання далы дорогу тому велыкому спокою, що обгорнувъ теперъ душу Софіи Петровны.

И Софія Петровна не жалкувала. Не выдко було, щобъ жалкувала вона объ тимъ, що втрапыла колышню рухлывисть свого тила та чулисть души, що непомитно втратыла частыну себе самои, тіеи палкои, давньои панночкы Сони. А не жалкувала вона черезъ те, мабуть, що не помичала, не почувала въ соби тіеи великои втраты.

А втрата була.

Бачывъ, давно вже помитывъ ту втрату та душею боливъ одъ ціеи втраты іи чоловикъ Леонидъ Ивановычъ.

Леонидъ Ивановычъ побрався зъ Софіею Петровною ще тоди, колы вона перебувала девятнадцяту весну свого жыття, а йому самому ще не було двадцяты чотырехъ литъ. А побрався зъ нею Леонидъ Ивановычъ черезъ те, що гарячою юнацькою любовію покохавъ винъ цю гарну дивчыну зъ чулымъ серцемъ, зъ глыбокымъ поглядомъ розумныхъ очей.

Іи невпынне зацикавлення тимы зъявыщамы жыття, яки не тілько тоди въ молоди, юнацьки лита, а й теперъ, ще навить глыбше захоплюють його самого,—отъ що зъявлялось найкращою циною іи въ очахъ Леонида Ивановыча.

Отакъ воны зійшлысь, такъ полюбылы одно другого та й повинчалысь, до краю повни жыття, рухивъ та певности въ тому, що якъ найкраще прыходятся одно до другого. А колы такъ, то воны-жъ могтымуть працюваты вкупи, зроблять багато-багато розумнои, корыстнои роботы... И ця праця покаже всимъ, що воны жывуть на свити не тильки своимъ власнымъ, окремымъ маленькымъ счастямъ, а що ихъ жыття—то есть частына велыкого, цикавого чоловичого жыття, звидкиль бере воно свою сылу, свій змистъ, свою правду...

И колы Леонидъ Ивановычъ прямо зъ церквы (Панна Соня була сырота и черезъ те весилля видбувалось въ помешканни Леонида Ивановыча) ввивъ свою жинку до себе въ димъ, то тоди, вдывляючысь въ гарный, ясный поглядъ іи очей, винъ ще разъ впевнывся, ще разъ повирывъ, що жыття ихъ буде, повынно буть гарнымъ, яснымъ, розумнымъ.

Якъ же-жъ його було не вирыты, колы іи очи горилы такымъ яснымъ та певнымъ вогнемъ?

— А якъ въ тебе багато книгъ, картынъ? Ты пышешъ, малюешъ? А йичого про це не казавъ?

— А хибажъ ты сама не малярка? Знаю, знаю... Знаю, голубко моя! А зъ цього часу робытымемо це вкупи, все вкупи...

— А якъ це повынно буты гарно, хорошый ты мій!

— Незвычайно гарно, чудесно! Квитонько ты моя дорога!

Такъ промовлявъ винъ тоди... давно—давно колысь, прыгортаючы до себе ту, давню, колышню Соню.

А вона счаслыва тыхенько сміялась, и здавався той смихъ Леонидови Ивановычеви чыстымъ, дытячымъ.

Тоди Леонидъ Ивановычъ впевнывся, повирывъ, и його вира була глыбока, велыка вира.

И колы вже повирывъ, то стало йому тоди ясно, хороше на души, хотилось сміятысь, радиты безъ кинця. И справди воны обое довго, радисно сміялысь...

Прыгадавъ соби заразъ Леонидъ Ивановычъ той радисный смихъ и, колы прыгадавъ, зъ далекого закутка його души пиднялось щось гарне, ясне, прозоре...

Дали побиглы одынъ за другымъ перши дни ихъ нового жыття, тыхеньки, радисни дни. Здавалось тоді, що все чысто навкругы сміется, радіе.

И гарно, такъ весело було тоди въ ихъ господи. Радисть панувала тамъ не за для людського, чужого ока. Ни! Вона панувала тоди увесь часъ, влываючы въ душу Леонида Ивановыча кожну хвылыну справжне задоволонення його новымъ жыттямъ.

Передплачувалось безличъ газетъ та мисячныкивъ. Книжкы однаково панувалы, якъ въ кабинети Леонида Ивановыча, такъ само й въ кимнати його молодои дружыны.

Въ кабинети чоловика стоявъ мольбертъ, биля якого працювавъ винъ, спочываючы писля чытання та писання. Такый самый, тильки трохы кращый, стоявъ и въ жинчыній кимнати.

— Славно вы жывете. Хочъ не кыснете такъ, якъ кыснуть завше чоловикы зъ жинкамы,—не разъ казала Софіи Петровни ии подруга, панна Наталя.

Софія Петровна усмихалась, слухаючы цю розмову, и на серци въ неи було такъ ясно, спокійно.

Мынувъ рикъ, другый. Народылась на свитъ перша дытына. Обое, якъ чоловикъ, такъ и жинка, радилы, тишылысь нею. На першу дытыну немовъ бы якось вороже, скоса поглядала панна Наталя. „Може це черезъ те, що вона не зазнала ще счастя матери“—зъясувала соби Софія Петровна видносыны до дытыны панны Наталіи; а сама молылась на свого „первенця“.

Разомъ зъ дытыною, заразъ писля ии нарожденя, въ доми Ростовськыхъ прыдбалы соби велыку вагу нянькы (мамкы не держалы), чысло якыхъ побильшувалось разомъ зъ побильшеннямъ симьи.

Все частишъ та частишъ доводылося Леонидови Иванычови одрываться одъ свого мольберту, одъ литературнои праци черезъ те, що треба було йты до дитей, куды клыкала жинка. Тамъ треба було поклыкать ликаря, зминыть няньку. Тамъ въ цьому новому царстви завше, абожъ слабувало котре зъ дитей, абожъ плакала гиркымы слизьмы матери Софія Петровна.

Нови потребы жыття вымагалы за для себе новыхъ формъ, вымагалы за для себе все бильше часу та увагы. Въ цей часъ „тамъ", въ кимнати Софіи Петровны, все выще росла вгору купа нечытаныхъ и навить ще не розризаныхъ книгъ, мисячныкивъ въ которыхъ розбиралысь ти пекучи, надзвычайно цикави пытання нового жыття, що, пробываючы соби дорогу, ламалы всяки перешкоды, яки ставылы на дорози тыхеньки, обережни, боязки люде, старе, сыве обережне жыття. „Тамъ" частенько вся кимната встеляна була побытымы, роздертымы прымирныкамы тихъ мисячныкивъ, яки попереду вважалысь Софіею Петровною за святыню, а теперъ пидъ нови часы булы прынесени, яко жертва, новои святыни—дитвори...

Мынувъ ще рикъ. Мольбертъ Софіи Петровны вже перебрався до кабинету и якось сумно-жалибно ставъ на ривни зъ мольбертомъ Леоныда Ивановыча. А трохы згодомъ, помаленьку все те, що не торкалось до дытячого жыття, перебиралось до кабинету чоловика, а стилъ та этажерка въ кимнати жинкы булы повни рижныхъ рясныхъ дытячыхъ чытанокъ, книжечокъ, мисячныкивъ за для дытячого зросту и т. и.

Писля першои дытыны Леонидъ Ивановычъ гадавъ, що це тымчасовый жиночый запалъ. „Пиднимется трохы Сергій—и знову все буде, якъ и перше".

Але позаякъ вслидъ за Сергіемъ пишла Леся, а дали Маня... то повороту до старого ладу не було помитно.

Леонидъ Ивановычъ ждавъ, ждавъ того повороту, а дали засумувавъ... та вже поглядъ його очей бувъ не той, ясный, колышній. Помаленьку усувалось задовольненя „новымъ жыттямъ", новымъ счастямъ.

Теперъ вже й панна Наталя не разъ казала Софіи Петровни.

— Якый въ тебе крыкъ, не доведы Господы! Тилько й жыття въ васъ, що въ кабинети Леоныда Ивановыча.

— Диты. Щожъ поробышъ? Отъ пидростуть—тоди почнемо жыты инакше,—видповидала Софія Петровна.

И диты рослы, пидросталы.

А Леонидъ Ивановычъ все поужувавъ коло свого володиння и, на решти, обмежывъ його власнымъ кабинетомъ. Тутъ, и тилько тутъ, булы зибрани до купы вси вызнакы розумного жыття, бо одъ такого жыття Леонидъ Ивановычъ не видцурався, не мавъ сылы, не хотивъ видцуратысь; навпакы, сюды винъ почавъ ховатысь одъ тихъ радощивъ симьи, яки намагалысь розруйнувать його окремый закутокъ.

Хочъ у зверхнихъ видносынахъ його до жинкы не змынылось ничого и все йшло, якъ и попереду, тыхо та любо, але жъ въ розмовахъ ихъ не було вже бильше мисця тимъ, попереднимъ, гарнымъ юнацькымъ словамъ, тымъ смилывымъ плянамъ, якъ це було тоди, давно... Зныклы воны, поховалысь и ніякъ вже не вернешъ, не вырвешъ ихъ зъ души.

Есть щось таке, що зупыняе ихъ тамъ, на дни души. Кожного дня збиралось въ Леонида Ивановыча все бильшъ думокъ, яки повынно було-бъ неодминно высловыты жинци, а проте воны такъ и лышалысь невысловлени. Це мучыло його.

— Вона не повынна въ тимъ. Диты остилько ін, оскилько й мои,—не разъ заступався винъ за жинку передъ панною Наталею.

— Але жъ отъ вы сами не жывете такымъ жыттямъ?—казала Наталя.

— Вона, бачыте, маты. Безперечно, въ Сони дуже багато, бильше нижъ въ мене, роботы та ще й до того—чорнои, щоденнои роботы. Ій бракуе того часу, якого я маю доволи.

Такъ не разъ выправдувавъ жинку Леонидъ Ивановычъ, але навить въ цей самый часъ, колы винъ вступався за жинку, въ його голови, якъ и завжды останнимы часамы, стояло, ждучы видповиди, одно пытання: „невже тому такъ и повынно буть? Невже жъ можна, повынно, хочъ бы й зъ чотырма дитьмы, отакъ все чисто, що не торкается до ихъ, залышыть, забуть?“.

Але высловыть цю свою думку жинци Леонидъ Ивановычъ вважавъ за неморальнисть,—„ображаты Соню я не маю права. Може жъ вона мучыться бильшъ, нижъ я?“

И отъ йому дуже забажалось дизнаты, чы й справди його жинка не задовольнена своимъ становыщемъ, чы прыгничуе, давыть ій ярмо симьи, матери; чы бажала бъ вона скынуть це ярмо та знову повернутысь до мынулого жыття, вильного розумного,—чы ни?

Необхидно було поришыты такъ, чы инакше це боляче пытання, але якъ? Самому? Не можно. Давно вже винъ не пробу-

вавъ балакать зъ жинкою про те, що выходыть за межи ихъ сучасного життя, симьи.

— Хиба попрохаты панну Наталю? Вона вміе, зможе.

Прыйшовъ винъ до ціеи думкы та й потроху заспокоився.

Наталя, яка вже давно скинчыла медычни курсы и теперъ мала не малу сылу въ доми Ростовськыхъ, яко ликарь и другъ, забигала до ихъ мало не що дня.

Ця корысна людына звыкла, писля визиту въ Софіи Петровны, зъявлятысь до „жывого закутка", якъ прозвала вона кимнату Леоныда Ивановыча.

— Зъ вамы и у васъ тилько й спочынешъ. „Тамъ" такый гармидеръ! И дывно мени, що Соня ни за що въ свити не хоче, хочъ на яку хвылыну, довирыты дитей нянькамъ. Тамъ справжній Содомъ, а вона тилько й знае: „диты, тыхше"!

Такъ балакала цей разъ панна Наталя въ кабинети Леоныда Ивановыча.

— Дывуюсь я Сониному терпинню, сумно—видповивъ Леонидъ Ивановычъ.

— А я дывуюсь вамъ, Леонидъ Иваповычъ. Невже вы не здатни запалыты въ ій души хочъ одну малесеньку искру того полумья, якымъ жывете сами, яке, жывучы въ вашимъ серци, робыть зъ васъ справжню, жыву людыну? Вы жъ ій доводытесь чоловикомъ, найблыжчою людыною? Вы жъ попереду, памьятаете, тоди, давно колысь, такъ щыро радилы, що въ своій Сони знайшлы себе самого?

— Такъ, радивъ... Правда... Це було давно, давно... Дійсно, що тоди мы безумовно, якъ найкраще, пидходылы одно до другого.

И здается мени, вы такъ любылы ій?

— Такъ. Правда ваша, панно Наталіе. Любывъ я ій. А теперъ отъ я ніякъ не можу впизнаты въ Сони тіеи попередньои гарнои, чулои дивчыны. Ця Соня, яку я заразъ называю своею жинкою, зовсимъ не та, чужа мени. Ця Соня якось такъ осилась, заспокоилась, забула зовсимъ про себе, такъ ще рано встарилась душею та тиломъ, закысла... Та Боже жъ мій! Невже не можна жыты и для дитей и для свого чоловика, жыты за для семьи и разомъ за для цилого жыття, шырокого, кыпучого жыття? Яскраво, ясно жыты? Аджежъ знае вона, дуже добре знае, якои я хотивъ жинкы. Тоди, давно колысь, стилько говорено було объ цимъ, стилько було мрій, а теперъ писля десяты литъ жыття зъ жинкою, я мушу тилько терпиты ій биля себе, щобъ зоставатысь

чесною людыною. Колы бъ вы зналы, панно Наталіе, якъ важко погодытысь зъ такымъ сумнымъ становыщемъ!

— Я соби уявляю ваше становыще. Вы маете таку палку, юнацьку душу, а та... кысне.

— Такъ... такъ. Вы це гарно сказалы: „кысне“, именно „кысне“. Може бъ вы, Наталія Феофанивна, побалакалы объ цимъ зъ нею? Я не вмію, не можу черезъ те, що боюсь, якъ бы не образыты ій, помымо воли, а вона й безъ того така несчасна людына.

— Вона несчасна? Що вы кажете? Навпакы, Соня заразъ занадто вже счаслыва. Вона бъ рада молытысь на васъ, на дитей. Найвыще Сонине счастя—це симья, праця за-для дитей.

— А хиба вы балакалы зъ Сонею!

— Я й такъ бачу. За весь цей часъ, мени здается, можно було бъ, хочъ разъ, хочъ кризъ зубы, поскаржытысь, що тяжко ій такъ жыты, а то, гляньте вы на неи, завше вона однаковисенька; по всякъ часъ почуете одъ неи лышъ це солоденьке, затверджене—„диты, тыхше!“ Немовъ бы все ій жыття мистыться въ цьому, и тилько въ цьому.

— А отъ вы, панно Наталіе, визьмить та й довидайтесь въ Сони, чы йе въ неи тамъ, на души, десь тамъ глыбоко, пидъ ціею корою спокою, що обгорнувъ ій такъ мицно, чы йе тамъ якый-сь иншый змистъ?

Це необхидно зробыть. Може жъ мы помыляемось? А може Соня терпыть таку муку, наривни зъ якою мое горе—дурныця, прымха якась?

— Гаразд. Я побалакаю зъ Сонею, але я певна...

— Побалакайте, неодминно побалакайте. Вы жъ сами бачыте, що дали не можна, несыла моя такъ жыты. Я не хочу, не можу, навить не повыненъ старытысь душею вкупи зъ нею. Я ще не втратывъ того давнього запалу. Иноди я почуваю въ соби той самый, давній, юнацькый вогонь. Часамы мене ришуче тягне до себе те яскраве, чудове, жыве жыття, колы людына забувае себе, власни мукы, болячкы та радощи и йде все впередъ та впередъ, все дали та дали, пидъ прапоромъ чужого счастя, загального счастя. Охъ, панно Наталіе, колы бъ вы зналы, якъ болыть въ мене душа, колы я дохожу иноди до переконання, що на мени вже йе кайданы свого власного счастя, тыхенького, никчемного раю... Отъ же инши жинкы якось вміють працюваты разомъ и Богу и мамони, а Соня... Феофанивно, допоможить, бо я хочу знову повернути соби ту давню „дивчыну Соню“. Невже жъ, ска-

жить, зъ моихъ заходивъ не выйде ничого путящого? Навищо вы такъ скептычно всмихаетесь?

— Трудно, щобъ выйшло. Мынулося вже. Човникъ Сонинъ прыбывся вже до дуже затышного берегу.

Колы Наталя пишла до дому, Леонидъ Ивановычъ дуже довго ходывъ въ задуми по кимнати. Останни слова Натали не йшлы йому зъ головы. „Невже жъ, гадавъ Леонидъ Ивановычъ, невжежъ и справди все те мынулось, не вернется?

Такъ рано втратыть въ жинци товарыша, друга та жыты зъ нею, тильки якъ зъ самкою. Страшно“...

И дуже захвылеваный, винъ раптомъ спынывся биля мольберту, на якому цимы днямы розпочавъ бувъ портрета Софіи Петровны, та не ціеи спокійнои, а тіеи висимнадцятылитньои дивчыны—Сони.

Биля цього партрету Леонидъ Ивановычъ почавъ працюваты дуже пыльно, та якось нервово.

Вже й смеркло, а винъ все малювавъ та малювавъ. Навить не помичавъ, що въ кимнати вже стало темно, та що биля його вже давненько стояла жинка.

На решти, колы вже зовсимъ стемнило, Леонидъ Ивановычъ залышывъ палитру.

— О, ты тутъ?—здывувався винъ, помитывшы жинку.

— А ты й не помичаешъ?

— Що тамъ сталось що-небудь? Може тоби Соню, чого треба?

— Та оце вже давненько я збиралась сказаты тоби. Намъ, бачышъ, неодминно треба найнять до Сергійчыка нимкеню.

— Гараздъ. Я запытаю въ контори. А що, якъ Леся?

— Ій все гирше. Поклычъ дохтора.

— Хиба жъ панна Наталя?

— Э, ни! Я боюсь. Краще звернутысь до професора.

И отъ винъ пойихавъ до конторы, звидтиль за професоромъ. Ничого страшного у дытыны запевно не було.

А ввечери Леонидъ Ивановычъ кинчывъ за для мисячнька, въ якому завше працювавъ, оповидання та, захопывшысь ціею роботою, одмовывсь иты вечеряты. Заразъ прыйшла жинка запытать, що сталося—чы часомъ не захворивъ?

— Ни, ни! Заспокойся, Соню, я здоровый.

— Ну, то въ такому рази треба було выйты до йидальни. Диты звыклы завше бачыты тебе за столомъ, а це ты налякавъ ихъ.

Эхъ, Соню, облышы це. Слухай... Я давно вже хотивъ запытать тебе, невже все твое жыття мистыться лыше въ цьому одному?

— Въ чимъ це?

— Въ оцій твоій невпынній тяганыни зъ дитьмы? Слухай, Соню, невже жъ ты забула, якъ колысь давно мы марылы зъ тобою про наше майбутне, розумне жыття? А хиба це таке, якого мы бажалы?

— Я це знаю.

— Знаешъ? А тимъ часомъ, выбачъ мени, ты такъ втягнулась въ оцю сплячку, що й не бачышъ свита божого. Соню, я жъ николы не бачу тебе, я навить одвыкъ вже балакать зъ тобою. Не можно, Соню, дали такъ жыть!

— Попереду мы повынни выгодувать дитей, поставыть ихъ на ногы, а потимъ почнемо знову жыты за для себе, якъ и перше.

— Але жъ якъ почнемо, колы ты вже одвыкла одъ того давнього жыття? Вже мынуло десятъ литъ, десятъ литъ... Соню, тилько подумай!

Софія Петровна усмихнулась.

— Хиба жъ це такъ багато?—спокійно одказала вона. Все наше жыття ще попереду насъ. Встыгнемо пожыть ще й за-для себе. Отъ пидростуть диты...

— И въ тебе, Соню, не зъявляется теперъ навить бажання, жаднои охоты до чого-небудь иншого, крімъ дитей, симьи?

— Я выховую дитей,—вже зъ слизьмы въ горли, холодно одповила Софія Петровна.

— Безумовно, але жъ у тебе есть вильный часъ, колы можно було бъ побалакать зо мною, зъ людьмы. Вси насъ забулы Ты лышаешъ себе позаду жыття, а воно, Соню, глянь, якъ прудко йде все впередъ. Воно не хоче, не повынно дожыдаты тихъ що лышылысь позаду, ляглы одпочыть.

— Ну, цього вже я николы въ свити не боятымусь. Стать дыкымъ можлыво тильки въ пустыни, а биля мене такый розумный, рухлывый чоловикъ. Та й кому я теперъ потрибна? Яку бъ могла я робыть роботу? Корыстною я буду теперъ лышъ въ симьи— отъ я й працюю за для неи.

Одчай захопывъ Леоныда Ивановыча, колы винъ почувъ останни жинчыни слова. Винъ вже не ходывъ, а бигавъ по кимнати.

— Йды сюды,— спынывся винъ биля розпочатого партрету. И тоби не жаль себе самои? Глянь яка ты була колысь давно! Тоди я бувъ впевненый въ тоби, вирывъ въ той свитъ, що горивъ у тебе въ очахъ, и якъ вирывъ!

Тоди мы булы злучени зъ тобою мицно, зъеднани булы духовнымы кайданамы. Въ тихъ кайданахъ мы бажалы лышытысь на завжди, а теперъ...

— А теперъ вже я не варта тебе?—зтыха запытала Софія Петровна, и въ іи очахъ стоялы сльозы.

— Моя ты дорога! Ни, варта, варта, варта, але жъ послухай, пожалій себе.

— Навищо ты малюешъ цього партрета? згодомъ пытала його жинка и нызько-нызько похылыла голову. Выдко було, що прыгадала вона соби щось давне-давне. Здается й не було його николы; таке чуже воно, те мынуле. Мынулось все те, а чому жъ видразу такъ важко та сумно стало на серци?

— Ты такъ пыльно працюешъ для цієи маленькои бындочкы блакитнои на шыи. На вищо це?

— Соню, я бажаю повернуты тебе до жыття, ожывыть, вкласты тоби въ душу якыйсь вогонь. Тебе неодминно потрибно пидняты, розбудыты, бо ты жъ заснула. Я не дозволю, не дамъ тоби такъ рано спускатысь до нызу. Не дамъ, не дозволю, Соню! Не повынно жъ такъ занепадать духомъ.

Софія Петровна видразу повеселищала, весело усмихнулась.

— Це жъ дурныця,—радо казала вона, и іи облыччя, яке за-хвылыну мало на соби той выразъ, котрый нагнавъ бувъ Леонидъ Ивановычъ, колы нагадавъ ту давню, десятыричню старовыну, нагадавъ та звеселывъ, знову стало звычайнымъ, симьйовымъ облыччямъ матери, яке такъ лякало, такъ мучыло Леоныда Ивановыча цимы останнимы днямы.

— Теперъ же не майе въ мене часу начиплюваты соби на шыю ци бындочкы блакитни. Ось нехай вже, якъ пидростуть диты.

— Послухай, Соню, я почеплю цього партрета у тебе въ кимнати?

— Чепляй, а я пиду вже до дитей. Ото якъ забалакалась.

Софія Петровна выйшла, а Леонидъ Ивановычъ пыльно-пыльно прыдывлявся до жинчыной постати, колы вона проходыла кимнатою до дверей. И колы вже рыпнулы двери, яки вона прычыныла за собою якось такъ обережно, тыхенько; колы вже ажъ зъ третьои кимнаты почувся ии звычайный оклыкъ: „диты, тыхо“, Леонидъ Ивановычъ сумно похылывъ голову та, немовъ розбытый, сивъ биля столу. Сльозы стыснулы йому горло.

— Ни, вже годи, мынулось, не вернешъ!—тыхенько промовывъ винъ и нызенько схылывъ надъ столомъ зажурену голову. Важко, дуже важко було на души въ Леонида Ивановыча.

Такъ пробувъ винъ де-якый часъ, а потимъ пидвивъ голову, взявся кинчаты оповидання и вклавъ тузы, въ те скорбне оповидання, багато того тяжкого болю, якый заразъ опанувавъ його душу.

За роботою винъ сыдивъ до самого ранку, а Софія Петровна, запоравшы дитей, лягла спаты и передъ сномъ довгенько думала объ тимъ, якъ це ии чоловикъ неначе зовсимъ не любыть своихъ диточокъ. „Таки воны въ мене славни. Ось тилько Леся все хворіе“. А дали Софія Петровна спокійно заснула сномъ натомленои людыны.

Другои днины Леонидъ Ивановычъ розсказувавъ панни Натали про свою розмову зъ жинкою.

— Отъ бачыте! Хиба жъ я не правду казала? Соня вже почала жыты тимъ тыхенькымъ, обмиренымъ жыттямъ, яке почынается въ хорошои матери заразъ писля першои дытыны.

— И вы тіеи думкы, що ии вже не можно розбудыть одъ ціеи сплячкы?

— Неможно черезъ те, що вона любыть своихъ дитей, що вона хороша маты.

— Ну, а що жъ дали буде? Якъ дали я жытыму?

— Не знаю я,—сумно видмовыла йому Наталя.

Мынуло рокивъ десять. Леонидъ Ивановычъ давно вже дыставъ соби литературнои славы та щыро, гаряче працювавъ на ціи ныви.

Все, що выходыло зъ-пидъ його пера, палало такымъ юнацькымъ вогнемъ, такою гарячою вирою въ жыття, въ сылу жывои,

вильнои людыны, що спивробитныкы мисячныка, въ якому працювавъ Леонидъ Ивановычъ, Наталя та вси ти, що зналы Леоныда Ивановыча, не разъ казалы йому.

— Вы мабуть вже до самои смерти зостанетесь юнакомъ, певнымъ въ соби, жывымъ.

— Я люблю молодь. Я спочуваю—ій, одповидавъ тоди Леонидъ Ивановычъ и не разъ зъ його очей по облыччю, по бороди котылысь велыки, части сльозы.

Винъ такъ и не диждався нового нарождення Софіи Петровны. Той партретъ зъ блакитною бындочкою такъ и лышывся въ його кимнати.

Цей образъ колышньои Сони влывайе натхнення, молоду виру въ душу завжди-молодого Леоныда Ивановыча.

Ця велыка його любовь до всього молодого, юнацького, ця вира старого Леоныда Ивановыча, яка не хотила загаснуть навить и тоди, колы вся голова йому побилила писля довгыхъ литъ тіеи виры, та його прыхильнисть до всього, що мало на соби видбытокъ молодого, прекрасного,—дывувала Софію Петровну.

— А я не вмію такъ, не можу. Натомылась я,—прызналась вона не разъ и гордо звидусиль прыймала хвалу та пошану своему чоловикови.

Леонидъ Пахаревськый.

1906 р. 30 сичня.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Библіотека Имп. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Выпускъ второй. Описаніе рукописей и бумагъ, поступившихъ съ 1846 по 1902 г. вкл. Трудъ Е. И. Соколова. *Изданіе Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. при Московскомъ Унив. М. 1905. 8°, VII+935 стр. Цѣна 5 р. съ пересылкой.*

Въ 1845 году, какъ извѣстно, появилась работа П. М. Строева „Библіотека Имп. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ", содержащая описаніе рукописей славянскихъ и россійскихъ, принадлежавшихъ въ то время Обществу(№№ 1—335), перечень книгъ церковной и гражданской печати, перечень книгъ и рукописей иностранныхъ. Со времени появленія труда Строева, въ библіотеку Общества поступило значительное число рукописей. Такимъ образомъ, явилась необходимость новаго описанія, и настоящій 2-й выпускъ Библіотеки Общества Исторіи и Древностей, составленный Е, И. Соколовымъ, представляетъ продолженіе той части труда П. М. Строева, которая посвящена описанію россійскихъ и славянскихъ рукописей. Не смотря на то, что многіе документы исчезли изъ библіотеки Общества, общее число всѣхъ находившихся къ началу 1903 года въ Обществѣ рукописей и бумагъ насчитывается около 3800 №№—въ. Большую часть рукописей составляютъ историко-юридическіе акты. Оставляя для 3-го выпуска описаніе этихъ актовъ, а также перечень тѣхъ документовъ, которые въ настоящее время утрачены, но значатся въ протоколахъ Общества, г. Соколовъ во 2-й выпускъ вноситъ описаніе всѣхъ остальныхъ рукописей. Такимъ образомъ, въ его трудѣ

описаны: 1) рукописи славяно-русскія XV-XIX вв. (557 №№-въ),[1]) 2) рукописи на языкахъ славянскихъ, западно-европейскихъ и восточныхъ (44 №№-а), 3) планы, карты и отдѣльные рисунки (6 №№-въ), 4) бумаги Ю. И. Венелина (206 №№-въ), 5) бумаги О. М. Бодянскаго (250 №№-въ), 6) Бумаги А. Н. Попова (50 №№-въ). Общее число описанныхъ въ настоящемъ выпускѣ рукописей составляетъ 1113 №№—въ. Всѣ рукописи, кромѣ бумагъ Венелина, Бодянскаго и Попова, расположены въ описаніи по алфавиту сообразно началу названія каждой рукописи или, гдѣ это оказалось возможнымъ, сообразно фамиліи сочинителя. По содержанію своему эти рукописи относятся къ священному писанію, богослуженію, богословію, къ исторіи церковной и гражданской, къ литературѣ, каноническому праву, проповѣдничеству, языкознанію, географіи, астрономіи, медицинѣ, критикѣ, библіографіи и пр. Ученыя работы Венелина, Бодянскаго и Попова описаны въ систематическомъ порядкѣ. Относительно поступленія ихъ въ библіотеку Общества, въ предисловіи къ книгѣ г. Соколовъ сообщаетъ слѣдующее: бумаги Ю. И. Венелина были подарены Обществу вдовой И. И. Молнаря въ февралѣ 1874 года; ученыя работы О. М. Бодянскаго были найдены въ редакціонныхъ бумагахъ Общества, отобранныхъ послѣ смерти Бодянскаго, въ 1877 и 1879 гг.; бумаги А. Н. Попова Общество пріобрѣло у его душеприказчика А. А. Зборжевскаго въ 1882 г. за тысячу рублей.

Работа г. Соколова исполнена весьма тщательно. Авторъ не ограничивается названіемъ рукописи и указаніемъ внѣшнихъ ея признаковъ, но часто, гдѣ это оказывается необходимымъ, дѣлаетъ подробный перечень ея статей; часты также у него сопоставленія текста описываемой рукописи съ печатными редакціями ея и вообще указанія, гдѣ и когда данный документъ былъ опубликованъ; иногда онъ пересказываетъ содержаніе рукописи или же дѣлаетъ болѣе или менѣе обширныя извлеченія; въ приводимыхъ текстахъ, по его словамъ, соблюдена дипломатическая точность. Къ книгѣ приложенъ обстоятельный указатель лицъ, мѣстъ, предметовъ и статей.

Переходя къ болѣе детальному обозрѣнію труда г. Соколова, мы не будемъ касаться всего содержанія его книги, но остановимся лишь на тѣхъ документахъ, которые могутъ имѣть значеніе для изученія мѣстнаго края. Въ общемъ отдѣлѣ его книги большинство интересныхъ для насъ документовъ по содержанію своему относится *къ*

---

[1]) Нумерація рукописей начинается съ 336 №-а, т. к. №№ 1—335 описаны Строевымъ. По вѣкамъ сл. русск. рукописи распредѣляются такъ: къ XV в. относится 4 №№—а, къ XVI—11, къ XVII—30, къ XVIII—99, къ XVIII—XIX—5, къ XIX—408.

гражданской и церковной исторіи. Изъ рукописей XVII вѣка назовемъ: № 358—Новый Лѣтописецъ. Редакція его нѣсколько измѣнена сравнительно съ текстомъ, ноцечат. въ XVII кн. „Временника Общества Ист. и Др.“; лѣтописецъ доведенъ до 1630 года; первыя главы его повѣствуютъ о началѣ русской земли и о кіевскихъ князьяхъ, осповываясь на лѣтописяхъ, Степенной книгѣ и хронографахъ. № 364—Сборникъ, содержащій въ себѣ родословныя русскихъ князей и бояръ (въ двухъ редакціяхъ) и выписки изъ разрядныхъ книгъ; въ числѣ другихъ находятся родословныя князей кіевскихъ, черниговскихъ, стародубскихъ, государей литовскихъ и пр.; въ общемъ родословныя совпадаютъ съ т. наз. „Бархатной книгой“, напечатанной въ Москвѣ въ 1787 г. Среди рукописей XVIII вѣка къ области церковной и гражданской исторіи относятся: № 382—Акты Малороссійскіе въ копіяхъ; эти акты таковы: 1) списокъ малорусскихъ шляхтичей, гражданъ и козаковъ, избранныхъ въ предводители, головы и депутаты; учиненъ 12 мая 1767 г. 2) списокъ жалованной грамоты на помѣстья генеральному войск. судьѣ Ивану Чернышу; выданъ съ подлинной грамоты 8 окт. 1780 г. 3) Копіи съ двухъ оффиціальныхъ писемъ гр. А. Безбородка къ малороссійскому почтдиректору касательно устройства почтъ въ перешедшихъ отъ Польши и Литвы къ Россіи земляхъ, отъ 14 мая 1793 г, и отъ 6 окт. 1795 г. 4) списокъ съ указа Петра I объ измѣнѣ Мазепы, отъ 28 окт. 1708 г. № 388—Бумаги о службѣ полковника Гадячскаго полка и гомитинскаго полка А. Крыжановскаго, въ копіяхъ, № 392—Выписки изъ Синопсиса, напечатаннаго въ Петербургѣ въ 1718 г., относительно прихода бусурманскихъ войскъ подъ Чигиринъ и пораженіе ихъ. № 393—Выписки историческія изъ различныхъ рукописей; здѣсь между прочими—статья о переходѣ Малороссіи къ Россіи. № 400—два доношенія митрополиту Рафаилу Заборовскому настоятеля Братскаго монастыря іеромонаха Амвросія въ 1732 г. о нападеніи козаковъ на іеромонаха Арсенія Стакуловича и о захватѣ монаст. грунтовъ козаками. № 402—Дѣло о выборѣ пѣвчихъ изъ малороссовъ для церкви въ Кенигсбергѣ, въ 1760 г,. № 403—Дѣло о козакѣ переясл. полк. Лескѣ Бабиченкѣ, 1718 г., въ подлинникахъ и копіяхъ. Леско обвинялся въ томъ, что хотѣлъ зарубить государеву лошадь и похвалялся снять голову гетману и самому царю. № 404—Дѣло о малороссіянинѣ Юскѣ Искрѣ, іеродіаконѣ Товіи и др. лицахъ, бѣжавшихъ вопреки царскимъ указамъ къ запорожцамъ, 1720—1721 гг., въ подлинникахъ и копіяхъ. № 405—Дѣло о пойманныхъ въ 1721 г, въ Глуховѣ двухъ волошскихъ черпецахъ съ фальшивымъ свидѣтельствомъ на сборъ пожертвованій, въ подлинникахъ и копіяхъ. № 420—Лѣтопись Григорія Грабянки съ приложеніемъ статей гетмановъ, корфирмованныхъ грамотъ и царскихъ

указовъ, касающихся малороссійскаго войска; писана малор. скорописью XVIII в.; текстъ лѣтописи сравнительно съ изданнымъ (Кіевъ 1854) большею частью разнится: встрѣчаются сокращенія и прибавки. № 421—тоже, на южно-русск. яз., съ приложеніями копіи о формѣ суда и разныхъ указовъ, касающихся гл. обр. малороссійскаго козачества; писана скорописью XVIII в.; текстъ этой редакціи весьма близокъ къ напечатанному. № 424—Матеріалы для исторіи Кіевской Духовной Академіи. 1734—1749 гг. Сюда входятъ различныя прошенія о поступленіи въ академію, донесенія префектовъ о числѣ учителей и преподаваемыхъ ими наукахъ, письма родителей къ митрополиту кіевскому о дѣтяхъ, обучавшихся въ академіи и пр. № 426—Копія письма гадячскаго полковника Милорадовича къ государственному канцлеру Головкину, изъ Глухова, отъ 14 янв. 1716 г. Документъ этотъ легъ въ основу статьи О. М. Бодянскаго „Дѣло о полковникѣ Милорадовичѣ и Чернышѣ 1716 г.“ („Чтенія Общества“ 1870. III). № 431—Опись ризницы и книгохранилища Кіево-Печерской Лавры, малорусск. скоропись к. XVIII в. № 434—Письма и выписки изъ писемъ гетмана И. Скоропадскаго къ государственному канцлеру Г. И. Головкину 1711—1716 гг.; текстъ во многихъ мѣстахъ утраченъ, бумага отъ времени сдѣлалась трухлявою. № 435—Письма глуховского стольника Ѳеодора Протасьева къ Г. И. Головкину и его сослуживцамъ, 1715—1716 гг., и письмо капитана Албанеза къ нему-же; письма Протасьева писаны изъ Глухова, Прилукъ, Роменъ и Гадяча и имѣютъ форму оффиціальныхъ донесеній. Изъ рукописей XVIII—XIX в. отмѣтимъ № 482—Матеріалы, предполагавшіеся къ напечатанію въ V неизданномъ выпускѣ „Молодика“ 1845 г. Здѣсь собраны нѣкоторые документы, относящіеся гл. обр. къ г. Ахтыркѣ и ахтырскому уѣзду, и списокъ статьи В. Н. Каразина „Статистическое обозрѣніе Слободско-украинской губ.“ (1819). Изъ рукописей XIX в. къ исторіи мѣстнаго края относятся: № 512—Бумаги, относящіяся до бывшаго Секретнаго Греко-унитскаго комитета 1835 г.; копіи и одинъ подлинный документъ. № 522—кн. Васильчикова, бывшаго кіевскаго генералъ-губернатора, „Обзоръ положенія губерніи Кіевской, Подольской и Волынской и дѣйствій главнаго мѣстнаго управленія въ 1859 и 1860 гг. № 524—А. Волкова. Новѣйшія розысканія о Черниговской медали. 1830 г. № 545—Георгія Коннисскаго Исторія руссовъ, бѣловой списокъ 1824 г. № 552—Г. А. Громова Гетманъ Дорошенко, краткая статейка, напис. въ 1850 г. № 566—А. Добротворскаго Свѣдѣнія о книгѣ Василія Великаго, принадлежащей Загоровскому (Волынск. г) монастырю, и о сохранившейся на ней надписи, будто-то бы принадлежащей перу Самозванца; составлено въ 1852 г. № 568—Документы въ сп. XIX в., касающіеся Чугуевскаго

полка за время съ 1652 г. до первой четверти XIX в. вкл. № 576—кн. И. М. Долгорукаго путешествіе въ Кіевъ въ 1810 г. Напечатано въ „Чтеніяхъ Общества“ 1869 г. кн. III. № 577—Его же. Путешествіе въ Кіевъ въ 1817 г. Напеч. въ „Чтеніяхъ“ 1870, кн. II.—Политическое дѣленіе Прикарпатскихъ земель и нѣкоторыя статистическія показанія 1875 г. № 611—К. Кавелина. О исторіи Малой Россіи, соч. г. Раковича. № 629—Книга Черная или Справая Малороссійскаго Прилуцкаго полку съ 1676 по 1718 г., въ копіи 1849 г. № 638. Копія съ регистра оставшемуся имуществу еп. Иринея Фальковскаго, составленнаго въ 1832 г. Здѣсь же списокъ съ рапорта комиссіи, описывавшей имущество Иринея. № 641—Н. Костомарова Объ исторіи Руссовъ Георгія Конисскаго и ея критикахъ, 1849 г. № 644—П. Кулиша Нѣсколько замѣчаній по поводу статьи Григорія Надхина „Память о Запорожьѣ и о послѣднихъ дняхъ Зап. Сѣчи“; автографъ автора, 1877 г. № 710—Матеріалы для исторіи Харьковскаго университета; копіи съ писемъ министра нар. пр. А. В. Головина къ попечителю Московскаго уч. округа и попечителю Харьковскаго уч. округа, 1863 г. № 711—Матеріалы историческіе, касающіеся Малороссіи, относящіеся къ эпохѣ Екатерины II и отчасти Александра I; въ копіяхъ. Здѣсь между пр. находится проектъ Е. Теплова о Батуринскомъ университетѣ, писанный въ 1760 г.; проектъ напечатанъ въ „Чтеніяхъ Общества“ 1863. кн. II. № 714—Капитана Менькова программа военной исторіи Малороссіи, сост. въ 1848 г. № 716—Г. А. Милорадовича Любечъ Черниг. г.—родина преп. Антонія Печерскаго: напеч. въ „Чт-Обществза“ 1871 г. кн. II. №№ 731, 738—787—Проектъ нѣкоего іезуита объ истребленіи православія въ Польшѣ; напеч. въ „Чтеніяхъ Общества“ 1862 г. кн. IV. № 761—Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію, описанное Павломъ Алепскимъ; переводъ съ англ. Д. Д. Благово; рукопись обнимаетъ кн. 2, отд. XVII—XXVII. № 765—Патерикъ Печерскій Арсеніевской редакціи, въ спискѣ XIX в. № 766—Патерикъ Печерскій въ копіи XIX в. со списка 1554 г. № 767 Перестрога—памятникъ письменности, относящійся къ Брестскому собору 1596 г.; новая копія съ рукописи Львовской Ставропигіи.[1])

№ 808—С. Рождественскаго—Петръ Могила; напеч. въ „Чтеніяхъ Общества“ 1877, кн. I. № 811—Роспись Кіеву 1682 г., списокъ XIX в.; напеч. въ „Чтеніяхъ“ 1858, кн. II. № 813—гр. Румянцова „О скуплѣ въ Малой Россіи козачьихъ имѣній, о свободныхъ посполитыхъ и о

---

[1]) Этотъ памятникъ изданъ по рукописи Львовской Ставропигіи въ Актахъ Зап. Россіи, т. IV, № 149, стр. 203—239. С. М.

живущихъ въ подданствѣ козакахъ, какъ имъ быть нынѣ и впредь оставаться, списокъ XIX в.; напеч. въ „Чтеніяхъ“ 1861, кн. II. № 819—Нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о г. Чугуевѣ, заимствованныя большей частью изъ Исторіи Карамзина. № 855—Сказаніе о чудесномъ созданіи Кіево-Печерской Лавры; взято изъ извѣстнаго посланія Симона къ Поликарпу. Списокъ подложный, работы А. И. Бардина. № 890—Х. Юнкера Описаніе Украйны, русскій переводъ К. съ нѣмецкаго подлинника, хранящагося въ Московскомъ Архивѣ Мин. Ин. Д., 1848 г. № 894—нѣсколько документовъ, относящихся къ Богдану Хмельницкому и къ войску запорожскому изъ Актовъ Коронной Метрики въ копіи XIX вѣка (на полск. яз.). № 895—Выписки изъ польскихъ рукописей, принадлежавшихъ П. Зелинскому, Д. Зубрицкому, а также изъ рукописей львовскихъ архивовъ, копія XIX в. Выписки представляютъ любопытный матеріалъ для исторіи Польши, Литвы и Запорожья въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ въ періодъ к. XVI—нач. XVIII ст.; именно, здѣсь содержатся документы, относящіеся къ исторіи уніи, къ эпохѣ Хмельницкаго, отчасти къ эпохѣ Мазепы. № 897—898—St. Oskierki Pamiętnik p. w. Curriculum vitae, копія XIX в. и русскій переводъ, сдѣланный въ 1868 г. Записка Оскерки относится къ 1734 г. и представляетъ свидѣтельства о жестокихъ насиліяхъ, которыми сопровождалось обращеніе въ католичество христіанъ другихъ исповѣданій въ Польшѣ. № 901—Stan hystoryi narodu polskiego, z Warszawy 1791 г., въ копіи съ подлинника, находящагося въ Архивѣ греко-уніатскаго митрополичьяго Капитула во Львовѣ; на 1-мъ листѣ Я. Ѳ. Головацкимъ высказаны соображенія о принадлежности этого сочиненія перу Георгія Коннискаго. № 915—De laboribus Unitorum: Promotione, Propagatione et Protectione divinae Unionis ab initio ejus usque ad haec tempora Jacobi Suska, episcopi Chelmensis, a. Domini 1664, въ копіи XIX в. № 917—Нота Леона Шептицкаго еп. львовскаго, 1774 г., въ копіи XIX в, содержащая нѣсколько документовъ для исторіи взаимоотношеній католицизма и православія въ польскомъ государствѣ въ XVII и XVIII вв. (на латинск. яз.) № 942—Планъ Золотыхъ Воротъ Ярославовыхъ, открытыхъ въ 1832 году корреспондентомъ Общества Ист. и Др. К. Лохвицкимъ.

Изъ рукописей *не относящихся къ исторіи гражданской и церковной* отмѣтимъ слѣдующія. Къ XVIII вѣку относятся, во первыхъ, списки сочиненій знаменитыхъ выходцевъ изъ Малороссіи—Стефана Яворскаго, Ѳеофана Прокоповича и Димитрія Ростовскаго; № 395—Сборникъ, содержащій рѣчь Димитрія Ростовскаго при вступленіи на ростовскую каѳедру и 29 словъ его и поученій на недѣльныя евангелія и праздничные дни. № 396—Его-же Лѣтописецъ Келейный. № 397—

Его-же три письма къ иноку Θеологу. № 454—Сборникъ словъ различныхъ проповѣдниковъ XVIII в.; между ними находятся слова Θеофана Прокопэвича, Стефана Яворскаго и Димитрія Ростовскаго. № 478—Θеофана Прокоповича Краткое сказаніе о Богѣ и пр. Всѣ названныя здѣсь сочиненія этихъ писателей были напечатаны. Далѣе, къ XVII в. относятся слѣдующія рукописи не историческаго содержанія: № 441—Послѣдованіе о обуреваемыхъ отъ нечистыхъ духовъ, изъ Требника П. Могилы. № 455—Сборникъ, содержащій въ числѣ другихъ статей выписки изъ Евангелія учительнаго Кирилла Транквилліона и „Лѣствицу Духовную", приписываемую Исаіи Копинскому. № 448—Сборникъ, содержащій выписки изъ свв. отцовъ и изъ патериковъ, писанный малорусскою скорописью XVIII в. Изъ рукописей *XIX вѣка* остановимся на слѣдующихъ номерахъ: № 510—Боровиковскаго, учителя полтавской гимназіи, Разговоръ малороссіянина съ сыномъ. № 541—Г. Галагана о малороссійскомъ народномъ чтеніи, небольшая статейка, написанная въ 1847 г. Авторъ говоритъ объ упадкѣ народнаго духа въ украинскомъ народѣ и указываетъ на необходимость изданій на малорусскомъ языкѣ. № 542—Галя, Лирическая опера изъ украинскихъ пѣсенъ, въ 3-хъ дѣйствіяхъ. № 547—Н. В. Гоголя Мертвыя души, т. 2-й. Рукопись представляетъ объединеніе двухъ редакцій 2 тома, составленное проф С. Шевыревымъ. № 649—Іоанна Леванды, протоіерея Кіево-Софійскаго собора, письмо (въ копіи) къ неизвѣстному лицу по поводу смерти его сына. № 690—А. А. Майкова „Можетъ ли Слово о Полку Игоревѣ принадлежать польской литературѣ?". Статья написана въ 1850 г. и направлена противъ Вишневскаго и Мацѣіовскаго, рѣшающихъ вопросъ утвердительно. № 780—Пословицы и поговорки украинскія, собранныя А. Цимбалистовымъ въ 1871 г. № 790—Псалтирь на малорусскомъ языкѣ съ особымъ прибавленіемъ каѳизмы шестой; копія съ подлинника, придлежащаго Румянц. Музею. Рукопись поступила въ библіотеку Общества отъ П. А. Кулиша. №№ 885—886 С. Шипова о памятникѣ Богдану Хмельницкому, въ двухъ спискахъ; напеч. въ „Чтеніяхъ Общества" 1862, кн. IV.

Среди *бумагъ Ю. И. Венелина* интересны слѣдующіе номера: № 10—Объ украинскомъ правописаніи, неоконченная статья Венелина. № 26—Егоже Краткая критическая замѣтка на книгу „Украинскій Альманахъ" Харьковъ 1831. № 60—Его-же Небольшой отрывокъ романа изъ малороссійской жизни. № 66—Егоже Изъ думы о гетманѣ Богданѣ, на малор. языкѣ. № 77—Отрывокъ изъ Исторіи козацко-польской войны С. Грондскаго, въ русскомъ переводѣ Венелина; напеч. въ „Журн. Мин. Нар. Пр." 1836. 7. № 81—Статья Венелина О спорѣ между южанами и сѣверянами на счетъ ихъ россизма; напеч. въ

„Чтеніяхъ Общества“ 1847, кн. IV. № 97—Пословицы русскія, малороссійскія и др., записанныя Венелинымъ. № 98—Карпато-Русскія пословицы, автографъ Венелина. № 105—Четыре малороссійскія басни: „Макив а“, „Мирошникъ“, „Утята да Степъ“ и „Ведмежій судъ“. № 106—Списокъ къ Лѣтописи Григорія Грабянки съ прибавленіями, автографъ Венелина; редакція этого списка отличается отъ печатнаго (к. 1854). № 110—Разговоры на малороссійскомъ языкѣ, автографъ Венелина. Среди *бумагъ О. М. Бодянскаго* отмѣтимъ №№ 113—118 Матеріалы по изданію Изборника Святослава 1073 г, №№ 119—123 Матеріалы по изданію житія свв. Бориса и Глѣба, №№ 128—129. Матеріалы по изданію житія Ѳеодосія Печерскаго. № 133—Предисловіе къ статьѣ „проекты объ уничтоженіи Греко-Россійскаго вѣроисповѣданія въ отторженныхъ Польшей отъ Россіи областяхъ; напеч. въ „Чтеніяхъ Общества 1862 г. кн. IV. № 159—Наймычка, соч. Т. Шевченка. №№ 228—237 Копіи съ документовъ по исторіи Малороссіи и Польши; здѣсь между прочими находятся копіи двухъ документовъ на польск. яз. съ русск. перев. 1647 и 1650 гг., освѣщающіе дѣйствія Богдана Хмельницкаго. №№ 245—246. Два черновые отвѣта Бодянскаго на письма М. П. Погодина по поводу изданаго Бодянскимъ сочиненія Д. Зубрицкаго „Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Россіи“, первый отвѣтъ напечатанъ у Н. Барсукова „Жизнь и труды М. П. Погодина“ т. VIII, стр 154 слл. Среди *бумагъ А. Н. Попова* нѣтъ болѣе или менѣе значительныхъ памятниковъ, относящихся къ прошлому мѣстнаго края.

С. М.

Труды Полтавской ученой архивной коммиссіи, *выпускъ II. Полтава 1906 г.*

Существующая немногимъ болѣе двухъ лѣтъ Полтавская ученая архивная комиссія только что выпустила уже второй выпускъ своихъ Трудовъ, заключающихъ въ себѣ, какъ и первый выпускъ, весьма цѣнные матеріалы и статьи.

Настоящій выпускъ Трудовъ открывается весьма интересной статьей Л. В. Падалки: „Что сказало населеніе Полтавской губерніи о своемъ старомъ бытѣ“. Матеріалами для отвѣта на поставленый выше вопросъ послужили свѣдѣнія, сообщеныя Полтавскому губернскому статистическому комитету мѣстными корреспондентами, запрошенными комитетомъ въ 1896 и 1897 годахъ по программѣ, которая состояла изъ нѣсколькихъ вопросовъ, касающихся происходящихъ въ настоящее

время измѣненій мѣстнаго народнаго быта. Такимъ путемъ было добыто 192 корреспонденціи. Программа, по которой собирались комитетомъ свѣдѣнія, заключала къ себѣ слѣдующіе вопросы: 1) объ имени народа; 2) о племенномъ составѣ; 3) о жилищѣ; 4) объ одеждѣ; 5) объ обрядахъ и обычаяхъ; 6) о языкѣ и пѣсняхъ; 7) объ изученіи народнаго быта вообще. По всѣмъ этимъ пунктамъ сообщенія говорятъ о значительныхъ измѣненіяхъ, которыя претерпѣваетъ въ настоящее время народный бытъ во всей своей совокутности. Причиной такого явленія служатъ главнымъ образомъ, измѣнившіяся и измѣняющіяся условія экономическаго характера. Малоземелье и, какъ слѣдствіе его, отхожіе заработки, сильно вліяютъ на то, что молодежь знакомится съ иными условіями жизни и постоянно приноситъ съ собою розличныя новшества въ сельскую обстановку. Затѣмъ, фабричные мануфактурные товары по своей дешевизнѣ и блеску вытѣсняютъ въ деревнѣ домашнее производство, которое сокращается, кромѣ того, и потому, что почти вся земля идетъ, на запашку, вслѣдствіе чего значительно сократилось скотоводство, дававшее матеріалъ для одежды. Въ числѣ факторовъ, вліяющихъ на измѣненія культурныхъ условій деревенской жизни, не послѣднее мѣсто занимаетъ и школа, которая развиваетъ въ молодежи критическое отношеніе ко всему окружающему. Въ общемъ, картина, которую даютъ корреспонденціи изъ разныхъ уголковъ Полтавской губерніи, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что обстановка, въ которой живетъ селянинъ, сильно измѣнилась за послѣднее время и измѣняется и теперь повсемѣстно. Помимо констатированія тѣхъ или другихъ измѣненій формъ народнаго быта, корреспонденты высказываются еще и о своемъ отношеніи къ этимъ измѣненіямъ. Большинство изъ нихъ высказались сочувственно по отношенію къ формамъ новаго быта, находя, что они представляютъ болѣе удобствъ и выгодъ для жизни. Свое сочувствіе къ новымъ явленіямъ въ формахъ народнаго быта высказало около половины всѣхъ корреспондентовъ около; $^1/_3$ части—заявило себя сторонниками старыхъ формъ и приблизительно такое же число засвидѣтельствовало о безразличномъ своемъ отношеніи къ данному кругу явленій. Сознаніе неизбѣжности происходящихъ измѣненій бытовыхъ формъ народной жизни присуще населенію вполнѣ, особенно молодому поколѣнію. Однако, населеніе сознаетъ и то, что „людына хороша, якъ вона на себе похожа“..... Матеріалъ, полученный комитетомъ, сгруппированъ авторомъ чрезвычайно искусно и заключаетъ въ себѣ много любопытнѣйшихъ подробностей.

Вторая статья — С. Сиротенка: „Церковное пѣніе въ южной и сѣверной Россіи въ XVII вѣкѣ“. Начавъ съ общей исторіи церковнаго пѣнія, авторъ переходитъ затѣмъ къ разрѣшенію вопроса, когда и

какимъ путемъ проникло многоголосное (гармоническое) пѣніе въ Южную Русь. Точное и опредѣленное рѣшеніе этого вопроса невозможно за отсутствіемъ историческихъ данныхъ, которыя ничего не говорятъ о появленіи гармоническаго пѣнія, а констатируютъ лишь его существованіе, и то въ отрывочной и краткой формѣ. Подобныя свѣдѣнія свидѣтельствуютъ о томъ, что гармоническое пѣніе существовало въ Южной Руси уже въ началѣ XVII вѣка, куда занесено было, по всей вѣроятности, съ запада. Впервые гармоническое пѣніе получило свое развитіе въ Юго-Западной Россіи въ братствахъ, которымъ нужно было имѣть ничѣмъ не уступающіе западнымъ хоры, дабы тѣмъ же оружіемъ бороться съ католичествомъ, имѣвшимъ въ то время хоры, стоявшіе на высокой степени развитія. Въ самомъ началѣ XVII вѣка Львовское братство имѣло уже такой хоръ, которымъ въ 1604 году управлялъ учитель братской школы Федоръ Сидоровичъ. Вскорѣ и другія братства завели у себя школы церковнаго пѣнія, явившіяся разсадниками учителей гармоническаго пѣнія для всей Юго-Западной Руси. Отсюда многоголосное пѣніе было перенесено и въ Великороссію, гдѣ стало широко распространяться со времени Никона, покровительствовавшаго партесному пѣнію и неоднократно выписывавшаго къ себѣ южныхъ пѣвцовъ. Далѣе авторъ разсматриваетъ памятники партеснаго пѣнія, дошедшія до нашего времени.

П. Китицынъ далъ для настоящаго выпуска Трудовъ небольшую замѣтку: „Печати трехъ малороссійскихъ козачьихъ полковъ въ XVIII столѣтіи". Замѣтка эта занимаетъ около четырехъ страничекъ, но тѣмъ не менѣе содержитъ въ себѣ изрядное количество странностей и ошибокъ.

Начать съ того, что козачьи полки, существовавшіе въ періодъ Гетманщины, своихъ собственныхъ печатей не имѣли, а документы, выдававшіеся въ выписяхъ изъ магистратскихъ книгъ, скрѣплялись обязательно печатью даннаго *магистрата* и иногда еще кѣмъ либо изъ лицъ мѣскаго уряда. Если же документъ выдавался полковникомъ или вообще чѣмъ либо изъ представителей мѣстной полковой старшины, то къ нему прикладывалось *личная* печать лица, дающаго актъ. Поэтому г. Китицынъ ошибается, считая печать, имѣющую надпись: „Sigillum civitatis Alexandr." принадлежащей Лубенскому полку; это была печать, какъ показываетъ и сама надпись, Лубенская мѣская, т. е. городская, магистратская, потому что магистратъ являлся представителемъ города. Совершенно не вѣрно также и то, что городу Лубнамъ принадлежала печать съ надписью: М. В. М. С. П. Л. и съ изображеніемъ креста и мѣсяца. Это была личная печать полкового лубенскаго судьи (1698—1705) Мартоса и буквы на ней обозначаютъ:

„Мартынъ Васильевичъ Мартосъ, судья полку лубенского". Равнымъ образомъ не было печати *лубенскаго полковника* вообще, а были печати полковниковъ: Ильяшенка, Свѣчки, Зеленскаго, Савича, Марковича и т. д., т. е. каждый полковникъ имѣлъ *личную* свою печать, которою и скрѣплялъ выдаваемые имъ универсалы и вообще документы. Впрочемъ, самъ г. Китицынъ въ концѣ статьи говоритъ, что печать, приводимая имъ, принадлежитъ лубенскому полковнику Дмитрію Зеленскому. Что касается остальныхъ, сообщаемыхъ г. Китицынымъ, печатей (Миргорода, Днѣпровскаго пикинернаго полка и Остаповскаго уѣзда), то о нихъ не можемъ судить по неимѣнію данныхъ, хотя должны признаться, что изъ нихъ двѣ (первая и послѣдняя) возбуждаютъ въ насъ большое сомнѣніе. Въ текстѣ г. Китицынъ говоритъ о печати Миргородскаго *полка*, а снимокъ съ нея называетъ печатью *города* Миргорода. Очевидно, авторъ замѣтки не вполнѣ знакомъ съ предметомъ, о которомъ въ ней говоритъ. Неяснымъ для насъ остается и помѣщеніе Днѣпровскаго пикинернаго полка на ряду съ Лубенскимъ и Миргородскимъ полками. Повидимому автору не извѣстно, что козачьи полки, существовавшіе въ періодъ Гетманщины ничего не имѣли общаго съ образованными во второй половинѣ XVIII вѣка пикинерными полками; авторъ же и тѣхъ и другихъ называетъ малороссійскими козачьими полками.

Наконецъ, что это за *дворяне* въ г. Лубнахъ въ 1687 и 1703 годахъ: Иванъ и Петръ Кулябки? Неужели г. Китицынъ не знаетъ, что дворянство на Украйнѣ появилось лишь послѣ изданія дворянской грамоты 1785 года, а въ началѣ XVIII вѣка здѣсь было лишь „товарищество" и „поспольство", да и то слившіяся просто въ „обывателей"? Еще нѣсколько замѣчаній. Г. Китицынъ считаетъ, повидимому, полковую канцелярію чѣмъ то вродѣ современнаго департамента; иначе какъ понять такое выраженіе: „Закладная эта утверждена въ Лубенской полковой канцеляріи, *въ которой тогда служили:* полковникомъ — Дмитрій Зеленскій, судьей — Мартынъ Васильевъ" и т. д. Вѣдь говоритъ же нѣсколько ранѣе г. Китицынъ: „Купчая явлена въ Лубенской ратушѣ, въ которой *засѣдали* тогда: полковой судья Матвѣй Папѣневичъ [1]) атаманъ г. Лубенъ Каленикъ Антипенко и т. д.? Зачѣмъ же говорить безсмыслицу? Не останавливаясь на другихъ невѣрностяхъ и неточностяхъ, разсѣянныхъ въ замѣткѣ г. Китицына, посовѣтуемъ ему прежде хорошенько ознакомится съ предметомъ, а затѣмъ уже о немъ писать...

---

[1]) Не Папѣневичъ только, а Папкевичъ, бывшій Ирклѣевскимъ полковникомъ при Брюховецкомъ нобилитованый въ 1659 году (А. Ю. и З. Р., т. IV, 217).

Этими тремя статьями и заканчивается первый отдѣлъ Трудовъ Полтавской архивной коммиссіи. Во второмъ отдѣлѣ (приложенія) помѣщены: „Матеріалы для исторіи Полтавскаго полка. II. Вѣдомости по сотнямъ Полтавскаго полка о сѣющихъ табакъ, мельницахъ, пасѣкахъ, винницахъ и шинкахъ за 1722 г.“ Сообщены эти матеріалы В. Л. Модзалевскимъ и служатъ продолженіемъ къ напечатаннымъ въ первомъ выпускѣ Трудовъ той же коммиссіи. Настоящіе матеріалы содержатъ въ себѣ обстоятельныя свѣдѣнія о распространенности въ то время доходныхъ статей, поименованныхъ выше, и даютъ возможность представить себѣ до нѣкоторой степени картину экономическаго состоянія Полтавщины первой четверти XVIII вѣка. Матеріаламъ предшествуетъ небольшое введеніе, въ которомъ сообщаются свѣдѣнія о событіяхъ, вызвавшихъ составленіе печатаемыхъ вѣдомостей, и дѣлается краткій обзоръ самихъ вѣдомостей.

Далѣе помѣщены И. Фр. Павловскимъ, извѣстнымъ знатокомъ старой Полтавы, „Статистическія свѣдѣнія о Полтавской губерніи сто лѣтъ назадъ“. Матеріаломъ для настоящей работы г. Павловскому послужили статистическія данныя, собранныя по Полтавской губерніи И. Ф. Тимковскимъ въ самомъ началѣ XIX вѣка. Такимъ путемъ были составлены свѣдѣнія, дающія понятіе какъ о мѣстоположеніи города и числѣ его жителей, такъ и о раздѣленіи ихъ на сословія; о цѣнахъ на продукты, ремеслахъ, торгахъ, благотворительныхъ учрежденіяхъ и т. д. Помимо городовъ, статистическія данныя были собраны по каждому повѣту и по губерніи вообще. Матеріалъ, доставленный И. Ф. Тимковскому, чрезвычайно богатъ свѣдѣніями объ условіяхъ тогдашняго быта въ экономическомъ и культурномъ отношеніяхъ и послужитъ будущему мѣстному историку весьма цѣннымъ пособіемъ.

Этимъ и исчерпывается содержаніе второго выпуска Трудовъ Полтавской ученой архивной коммиссіи. Съ внѣшней стороны книга издана очень хорошо; слѣдовало-бы только побольше обратить вниманія на корректуру, а то, напримѣръ, встрѣчаются подобныя фразы (стр. 101): „Лубенская печать приложена на 2 документахъ: во 1-хъ на записи или купчей крѣпости, *введенной* 22 мая 1687 года... дворянину г. Лубенъ Ивану Кулябкѣ“ вмѣсто „выданной“ и друг. Ахъ, г. Китицынъ, опять пришлось встрѣтится съ Вашимъ *дворяниномъ г. Лубенъ* Иваномъ Кулябкою!

В. Сотниченко.

Украинський Декламаторъ „Розвага“. *Артыстычный збирныкъ поезій, оповидань в прози, монологивъ, жартивъ и гуморесокъ найвыдатнійшыхъ украинськыхъ поетивъ и письменныкивъ. Уложывъ Олекса Коваленко. Кыивъ, 1905. стр. 1—520,* in *16o.*

Збірник д. Коваленка „для чытання й декламування на сцени, вечерныцяхъ, дома, въ громади, драматычныхъ курсахъ и т. д.“ хоча з'явився на сьвіт ще в вересні (сентябрі) місяці, до волі минулого року, слова, проте містить в собі чимало речей поважаних і давно бажаних в росийській Україні, які за старого ладу годі було сподіватися побачити. Своєю книжкою д. Коваленко ще в часи сподівання зробив пролом в грізній, але вже спорохнілій твердині, що облягала міцно і довго правдиве вільне слово людське, а українське—особливо. Збірник Коваленка стався радісним вістником грядущої волі, нового, кращого життя для української літератури і усього українського народу. Хвала йому, радісному вістникови, вістникові того, що

„Сонце йде
І за собою день веде“.

Збірник д. Коваленка складається з трьох частин: 1) Declamatorium, 2) Мелодекламація і лірична поезія, та 3) жартів і гумересок, з додатком „останньої ночи“ (музика М. Лисенка). Найкращою частиною безперечно є перша, найповажнійша та добірнійша, тоді як в другій, а особливо третій подибуємо речі другорядні, а не раз і зовсім маловартні, без яких збірник тільки вийшов би краще.

Для чого було наприклад, заводити до цінної взагалі книжки такі перли, як Раєвського „Мертве тіло“? Хиба укладчик збірника того не розуміє, що нахилом своїм до творів такого,—sit venia verbo!—„письменника“ він тільки компромітує себе і всю свою справу... Поставити твори Котляревського, Шевченка, та інших більших і меньших письменників поруч із Раевським, який тільки глузує з українського люду, виставляючи його на посьміх та глум!

Чимало стрічаємо творів відомих і невідомих поетів, які не надто скрашають збірник, і хоча змістом вони часом не лихі, а навіть і добрі, та проте з формального боку вони зовсім не „найвидатнійші“ До таких зайвих, на нашу думку, речей зачислити можна хоча білі вірші *И. С.* „Де воно есть“ (стр. 274), де стрічаємо і „дим від лучини“, „злочинців і глупців“, а в мелодекламації того ж таки автора „Де ж тіи гетьмани“ (стр. 280) — останні, як каже автор,—

„В німецьких жупанах, похожі на пана,
Тепер не воюють за віру (sic) вони —
Всі лізуть до панства (!), як перш до гетманства,
І таких то *дурнів* цілі табуни"...

Невже д. Коваленко и сей перлъ вважае „найвидатнїйшим" і здатним навіть до мелодекламації! Тяжко також зачислити до першорядних пес такі вірші, як О. Маковея „Я вам не завидую, духом бідні" (стр. 175), які

хотя безумним скотам рідні,
Так бережете пітьми дурноти,

або И. Стешенка „Краю коханому" (стр. 40), та „Нехай ревуть сердиті хвилї" (стр. 253) з його „жахливий глиб", „і горду міць напруживши у край" „натовп хвилї... тебе не втне на наш одчай", та таким уступом:

І хоч гнітучую фугу ревучую
Спів і не вкоськае мій, —
Все ж бо немручую скруту пекучую
Кликне він гордо на бій.

Ледве чи скрасять збірник і уривки з Хоткевича „Aria passionata" з тим вогнем що „запалює навіть арктическі льоди", та Кобилянської „Моі лелії" з покликом „Пустині дайте мені!" Такъ само, збірник тільки кращий би був, як би не було в ньому напр. Короленка „В борні" (стр. 95), Шабленка „Збір до нічліжного приюту" (стр. 242), Залізняка „Дивний край" (264), самого редактора „Брат убогих" (стр. 390) з його „в душі палкій багато мочи", В. Дом. „Поезія XX вику" та нших. Ще зауважимо, що „гіена" і „геена" — зовсїм речі не однакові, і кажучи „Гріх, *гіена*, пекло, кара" „затремти ж, *гіено*, пекло!" (стр. 169—170), д. впорядчик, знати, не дуже розрізняв одне од другого...

Се буде „пассив" збірника. Переходячи до „активу", бачимо попереду всього гарний вірш о. Верниволї „Тюрьма за волю" (стр. 4—5):

Я не боюсь тюрми і ката,
Вони для мене не страшні" і далі:
Що нам тюрьма! — То слава наша,
Ми всї тепер сидим в тюрмі,
Всі пем одну ми скорбну чашу
Одна вона — тобі й менї.

Есть тут і відомий „Козачий кістяк“ В. Мови (стр. 8—10), і „Каменярі“ І. Франка (стр. 11—12), і мало знаний „Стяг“ д. Н. (стр. 13):

Ось він, високо над нами,
Стяг освячений въ боях,
Гей хто з нами, не з рабами,
Хто стоптав ганебний страх, —
Станьмо вкупі й за Вкраіну,
Биймось, биймось до загину!

—

Глянь, написано на йому:
Воля — Сонце! Волі нам!
Воля духові людському
І робітницьким рукам!
Гей за волю й Україну
Биймось, биймось до загину“.

Далї — „Пісня про Буревісника“ Р—ко (стр. 26—27), „Зісланому борцеві“ Козачки (стр. 42—43), „Людскість“ В. Самійленка (47—48), „Сповідь Налывайка“ Л. Старицкої-Черняховской (48—50), „Тихше читайте сю річ“ Пенї (59—60), „Наша надія“ О. Левицького (67) „Плачте, люде“ І. Древлянця (76—77) „До молодї“ М. Старицького (86—87), „Мій Край“ П. Шелеста (120), „Te Deum“ В. Самійленка (121—123), „Мадярський магнат“ (138—139) „Смілі майстрі“ П. Грабовського (155) „Слово“ Лесї Українки (176), „Поклик до братів Славян“ М. Старицького (183—185), „Шпаки“ Дніпровоі Чайки (188—190), Проповідь на горі“ О. Кониського (191—194), „То приснилось мені“ С. Шелухина (194—196), „Заповіт“ Шевченка (225)...

Поховайте, та вставайте,
Кайдани порвіте,
І вражою злою кровю
Волю окропіте!

Потім: „Обоеми, серце з тобою“ А. Бобенка (236—237), „Гимн“ (Вичний революпіонер) І. Франко (239), „Ще не вмерла Україна“ П. Чубинського (3 уступи) (стр. 278), „Що то гроши“ А. Перепли (455), „Божий приказ“ В. Самійленка“ (457), „Пісенька“ М. Кузьменка (464), „Ельдорадо“ В Сивенького (471), „Любіте своїх ворогів“ П. Річицького (473) та багато і инчих, справді кращих, видатнїйших речей.

Збірник прикрашено 54 портретами писменників та артистів, при тім, знати, не надто на те вважалося, чи справді той або иншій портрет був дійсно потрібний в ньому, яко ілюстрація до творив, чи був an und fiir sich ілюстрацією... Справді, попадется, приміром, цей збірник людині, яка буде певна, що портрети—ілюстрація до творів, уміщених тут, і бачить портрети: Л. Гайдамаки, Манька, М. Старицької, Чечорського, П. Василенка, С. Паньківского, Дикової, Шостаковської. І нехай читач ломае голову, хто воны, якими вчинками здобули всеукраїнську славу.

Та не вважаючи на все—збірник д. Коваленка—цінне придбання, і для читанки дома і в громаді буде придатний.

В. Д—ий.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ характеристикѣ отношеній между монахами Мгарскаго монастыря и Лубенскими козаками въ 1649—1661 гг. Мгарскій монастырь, находящійся недалеко отъ Лубенъ, былъ основанъ въ первой четверти XVII вѣка, одновременно съ Густынскимъ и Ладинскимъ, Исаіей Копинскимъ, на земляхъ, данныхъ монастырю извѣстною Раиною „Могилянкою". Въ это время Лубны съ округой принадлежали князьямъ Вишневецкимъ, которые владѣли Лубенщиной до 1648 года. Знаменитый Іеремія Вишневецкій еще 17 февраля этого года далъ Мгарскому монастырю село Мгарь... Переворотъ, произведенный вслѣдъ за симъ Хмельницкимъ при участіи всего украинскаго народа и измѣнившій до корня всѣ соціальныя отношенія Украины, уничтожилъ въ краѣ крупную поземельную собственность. Въ первый моментъ по изгнаніи поляковъ, на Украинѣ былъ одинъ народъ, одно „поспольство", которому и принадлежала вся земля; ею владѣлъ тотъ, кто ее обрабатывалъ. Но такое положеніе продолжалось недолго, и вскорѣ собственникомъ на землю заявило себя товарищество, „войско", т. е. та часть народа, которая составляла полки Хмельницкаго. Положеніе монастырскихъ земельныхъ владѣній стало неопредѣленнымъ, ибо всѣ поземельные акты прошлаго времени стали считаться уничтоженными и право на землю перешло къ „войску", представитель котораго—гетманъ, отъ его имени и, предполагалось, съ его согласія, могъ раздавать земельныя угодія тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя оказали какія-либо услуги „войску".

Однако, такая тенденція не всегда приходилась по вкусу даже представителямъ „войска", которое, владѣя по мѣстамъ землями и угодіями, принадлежавшими ему на общественныхъ началахъ, не всегда считалось съ тѣми цѣлями, коими руководствовался гетманъ при

раздачѣ земель. Существовали земли, млины, гребли и вообще различныя угодія, собственникомъ которыхъ считало себя „товариство "извѣстнаго населеннаго мѣста. Такъ, напримѣръ, гребля въ Лохвицѣ, устроенная шляхтичемъ Святскимъ еще до Хмельницкаго, впослѣдствіи принадлежала лохвицкому „товариству", которое продало его козаку Самохвалову. Объ этомъ такъ разсказываетъ въ 1719 году старожилъ Лохвицы Яковъ Лесченко: „За держави лядской найпервей преченную гребелку занялъ и устроилъ шляхтичъ Святскій, которій бувало временемъ и товару чрезъ оную перепускать не кажетъ; а по вигнанню ляховъ з Малой Россіи Самохвалъ козакъ набувъ былъ себѣ *од товариства*, и не за велико, а по немъ Калинъ" и т. д. Монастыри, которые были единственными крупными поземельными собственниками по изгнаніи поляковъ, первые обратились къ Хмельницкому за подтвержденіемъ актовъ на землю, полученную отъ поляковъ. Естественно, что тутъ происходили иногда коллизіи; съ одной стороны всѣ старые акты были „скасованы козацкою саблею" по народному сознанію, а съ другой—эти самые акты подтверждались гетманомъ отъ имени „войска", причемъ гетманъ не считался съ интересами „товариства" данной мѣстности. И такія подтвержденія и новыя „надачи" земель монастырямъ вызывали иногда въ „товариствѣ" сильныя неудовольствія, доходившія порой до неповиновенія распоряженіямъ гетманской власти. Нѣкоторые документы, касающіеся даннаго круга явленій и рисующіе положеніе монаховъ среди „товариства", сбросившаго съ себя польское владычество и признавшаго себя единственнымъ хозяиномъ въ данной мѣстности, мы и приводимъ ниже.

Первый изъ печатаемыхъ документовъ—универсалъ Хмельницкаго отъ 23 февраля 1649 года. Въ немъ говорится, что „нѣкоторіе з товариства козаковъ войска его кролевской милости запороского смѣютъ и важатся непристойне над годность свою не тилко в справы духовніе, церковніе, священническіе ся втручати, але и самыхъ тыхъ священниковъ, духовныхъ отцовъ своихъ, не тилко зневажати, але и здоровя іхъ позбавляти, яко мнѣ о томъ дано знати, же на разныхъ мѣстцахъ до килку на сту особъ мало о смерть, біючи, забиваючи, не приправлено.." На „зневагу" отъ козаковъ жаловался гетману Кіевскій митрополитъ черезъ мгарскаго игумена и своего намѣстника Калистрата, который говорилъ, что „зневага" творится „над священниками в всей меную чойся маетности князя Вишневецкого на Заднепру..." Отсюда видно, что терпѣло отъ козаковъ духовенство всей Вишневеччины. Несомнѣнно, этотъ документъ указываетъ на то, что въ данное время козачество сознавало себя единственнымъ хозяиномъ и властью въ странѣ и считало возможнымъ вмѣшиваться даже въ церковныя

„справы“. Къ такому вмѣшательству духовенство относилось, разумѣется, несочувственно, что возбуждало, въ свою очередь, недовольство имъ среди козаковъ. Въ иныхъ мѣстахъ, какъ видно изъ документа, нѣкоторые изъ духовныхъ отцовъ едва не поплатились даже жизнью отъ расходившихся „рицеровъ“, простиравшихъ свою руку не только на церковныя дѣла, но и на церковныя богатства, полученныя при поляхъ... Получивъ жалобу, гетманъ „владзою“ своего гетманства предписываетъ таковыхъ „смѣлцовъ“ „на горлѣ карати“, не донося о томъ ему самому... „А еслибы мѣлъ въ чомъ кому“, говоритъ онъ далѣе: „священникъ виннимъ зоставати—оскаржить его старшому его, а о справедливость пристойне просить, такъ яко и они в насъ; а самому себѣ справедливости з духовного абы жаденъ не чинилъ подъ карностю вишей описанною безъ всякого милосердія абы былъ каранній“... (№ 1).

Этотъ документъ говоритъ лишь о „справахъ“ духовныхъ, но въ чемъ они заключались—изъ него не видно; слѣдующій—универсалъ Хмельницкаго отъ 9 мая 1651 года—говоритъ о тѣхъ же явленіяхъ уже опредѣлительные. Гетману жаловался мгарскій игуменъ на то, что „нѣкоторіе своеволники, запомнивши боязны Божой, великіе *утиски* и кривди монастыревѣ тамошнему и черцомъ, въ немъ мешкаючимъ, чинятъ и іхъ зневажаютъ, такъ до монастира приежжаючи купами не для побожности христіянской, але для лупезства, до монастира gвалтомъ напираются“... Опять гетманъ приказываетъ „такихъ своеволниковъ, которіе бы найменшую кривду мѣстцу святому чинили и в *пожитки, млини, поля, сѣножати, належачіе до монастира, втручались*, полковникъ нашъ наказній вѣшалъ, стиналъ и ведлугъ слушности каралъ“. „А еслибы“, прибавляетъ онъ, „имъ фолкговалъ, а насъ найменшая бы мѣла скарга дойты, жебы се якая кривда дѣяла поменованному монастиревѣ Мгарскому, теды самъ за тое от насъ будетъ каранъній“... Угроза, которую гетманъ дѣлаетъ здѣсь полковнику, какъ будто скрываетъ за собой неувѣренность въ томъ, что его приказъ будетъ выполненъ, и говоритъ о томъ, что случаи неповиновенья гетманской власти на этой почвѣ уже бывали... Этотъ документъ яснѣе указываетъ на причину взаимныхъ неудовольствій козаковъ и монаховъ, чѣмъ первый: онъ говоритъ о томъ, что „своевольники“ позволяютъ себѣ захватывать монастыркіе млины, поля, сѣножати и т. д. (№ 2).

Въ описываемое время Лубны входили въ составъ миргородскаго полка, и высшимъ представителемъ власти въ нихъ былъ лишь сотникъ. Но не стало крѣпче и спокойнѣе монастырское владѣніе и съ тѣхъ поръ, когда въ мартѣ—апрѣлѣ 1658 года въ Лубнахъ былъ образованъ Выговскимъ центръ отдѣльнаго лубенскаго полка во главѣ съ полков-

никомъ Павломъ Шевцомъ. Послѣдній ничего не могъ подѣлать съ вкоренившимся въ сознаніи своихъ полчанъ убѣжденіемъ, что всѣ земли и угодія принадлежатъ исключительно имъ, „товариству“, и что мгарскіе монахи не имѣютъ права на земли, данныя имъ поляками, или Хмельницкимъ... Въ данномъ случаѣ документы говорятъ о слѣдующихъ угодіяхъ монастыря: лѣсѣ, который былъ занятъ монахами послѣ изганія поляковъ и подтвержденъ затѣмъ Хмельницкимъ, и о лугѣ, „Ксендзовской лукѣ“ и перевозѣ на Лысой горѣ, которые были „наданы“ монастырю тѣмъ же гетманомъ. Изъ этихъ владѣній „Ксендзовская лука“ принадлежала при Вишневецкихъ лубенскимъ „бернардинамъ“...

Въ первомъ своемъ „листѣ“ къ лубенскому полковнику отъ 12 апрѣля 1658 года (№ 3) Выговскій пишетъ о томъ, что монахи терпятъ въ этихъ своихъ имѣніяхъ „немалую кривду“ отъ козаковъ лубенскихъ и посполитыхъ, и приказываетъ ему впредь этого „постерегать“ подъ опасеніемъ строгаго наказанія. Но приказъ этотъ не былъ выполненъ лубенцами, и 18 іюля того же года (№ 4) Выговскій вновь принужденъ былъ писать къ лубенскому полковнику по тому же поводу. На этотъ разъ тонъ его „листа“ былъ очень суровъ и рѣзокъ:

„Пане полковнику лубенскій! Дивуемося тому барзо, же вашмость легце поважаешь у себѣ наши унѣверсали, чинячи похвалки на отца игумена и чернцовъ Мгарскихъ и *не допускаючи онимъ луки, од насъ на монастирь Мгарскій наданной, косити*; для чого вамъ приказуемъ, абысте жадной онимъ не чинили перешкоди в луцѣ и не збороняли уживати и больш на чернцовъ не похвалялися...“

Этимъ, однако, столкновенія мгарскихъ монаховъ съ лубенскими козаками не кончились. „Листъ“ Юрія Хмельницкаго къ лубенскому атаману Павлу отъ 8 іюля 1661 года (№ 5) заключаетъ въ себѣ извѣстія о томъ, что „Ксендзовская лука“ была выкошена самимъ атаманомъ, который при этомъ „зневажилъ“ игумена, а въ лѣсу—причинена монастырю „шкода“ козакомъ Полонѣмъ... Со стороны гетмана послѣдовали угрозы по адресу атамана и приказъ вернуть накошенное сѣно монахамъ, которые, впрочемъ, заплатятъ ему то, что онъ истратилъ на косарей. Исполнилъ-ли атаманъ приказъ гетмана, или нѣтъ—не знаемъ; что же касается Полонѣя, то гетманъ приказываетъ ему идти въ „войско“. „Що онъ за козакъ: мы--у войску, а онъ—дома! Коли козакъ—нехай у войско идетъ; заневне горла не уйдетъ!“

Намъ кажется, что документы, которые мы здѣсь разобрали и приводимъ ниже цѣликомъ, свидѣтельствуютъ съ достаточной степенью ясности о томъ, что въ первыя десятилѣтія по уничтоженіи польскаго владычества на Украинѣ, гетманской власти приходилось вести борьбу

съ отдѣльными группами „товарищества“ изъ-за права распоряжаться землею. „Товарищество“ въ данной мѣстности право это считало принадлежащимъ лишь себѣ и не всегда признавало имѣющими силу распоряженія гетманской власти въ данной области. Интересы всего „войска“ сталкивались въ такихъ случаяхъ съ интересами отдѣльныхъ его частей, и монахи, владѣвшіе землями, полученными еще при полякахъ и подтверждаемыми имъ гетманами въ ущербъ интересамъ „товарищества“ даннаго населеннаго пункта, возбуждали среди козаковъ неудовольствіе и ненависть, которыя отъ „зневаги“ и „похвалокъ“ доходили до насилій всѣхъ видовъ, не только надъ имуществомъ духовенства, но и надъ самими „духовными отцами“... Съ ростомъ значенія гетманской власти, поддерживаемой московскимъ правительствомъ, случаи, подобные описаннымъ выше, становились все рѣже и рѣже, и къ концу XVII вѣка, кажется, совсѣмъ прекратились.

Документы взяты нами изъ рукописнаго тома актовъ мгарскаго монастыря.

В. Модзалевскій.

№ 1.

Универсалъ Богдана Хмельницкаго, жебы священниковъ и монаховъ свѣцкіе зневажать не важилися.

Богданъ Хмельницкій, гетманъ войска его крол[евскои] м[илости] запорозкого.

До вѣдомости доносимъ кождому, кому колвекъ буде вѣдати о томъ, меновите паномъ полковникомъ, сотникомъ, атаманомъ, козакомъ войска его кролевской милости запорожского, от старшихъ до найменшихъ, ижъ его милость в Бозѣ ясне превелебній отецъ митрополита Кіевскій православній, пастыръ нашъ, ускаржалми-ся писаніемъ своимъ през велебного господина отца Калистрата, ігумена Мгарского, намѣстника своего над священниками в всей меную чойся маетности князя Вишневецкого на Заднепру о то, ижъ нѣкоторіе з товариства нашего, козаковъ войска его кролевской милости запороского, смѣютъ и важатся непристойне над годность свою не тилко в справы духовніе церковніе священническіе ся втручати, але и самыхъ тыхъ священниковъ, духовныхъ отцовъ своихъ, не тилко зневажати, але и здоровя іхъ позбавляти, яко мнѣ о томъ дано знати, же на розныхъ мѣстцахъ до килку на сту особъ мало о смерть, біючи, забиваючи, не приправлено. Прето я владзою гетманства моего, а именемъ всего войска, таковимъ смѣлцомъ за оскарженемъ-ся и доводомъ слушнимъ не тилко

о бите, але и о наймнѣйшую (sic) словную въ непристойномъ поступку зневагу на духовныхъ богомолцовъ нашихъ, росказую таковихъ на горле карати и до мене таковіе справи не доносячи, що приказую паномъ полковникомъ моимъ миргородскому и прилуцкому, абы таковое справы перестерегали, чого не дай, Боже, еслибы притрафило; а еслибы тежъ мѣлъ в чомъ кому священникъ виннимъ зоставати, — оскаржить его старшому его, а о справедливость пристойне просить такъ, яко и они в насъ; а самому себѣ справедливости з духовного абы жаденъ не чинил, под карностю вишей описанною, без всякого милосердія абы былъ каранній.

При семъ васъ Господу Богу поручаю.

З Чигирина, року ҂ахмѳ (1649), мѣсяця февруарія, дня кг (23).

У подлинного унѣверсалу тако подписано:

Богданъ Хмелницкій рукою власною. (М. П.).

№ 2.

Унѣверсалъ гетмана Богдана Хмелницкого о караню полковнику миргородскому чинящихъ монастыревѣ утискъ.

Богданъ Хмелницкий, гетманъ, з войскомъ запорозскимъ.

Ознаймуемъ симъ писаніемъ нашимъ кождому, кому бы о томъ вѣдать належало, меновите паномъ полковникомъ, асавуломъ, сотникомъ, атаманомъ і всему товариству войска нашего запорозского, иж оповедали намъ и ознаймили от велебного господина ігумена монастира Мгарского, же нѣкоторіе своеволники, запомневши боязны Божой, великіе утиски и кривди монастиревѣ тамошнему и черцомъ, в немъ мешкаючимъ, чинятъ и іхъ зневажаютъ, такъ до монастира приежжаючи купами не для побожности християнской, але для лупезства, до монастира ґвалтомъ напираются. Прето мѣти хочемъ и владзею нашею гетманскою приказуемъ, абы такихъ своеволниковъ, которіе бы найменшую кривду мѣстцу святому чинили и в пожитки, млини, поля, сеножати, належачіе до монастира, втручались, полковникъ нашъ наказній вѣшалъ, стиналъ и ведлугъ слушности каралъ. А если бы имъ фолкговалъ, а насъ найменшая бы мѣла скарга дойты, жебы се якая кривда дѣяла помененному монастиревѣ Мгарскому, теды самъ за тое от насъ будетъ каранъній.

Данъ з табуру з подъ Зборова, дня ѳ (9) мая, року ҂ахна (1651).

У подлинного тако подписано:

Богданъ Хмелницкій рукою власною. (М П.) Іоанъ Выговскій, писаръ войсковий.

№ 3.

Унѣверсалъ Іоана Виговского, гетмана, оборонний на лѣсъ и луку Ксендзовскую и лугъ и перевозъ на Лисой Горѣ.

Іоанъ Виговский, гетманъ, з войскомъ его царского вел[ичества] запорозкимъ.

Пане полковнику Лубенский! Скарга насъ дойшла от отцевъ Мгарскихъ, иж там немалую кривду так от козаковъ полку в. м., яко и посполитихъ людей в лѣсѣ, до монастира належачомъ, такъже и в луцѣ Ксендзовской, и в спустошеню луга, и в инихъ кгрунтахъ монастирскихъ поносятъ. Пилно затимъ васъ жадаемъ и приказуемъ, абы в. м. того наддер (sic) пилно постерѣгали, яко бы болшей отцеве Мгарскіи в тих кгрунтахъ своихъ, особливе в лѣсѣ, луцѣ Ксендзовской, лузѣ и перевозѣ, на Лисой Горѣ найдуючомся, ни от кого найменшой кривди и перешкоди не поносили, и подданіе монастирскіе до жаднихъ повинностей през в. м. абы потягани не били, не чинячи иначей под срокгимъ каранемъ войсковимъ, также бы насъ найменшая николи скарга о томъ не доходила.

Датъ (sic) в Чигиринѣ, априля, дня кі (12), року ҂ахнн (1658).

В подлинномъ подписъ таковъ:

Іоанъ Виговский. (М. П.)

№ 4.

Унѣверсалъ Іоана Виговского оборонний на луки Ксендзовскіе, иже бы впред козаки ченцовъ не ругали и не похвалялися, и жебы оунѣверсаламъ гетманскимъ не были противни.

Іоанъ Виговский, гетманъ, з войскомъ его царского вел[ичества] запорозкимъ.

Пане полковнику Лубенский! Дивуемося тому барзо, же вшъм. легце поважаешь у себе наши оунѣверсали (чего-бы-смо и не сподѣвалися з в. м.), чинячи похвалки на отца ігумена и чернцовъ Мгарскихъ и недопускаючи онимъ луки, од насъ на манастиръ Мгарский наданной, косити; для чого вамъ приказуемъ, абысте жадной онимъ не чинили перешкоди в луцѣ и незбороняли оуживати и болшъ на чернцовъ не похвалялися, вѣдаючи о томъ, же кождий волѣ нашой противникъ и зневажаючий оунѣверсали, нашого срокгого войскового караня не уйдетъ, чого и в. м. постерѣгайтесъ, абысте ласки нашой незбили, что и повторе вамъ приказуемъ, жебы-сте не были перешкодою в оной луцѣ, для ласки нашой, иначей абы не было.

Данъ в Чигиринѣ, дня ні (18) іюля, року ҂ахни (1658).

В подлинномъ подписъ таковъ:

Іоанъ Виговский (М. П.).

№ 5.

Юрый Хмелницкій, гетманъ, з войскомъ его царского величества запорозкимъ.

П. атамане лубенский Павле! Пришла на тебе до насъ, до табуру скарга от велебного отца игумена Мгарского, же ся волѣ его милости пана отца добродѣя моего спротивляючися, луку Ксензовскую, на монастирь Мгарский наданную, покосилесъ, а еще мало на томъ маючи, тогожъ велебного отца игумена Мгарского зневажилесъ; глядячи на тебе и Полонѣй в лѣску перешкоду чинитъ. Прето жъ росказуемъ тобѣ сурово, под каранемъ войсковимъ, абысъ найменшой перешкоды в той луцѣ отцу игуменови Мгарскому не чинилъ, теди вѣдаешъ, же кто на чужомъ кгрунтѣ коситъ, — то не собѣ коситъ; зачимъ и ты не для себе косилъ, але на монастиръ, однакожъ коштъ, щось на косаровъ уложилъ, тобѣ от отца игумена вернений будетъ, а другій разъ не важся косити, да и игумена не зневажай, бо самъ в зневагу попадешъ, такъ же и Полонѣю кажи, нехай в лѣскуперешкоды не чинитъ, а що онъ за козакъ: мы у войску, а онъ—дома! Коли козакъ—нехай у войско идетъ, запевне горла неуйдетъ; абы теды иначей не были, сурово приказуемъ.

Данъ в табурѣ на вершинахъ Ташлицкихъ, іюля н (8), року ҂ахѯа (1661).

В подлинномъ подписъ таковъ:

Юрій Хмелницкий, рука власна.

О свято-Духовской церкви Кіево-Братскаго монастыря. Нынѣшняя Свято-Духовская церковь Кіево-Братскаго монастыря до пожара 1811 года называлась Борисоглѣбскою. О Борисоглѣбской же трапезной церкви сего монастыря есть очень раннія свѣдѣнія. О ней упоминаетъ еще Мелетій Смотрицкій около 1625 года. Въ 1653 году. архидіаконъ Павелъ Алеппскій, племянникъ и спутникъ Антіохійскаго патріарха Макарія, посѣтивъ Кіево-Братскій монастырь, видѣлъ въ немъ „трапезную, въ одинъ нефъ, изъ камня и извести, съ длиннымъ сводомъ и съ высокою дверью на фронтѣ, боковые столбы которой были мраморные. Въ абсидѣ алтаря (Борисоглѣбскаго) и

на алтарной аркѣ изображены были нѣкоторыя евангельскія событія и особенно страданія Христовы[1]). По нашему мнѣнію, она построена была, вмѣсто прежней деревянной, около 1652 года[2]). Но то была не нынѣшняя Свято-Духовская церковь, а теперешняя монастырская трапеза, дѣйствительно продолговатая, въ одинъ нефъ, и оканчивавшаяся алтарнымъ полукружіемъ, которое въ XIX вѣкѣ отдѣлено было отъ самой трапезы въ видѣ особой келіи монашеской, а теперь служитъ помѣщеніемъ для старой ризницы. Въ этой монастырской трапезѣ и доселѣ виситъ большая картина съ изображеніемъ евангельскихъ событій и страданій Христовыхъ, представляющая копію съ описанныхъ Павломъ Алеппскимъ изображеній.

Что же касается нынѣшней Свято-Духовской церкви, прежде называвшейся тоже Борисоглѣбскою, то первое упоминаніе о ней мы находимъ подъ 1740 годомъ. Въ этомъ году, 14 ноября, префектъ Кіевской Академіи іеромонахъ Михаилъ Козачинскій вошелъ къ Кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому съ докладомъ, въ которомъ писалъ: „Въ Кіево-Братскомъ монастырѣ въ церкви студентской, надъ трапезою созданной, конгрегація нарицаемой, отдавна помостъ весь очень движется и уже къ едной сторонѣ похилился мало. Для чего сего 1740 года октября 29 дня послани были майстри плотніе осмотрѣть и подчинить, и подорвавши нѣсколько мостинъ, зъ свѣщами внутрь лазили и по осмотру сказали тое, что брусся де очень при концахъ въ муру погнило. Почему и собиратися тамъ на псалмопѣніе народу зело опасно, чтобъ не провалилося. А понеже такого брусся новаго шестосаженевыхъ дубовъ съ 8-мъ нынѣ сискати и такъ скоро подчинить не можно, того ради всепокорнѣйше прошу Вашего Преосвященства, да благословитъ Преосвященство Ваше въ Кіево-Братскомъ монастырѣ въ самой трапезѣ по недѣлямъ и праздникамъ божественную литургію священнодѣйствовать". На семъ докладѣ м. Рафаилъ Заборовскій положилъ такую резолюцію: „Позволяется по маломъ освѣщеніи алтаря и дабы не было ничего въ олтарь вносимо, кромѣ ко служенію потребнаго[3]). Это двухъ-ярусное зданіе, съ конгрегаціонную въ верхнемъ и съ трапезною церковію въ нижнемъ ярусѣ, вполнѣ соотвѣтствуетъ нынѣшней Свято-Духовской церкви. Нижняя трапезная церковь, вѣ-

---

1) „Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в." архидіакона Павла Алеппскаго, вып. 2, м. 1897 г. стр. 78 и 79.

2) Труды Кіевской Дух. Академіи, іюль 1905 г., стр. 449.

3) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи" отд. II. т. 1, ч. 1, Кіев. 1904 г., стр. 256—7.

роятно, была Борисоглѣбская, а верхняя конгрегаціонная—Благовѣщенская.

Въ томъ же 1740 году окончена была постройкою новая нынѣшняя конгрегаціонная Благовѣщенская церковь надъ старымъ академическимъ (Мазепинскимъ) корпусомъ, послѣ чего прежнее помѣщеніе конгрегаціонной церкви надъ монастырскою трапезною церковію назначено было для помѣщенія академической библіотеки[1]). 9 марта 1780 года Кіевскій митрополитъ Гавріилъ Кременецкій доносилъ св. Синоду, что 29 февраля 1780 года, въ 4 часа по полудни, на трапезной Борисоглѣбской церкви Братскаго монастыря сгорѣлъ верхъ и „находившаяся на той же церкви въ горѣ подъ верхними сводами академическая на разныхъ языкахъ библіотека, состоявшая изъ 8.632 книгъ, такожъ и начальническія келліи совсѣмъ погорѣли[2]). Въ 1811 году трапезная Борисоглѣбская церковь, вмѣстѣ съ Братскимъ монастыремъ, пострадала отъ пожара, но наскоро была поставлена, и въ ней поставленъ былъ иконостасъ сгорѣвшей Кіево-Подольской приходской Свято-Духовской церкви, вслѣдствіе чего и сама эта церковь переименована была въ Свято-Духовскую[3]). Въ половинѣ прошлаго XIX столѣтія сдѣланы къ этой Свято-Духовской церкви каменныя пристройки, въ видѣ внутреннихъ папертей съ западной, южной и сѣверной сторонъ, изъ-за которыхъ снаружи виднѣется только верхній ярусъ прежней основной церкви.

Теперь спрашивается, когда же построена трапезная Борисоглѣбская, переименованная въ Свято-Духовскую, церковь?

Изъ приведеннаго выше извѣстія о ней видно, что въ 1740 году помостъ и полъ въ верхнемъ ярусѣ этой церкви, занятомъ тогда конгрегаціонною церковію, уже сильно истлѣлъ, для чего нужно было, по меньшей мѣрѣ, отъ 40 до 50 лѣтъ. Поэтому церковь эта могла быть построена не позже конца XVII вѣка. Съ другой стороны, въ 1653 году, когда Павелъ Алеппскій посѣщалъ и описывалъ Кіево Братскій монастырь, еще не было этой церкви, которая замѣнялась тогда нынѣшнею Братскою трапезною. Ключъ къ болѣе точному опредѣленію времени постройки этой церкви даетъ нынѣшній Кіевскій военный Николаевскій соборъ, первоначально построенный гетманомъ Мазепою въ 1690—1696 годахъ для Кіево-Николаевскаго монастыря[4]). Въ бли-

---

[1]) Тамъ-же стр. 257.

[2]) „Кіев. Академія во второй половинѣ XVII в.; Н. И. Петрова. Кіевъ, 1895 г. стр. 117.

[3]) „Историко топографич. очерки древняго Кіева, Н. И. Петрова, Кіевъ, 1897 г., стр. 217.

[4]) Тамъ же, стр. 70.

жайшемъ сосѣдствѣ съ соборнымъ храмомъ и донынѣ стоитъ старинная, каменная, прекрасно сохранившаяся трапезная церковь, съ двумя боковыми входами въ находящіяся подъ нею подвалы, теперь обращенная въ военный цейхгаузъ и недоступная стороннему изслѣдователю. Можетъ быть, поэтому она доселѣ и не обращала на себя вниманія нашихъ археологовъ. По сообщенію клира этого собора, въ его церковномъ архивѣ есть данныя, свидѣтельствующія о томъ, что и эта трапезная церковь построена была для Николаевскаго монастыря тоже Мазепою и, слѣдов., въ одно время съ главною монастырскою церковію. При этомъ нужно припомнить, что тотъ же гетманъ Мазепа построилъ въ 1690—3 гг. и главную нынѣшнюю Богоявленскую церковь Кіево-Братскую[1]), и, слѣдов., могъ, по принятому имъ обычаю, построить и трапезную церковь Кіево-Братскаго монастыря. По нашему наблюденію, трапезная церковь при Николаевскомъ военномъ соборѣ и верній ярусъ Свято-Духовской церкви Кіево-Братскаго монастыря—одного архитектурнаго типа.

Косвенными доказательствами тому, что нынѣшняя Братская Свято-Духовская церковь построена Мазепою же въ 1690-хъ годахъ, могутъ быть и слѣдующія: 1), въ 1690 году разобрана была старая деревянная Богоявленская церковь Братскаго монастыря и перенесена, подъ именемъ Андреевской, на мѣсто нынѣшней Андреевской церкви, а на мѣстѣ ея стала строиться нынѣшняя каменная Богоявленская церковь[3]). Не могъ же Братскій монастырь оставаться въ это время безъ болѣе или менѣе значительной церкви. Вѣроятно Мазепа, прежде чѣмъ разобрать старую деревянную церковь и строить новую, и построилъ трапезную Борисоглѣбскую. 2) Ректоръ Кіевской Академіи Іоасафъ Крокавскій (1693—1697) возстановилъ при Кіевской Академіи студенческую конгрегацію, раздѣливъ ее на старшую во имя Благовѣщенія и младшую во имя зачатія Св. Анны[3]). Предполагается, что Благовѣщенская конгрегація и пріурочена была имъ къ конгрегаціонной Благовѣщенской церкви, находившейся надъ трапезною.

Надобно полагать, что со времени постройки трапезной Борисоглѣбской церкви съ Благовѣщенскою надъ нею, прежняя монастырская трапеза съ алтаремъ уже перестала быть церковію и сдѣлалась только трапезою.

Н. П.

---

[1]) Тамъ же стр. 211.

[2]) Труды Кіев. Дух. Акад., декабрь, 1900 г., стр. 618.

[3]) „Кіевская Академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій. С. Голубева, Кіевъ, 1901 г. стр. 76—7.

Письмо Полтавскаго полковника Андрея Горленка къ кіевскому митрополиту Тимоѳею Щербацкому. Ясне в Бгу преосвященнѣйшій Архіепископъ и Мытрополитъ Киевскій і Галицкій, Малія Россіи, мой млствій отче и архипастиру! По общому всѣхъ и особливо парафіянъ соборной городовой Полтавской церкви желанію, намѣренно в томъ-же городѣ Полтавѣ вновь устроить соборную каменую церковь в память Успенія Пресвятія Богоматере с предѣлами святыхъ апостолъ Петра и Павла и пророка Иліи, к чему уже камень, вапно и кирпичъ приуготовлено и приуготовляется, о чемъ в духовное здешней протопопіи Полтавской правленіе подано особливо прошеніе; того рады вашего ясне в Богу преосвященства со всенижайшою моею покорностію прошу на основаніе оной церкви видать от вашего преосвященства благословительній указъ, к полученію котораго і нарочно отправленъ знатной мѣщанинъ Семенъ Максыменко. В протчем предав себе неотмѣнной милости и архипастерскому благословенію, і остаюсь с глубочайшим моимъ упокореніемъ. Вашего преосвященства всенижайшій слуга Андрей Горленко. Августа 10 дня 1748 году, с Полтави.

Благословеніе было дано; церковь построили. 25 ноября 1768 года тотъ-же самый полковникъ Андрей Горленко просилъ митрополита Арсенія Могилянского о разрѣшеніи устроить на хорахъ Успенской соборной г. Полтавы церкви придѣлъ во имя св. великомученицы Варвары. (Изъ архива Екатеринославской духовной консисторіи, дѣло 1769 г., № 2 „о устроеніи въ Полтавской соборной Успенской церкви на хорахъ придѣла св. великомуч. Варвары“).

Сообщ. **В. Бѣдновъ.**

Письмо генеральнаго обознаго Семена Васильевича Кочубея къ митрополиту Кіевскому Гавріилу Кременецкому. Ясне в Богу преосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь и благодѣтель мой! Полтавского полку въ деревнѣ моей Трибахъ церковь во имя святаго Іоанна Златоустаго по древности ѳѣ пришла ко обветшанію. Сей рады причины вашего преосвященства всепокорнѣйше прошу дозволить мнѣ оную реставровать перенесеніемъ на другое выгоднѣйшое мѣсто, о чемъ дать указъ отцу протопопѣ Полтавскому Яновскому. Вашего преосвященства всепокорнѣйшій слуга Семенъ Кочубей. Глуховъ, іюля 15 д., 1771.

Митрополитъ на этомъ письмѣ положилъ резолюцію: 1771 году іюля 26 д., Гдь Бгъ да благословитъ на святое дѣло. Дать указъ въ надлежащей силѣ по требованію сего“ Въ приходѣ села Трибъ имѣлось „приходскихъ дворовъ 10, а бездворнихъ хатъ 34, душъ мужеска пола 160,

женска 165." (Изъ дѣла архива Екатеринослав. духов. консисторіи 1771 г. № 50—„о заложеніи Полтавской протопопіи въ селѣ Трибахъ вновь церкви").

Сообщ. **В. Бѣдновъ.**

Таинственный крестъ въ с. Молчанахъ. (Ямпол. у. Подол. губ.) Студентъ нашего Университета г. Л. Бялковскій въ своемъ письмѣ къ намъ сообщаетъ свѣдѣнія о четырехъ каменныхъ крестахъ въ с. Молчанахъ, изъ коихъ одинъ заслуживаетъ особаго вниманія. Письмо студ. Бялковскаго такого содержанія:

„Село Молчаны находится въ томъ водораздѣлѣ между рр. Мураффой и Мурашкой, который составлялъ нѣкогда окраину Летичевскаго повѣта Подольскаго воеводства. Село это лежитъ въ 15 верстахъ отъ м. Шаргорода и до послѣдней четверти XVIII в. входило въ составъ имѣній Шаргородскаго ключа. „Первая церковь была деревянная, разрушенная татарами во время одного изъ набѣговъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ была эта церковь, находятся два каменныхъ креста безъ надписей. Вторая церковь была построена въ 1717 году и просуществовала до 1899 г. Нынѣшній храмъ сооруженъ въ 1891 году".[1]) Я видѣлъ эти два каменныхъ креста, говоритъ далѣе г. Бялковскій, они безъ надписей и находятся въ самомъ селѣ. Существованіе когда-то церкви на мѣстѣ этихъ двухъ крестовъ подтверждается преданіемъ, даже сохраняющимся до сихъ поръ у мѣстныхъ крестьянъ. Однако, ни „Труды Подол. Епарх. и историко-статистич. Комитета", ни Stownik geograficzny Królewstwa Polskiego", ни какое либо другое изданіе, заключающее въ себѣ описаніе мѣстностей Юго-Западнаго края, совершенно не упоминаютъ о третьемъ крестѣ со славянской надписью. Объясняется это тѣмъ, что упомянутый третій крестъ находится внѣ села, въ одной верстѣ къ сѣверу отъ него, среди полей, такъ что даже я,—пишетъ г. Бялковскій, —съ дѣтства часто проживающій въ с. Молчанахъ, не зналъ о его существованіи. Лишь въ минувшемъ августѣ 1905 г. мнѣ удалось, благодаря любезности мѣстнаго священника о. Городецкаго, ознакомиться съ рукописью его сочиненія: „Церковная лѣтопись Успенской церкви села Молчанъ". Изъ этой лѣтописи я, между прочимъ, узналъ о существованіи этого третьяго каменнаго креста среди полей и тотчасъ же отправился изслѣдовать его.

---

[1]) Труды Подол. Епарх. историко-статистич. Комитета. Вып. 9-й, подъ ред. свящ. Е. Сѣцинскаго: Приходы и церкви Подол. епархіи. Каменецъ-Подольскъ. 1901 года.

Судя по краткости замѣтки о крестѣ въ лѣтописи, авторъ ея, повидимому, не придаетъ особаго значенія надписи, такъ какъ не отмѣчаетъ даже года постановки креста, ограничиваясь словами: „крестъ къ сѣверу, въ полѣ, со славянской надписью: „усѣченъ рабъ божій Іоаннъ“. Этотъ Іоаннъ, по преданію, состоялъ разносчикомъ панскихъ писемъ и былъ убитъ гайдамаками и на мѣстѣ убійства похороненъ. Такое объясненіе автора лѣтописи я считаю мало вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что оно вовсе преданіемъ не подтверждается. Двое изъ молчанскихъ поселянъ передавали мнѣ, что въ недавнее время нѣкоторые пытались искать въ томъ мѣстѣ кладъ, предполагая указанія на него въ подписи на крестѣ; но не будучи въ состояніи прочесть эту надпись, рѣшили, что таинственныя буквы слѣдуетъ читать отраженными въ зеркалѣ.

Замѣчательно, что какъ этотъ крестъ, такъ и самое село, связываются въ мѣстномъ преданіи съ воспоминаніями о козачествѣ и гайдамачествѣ. Утверждаютъ, что село Молчаны заселено козакомъ Молчаномъ—осадчимъ, который похороненъ тутъ же, на южной границѣ села, подъ каменнымъ крестомъ, безъ надписи. Это, по счету, четвертый крестъ;—онъ стоитъ среди широкой улицы; форма всѣхъ четырехъ крестовъ совершенно одинакова.

Третій крестъ, стоящій теперь въ полѣ, былъ окруженъ, по словамъ стариковъ, огромнымъ лѣсомъ, что вполнѣ вѣроятно, такъ какъ остатки лѣса сохранились до сихъ поръ.

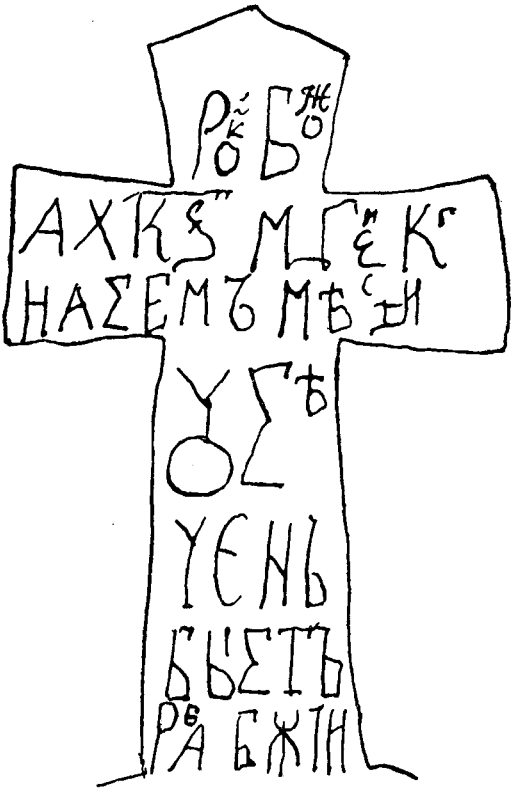
Въ концѣ своего письма студ. Бялковскій воспроизводитъ въ рисункѣ фигуру креста и подпись на немъ. Надпись вполнѣ разборчива и читается такъ на лицевой сторонѣ:

„*Року Бож.* **ахк҃ѕ**, *м. генв.* **к҃г**, *на семъ мѣсци усѣчень бысть раб. Бжій*“... На задней сторонѣ креста обозначено было имя казненнаго; отъ имени сохранились только буквы „**нд**“.

Изъ этой надписи слѣдуетъ, что 23 января 1626 г. на мѣстѣ нахожденія креста казненъ отсѣченіемъ головы „*рабъ Божій*“, во имя котораго входили буквы *нд*“ и нѣтъ никакого основанія читать здѣсь имя „Іоаннъ“, занесенное въ церковную лѣтопись свящ. Городецкимъ. Увѣковѣченный надписью на крестѣ и самой постановкой креста фактъ выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ фактовъ мѣстной жизни. Кто и за что въ началѣ XVII в. въ этой глухой мѣстности могъ быть казненъ? Обратимся къ исторіи.

Начало XVII в. было началомъ той внутренней борьбы въ нашемъ краѣ, принадлежавшемъ тогда Польшѣ, которая привела бывшую Рѣчь Посполитую сначала къ ослабленію, а затѣмъ, послѣ войнъ Хмельницкаго, и къ распаденію. Къ разгару этой борьбы

относится и таинственный крестъ въ с. Молчанахъ; въ это время она съ ожесточеніемъ велась между католиками и уніатами, съ одной стороны, и православными, съ другой; каждая изъ борющихся сторонъ пользовалась поддержкой: уніаты—поддержкой польскаго правительства и общества, а православные—поддержкой народа и козачества. Дошедшіе до насъ историческіе матеріалы говорятъ что въ этой борьбѣ погибъ шаргородскій протопопъ; онъ былъ убитъ козаками. Неясное упоминаніе объ этомъ убійствѣ встрѣчается въ полемическомъ сочине-



ніи Supplementum Synopsis", изданномъ въ 1632 г. Виленскимъ православнымъ братствомъ. Православные на обвиненіе ихъ уніатами въ убійствѣ шаргородскаго протопопа отвѣчаютъ, что имъ „protopopy jakegos szorogrodzkiego czy utopienie czy zomordowanie—неизвѣстно, и протопопа этого они не знали. Это вполнѣ и вѣроятно: виленскіе братчики могли даже не слыхать о томъ, что случилось въ маленькомъ городкѣ далекой Подоліи.

Въ 1891 г. проф. С. Т. Голубевъ въ разъясненіе этого темнаго факта напечаталъ[1]) два весьма важныхъ документа: 1, грамоту львовскаго и каменецкаго православнаго епископа Іереміи Тиссаровскаго къ шаргородскимъ мѣщанамъ, въ которой онъ, указывая на то, что шаргородскіе священники Матвѣй и Андрей, съ нѣкоторыми единомысленными своими, погордѣвши единою преданіями отеческими, ... не престаютъ крамолки всченать и вамъ, вѣрнымъ Богу и церкви Его, возмущать и колотить новины вносятъ въ церковь Божію подойржанныя и давно одъ нее оттятые и отверженные; далѣе епископъ приказываетъ, чтобы мѣщане этихъ священниковъ (т. е. Матвѣя и Андрея) „за поповъ у себе не смѣли мѣть, а ни ихъ при церквѣ вашей держать, а ни терпѣть". Епископъ Іеремія прибавляетъ, что онъ раньше изъ м. Мурахвы послалъ объ этомъ грамоту шаргородскимъ мѣщанамъ, но грамота эта почему-то до нихъ не дошла. Настоящая вторая грамота, вѣроятно по ошибкѣ переписчика, помѣчена 1681 г. Проф. Голубевъ относитъ ее къ 1618 г., что и будетъ вполнѣ правильно, такъ какъ Іеремія Тиссаровскій умеръ въ этомъ санѣ въ 1641 г.

Мѣщане исполнили приказаніе своего епископа и не пожелали „при церкви своей держать, а ни терпѣть" уніатовъ-священниковъ; они призвали козаковъ, а тѣ ночью напали на дома священниковъ, связали послѣднихъ и привели къ своему сотнику, который своей рукой отсѣкъ голову одному изъ нихъ, именно, протопопу, приказалъ тѣло Христова мученика бросить въ рѣку; на разсвѣтѣ явился староста и нашелъ остальныхъ священниковъ ожидающими смерти; онъ освободилъ священниковъ, а козаковъ приказалъ вывести изъ города; выведенъ былъ и виновный сотникъ; въ трехъ миляхъ отъ города онъ со своимъ отрядомъ былъ разбитъ татарами, призванными, повидимому, старостой; самъ сотникъ былъ убитъ (или казненъ отсѣченіемъ головы), прочіе козаки частью убиты, частью взяты въ плѣнъ, и не многіе лишь спаслись бѣгствомъ; тотъ мѣщанинъ, который привелъ козаковъ, хотя остался невредимъ, но вскорѣ однакоже былъ пораженъ внезапною смертью. Тѣло убитаго протопопа католики извлекли изъ рѣки и съ большой торжественностью похоронили въ приходскомъ костелѣ. Одинъ избѣжавшій меча священникъ, 70-лѣтній старецъ, оставшійся въ крайней бѣдности вслѣдствіе разоренія его дома и имущества козаками, былъ посланъ съ сообщеніемъ о случившемся къ митрополиту Іосифу Вельямину-Рутскому, пройдя пѣшкомъ 130 миль не столько польскихъ, сколько русскихъ, которые гораздо больше[2]), какъ замѣчаетъ при этомъ митрополитъ Іосифъ Вельяминъ-Рутскій.

---

[1]) „Чтенія въ историчн. Общ-ва Нест.-Лѣтоп., кн. V, отд. III, стр. 211—214.

[2]) Польская миля равна 5, а русская 7 верстамъ.

Приведенныя нами подробности заключаются во второмъ документѣ, напечатанномъ проф. Голубевымъ—извлеченіи изъ письма уніатскаго митрополитъ Іосифа Вельямина-Рутскаго къ о. Георгію Мойеру, іезуиту, ректору Августинской коллегіи". Письмо относится къ 25 іюня 1622 г.—Оно, какъ и грамота львовскаго епископа, дошло до насъ въ копіи: въ грамотѣ, какъ мы уже сказали, дата несомнѣнно ошибочная. Дата письма также возбуждаетъ сомнѣніе, и нѣтъ никакихъ основаній считать ее подлинной.

Сопоставляя содержаніе этихъ двухъ документовъ съ надписью на таинственномъ крестѣ, мы находимъ между ними слѣдующія точки соприкосновенія: 1, всѣ они очень близки по времени, относясь къ 1620 годамъ; 2, письмо митрополита и надпись на крестѣ говорятъ о казни чрезъ отсѣченіе головы; 3, письмо говоритъ, что казнь была совершена надъ козаками въ 3-хъ миляхъ отъ г. Шаргорода, т. е. верстахъ въ 15-ти отъ города, а это и есть мѣсто нахожденія креста, т. е. оба памятника, и письменный, и лапидарный, указываютъ на одно и то же мѣсто. Въ виду этого, мы позволяемъ себѣ думать, что они говорятъ объ одномъ и томъ же фактѣ, и надпись на крестѣ подтверждаетъ событіе, совершившееся въ Шаргородѣ.

Признавая это и имѣя въ виду подлинность надписи на крестѣ, мы вправѣ, я думаю, установить теперь, что нападеніе козаковъ на Шаргородъ и убійство ими протопопа уніата имѣло мѣсто въ 20-хъ числа января 1626 г., а не 1622 г., и что подъ крестомъ съ надписью погребенъ казненный отсѣченіемъ головы козацкій сотникъ.

Но студ. Бялковскій, какъ мы видѣли выше, говоритъ еще о трехъ крестахъ безъ надписей въ разныхъ мѣстахъ въ с. Молчанахъ; всѣ эти кресты по его заявленію одинаковы по своимъ формамъ, и потому должны быть отнесены къ тому же времени. Вѣроятнѣе всего, поэтому, что кресты эти стоятъ не на мѣстѣ погребенія основателя села—козака Молчана и не на мѣстѣ нахожденія старой церкви, а на мѣстѣ погребенія другихъ козаковъ, убитыхъ одновременно съ казненнымъ сотникомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо митрополита.

И. Каманинъ.

Памятникъ Т. Г. Шевченку и подписка на него. Еще въ 1904 г. Золотоношское уѣздное земское собраніе постановило ходатайствовать о разрѣшеніи подписки на постановку памятника Т. Г. Шевченку въ ближайшіе юбилейные сроки, т. е. или въ 1911 году, въ 50-тилѣтіе со дня смерти поэта, или въ 1914 году, въ 100-лѣтіе со дня рожденія его. Тогда-же былъ намѣченъ мѣстомъ постановки памятника г. Кіевъ, какъ центръ Украины. Несмотря на то, что въ томъ-же году ходатайство это было поддержано полтавскимъ губернскимъ земствомъ, все-

россійская подписка на памятникъ не была разрѣшенъ. Въ настоящее время мы получили отъ Золотоношской земской управы увѣдомленіе, что министръ внутреннихъ дѣлъ разрѣшилъ открыть повсемѣстную, въ предѣлахъ Имперіи, подписку на сооруженіе въ Кіевѣ памятника поэту Т. Г. Шевченку.

Извѣщая объ этомъ нашихъ читателей, считамъ долгомъ заявить, что въ редакціи журнала „Кіевская Старина“ принимается подписка на сооруженіе памятника Т. Г. Шевченку въ Кіевѣ, и что еще въ прошломъ году начали поступать посильныя жертвы на это дѣло, въ очень ограниченномъ, впрочемъ, количествѣ. Такъ, въ № 4-мъ за 1905 годъ было дано извѣщеніе о томъ, что на эту цѣль поступило 502 рубля (отд. II, стр. 47), въ № 9-мъ за тотъ-же годъ—о поступившихъ 42 р. 60 к. (отд. II, стр. 119) и въ № 10-мъ—о поступленіи 8 рублей (отд. II, стр. 16), —а всего 552 р. 60 к. Въ настоящее время намъ вновь присланы: 1) изъ Зѣнькова (полт. губ.) 54 руб. 38 коп., вырученные отъ спектакля, устроеннаго любителями 7 апрѣля 1906 г.; 2) отъ Н. В. Лисенка 452 р., вырученные отъ концерта, устроеннаго имъ въ залѣ Купеческаго собранія въ Кіевѣ 23 марта 1906 года,—а всего 506 р. 38 к., что, вмѣстѣ съ прежде поступившими 552 р. 60 к. составитъ 1058 р. 98 к. Отчетъ о концертѣ, устроенномъ Н. В. Лисенко, при семъ прилагается въ видѣ письма его въ редакцію.

Вельми Шановний Добродію, пане Редактор!

Воліть з ласки замістити в місячникові „Київ. Стар.“ наступне спровождане з концерту мною урядженого 23-го Березоля на памьять 45 роковин смерти нашого поета, Т. Шевченка, в залі Купецького зібрання.

Огульного збору з концерту склалося 828 р. 54. к.

Видатки по концерту:

За зал Куп. зібр.— 150 р. По рапортичці, добр. Ящевським поданій: 121 р. 12 к. (буфет для хора—35 р., витання артистів 13 р. 95 к., карета—16 р.; вішалка для хору—5 р. челяді, буфетній і клубній—6 р. 5 к., фаетон—3 р. 70 к. Вечірня касса, контроль і коммісія з магазину Ідзіковського — 41 р. 42 к.) Рояль від магазину Д. Куе 15 р. Художникам за іллюстріровані програмки для артистів—14 р. Переписка нот для хору, перевозка портрета, каѳедри й інші дрібні видатки 26 р. 60 к. Забрані ноти для концерту артистам, об'явки, афиші, програми—49 р. 87. к.

Чистий добуток 452 руб. передаю до рук Ваших і прошу Вас долучити до тих 500 руб., що я торік зібрав у концерті, в тій же меті даденному на поставленя пам'ятника Шевченку у Київі.

З глибоким поваженям до Вас М. Лисенко.

Текущія извѣстія.

Украинскія партіи. Издатели сборниковъ программъ и платформъ народившихся у насъ политическихъ партій ограничиваются обыкновенно перечнемъ только великорусскихъ партій; о томъ же, въ какія формы отливается пробудившаяся политическая мысль на Кавказѣ, на Украинѣ, въ Польшѣ, Финляндіи, Сибири, Средней Азіи и т. п.—упоминать считается излишнимъ. Предполагается, что на всемъ пространствѣ отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды и отъ Амура до Днѣстра могутъ встрѣчаться только тѣ оттѣнки идеаловъ государственнаго устройства, какіе были выработаны въ С.-Петербургѣ и Москвѣ на съѣздахъ разныхъ партій и затѣмъ распространены въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ по всей Россіи. На самомъ же дѣлѣ, на ряду съ этимъ центробѣжнымъ распространеніемъ освободительныхъ идей давно уже шла работа политической мысли и на такъ называемыхъ „окраинахъ", изъ которыхъ Украина представляетъ изъ себя область, равную почти половинѣ Европейской Россіи (если исключить изъ послѣдней Кавказъ, Польшу, Остъ-Зейскій край, Финляндію).

Страннымъ можетъ показаться такое, напр., безразличное отношеніе прессы къ мусульманскимъ народамъ, при которомъ ни одна изъ столичныхъ газетъ не помѣстила резолюцій съѣзда ихъ представителей, состоявшагося лѣтомъ прошлаго года. Еще болѣе странно невниманіе къ тѣмъ явленіямъ умственной и политической жизни, развитіе которыхъ имѣетъ уже свою исторію. Вѣдь объ автономіи Украины при федералистическомъ строѣ цѣлаго государства уже въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія говорило кирилло-меѳодіевское братство, члены котораго были сосланы за однѣ только мысли о возможности такого строя. И нельзя себѣ представлять, чтобы вслѣдъ за ихъ ссылкою идеалы этого братства были совершенно затоптаны и уничтожены мѣрами репрессій. Они жили и развивались, но при цензурномъ гнетѣ не находили себѣ выраженія въ нашей прессѣ: такимъ послѣдователямъ идей братства, какимъ былъ М. П. Драгомановъ, приходилось высказываться лишь заграницею. Тамъ же и въ самое послѣднее время (1904) оглашены были главнѣйшія пожеланія украинской демократической партіи, о которой говорило также и „Освобожденіе".

Такъ какъ эти пожеланія въ видѣ краткой платформы послужили основою для выработки болѣе подробныхъ программъ образовавшихся въ 1905 году украинскихъ партій, то мы можемъ ограничиться пересказомъ лишь главнѣйшихъ положеній этой платформы, чтобы въ будущемъ имѣть возможность слѣдить за развитіемъ и существующихъ,

и нарождающихся въ украинской области политическихъ партій. Свобода слова, вѣры, собраній, обществъ, неприкосновенность личности, уничтоженіе привилегій и равенство, непосредственные, всеобщіе, равные и тайные выборы въ парламентъ—вотъ тѣ общія требованія, которыя объединяли эту украинскую демократическую партію съ другими общерусскими прогрессивными партіями. Но въ редакціи мотивовъ къ положеніямъ украинская платформа отличалась отъ другихъ платформъ того времени тѣмъ, что говорила не объ одномъ народѣ, а о народахъ, населяющихъ Россію, и особенно о такъ называемыхъ „негосударственныхъ“ (недержавныхъ) народахъ; главное же вниманіе обращала на ту централистическую систему, которая царствуетъ у насъ наперекоръ всѣмъ индивидуальнымъ потребностямъ отдѣльныхъ народовъ и не считается съ соціально-экономическими и національно-культурными ихъ нуждами. Оттого центръ тяжести пожеланій украинской демократической партіи заключался въ ограниченіи централизаціи и расширеніи мѣстной автономіи на территоріи Украины съ уравненіемъ въ правахъ и другихъ націй, живущихъ на этой территоріи.

Въ истекшемъ 1905 году съ оживленіемъ политической жизни послѣ обѣщаній со стороны правительства объ обезпеченіи населенію разнаго рода свободъ, организовались то тамъ, то сямъ въ Южной Россіи національныя партіи подъ разными названіями (конституціонно-демократична, радикальна и т. п.). Ихъ программы появлялись въ разныхъ редакціяхъ то на съѣздахъ общерусскихъ партій, то въ повременной печати (напр. въ „Полтавщинѣ“, въ „Правѣ“). Но едвали теперь предстоитъ надобность слѣдить за варіаціями одной и той-же общей мысли въ прошломъ. Послѣдняя (кіевская) редакція программы объединенной украинской демократично-радикальной партіи, наиболѣе многочисленной, отпечатанная въ видѣ № 17 ея изданій, болѣе подробно развиваетъ требованія отъ желательнаго политическаго строя нашего государства. Тутъ находимъ пожеланія: уничтоженія тѣлеснаго наказанія, смертной казни, приговоровъ на вѣчное заключеніе; неприкосновенности личности, жилища и переписки безъ судебнаго приговора; свободы выбора занятій, мѣста жительства; употребленія родного языка въ частной и общественной жизни; отвѣтственности за печатное и устное слово только предъ судомъ; свободы вѣроисповѣданія, собраній, союзовъ и т. д. Территоріально-національныя области по этой программѣ должны имѣть свои мѣстныя представительныя учрежденія (рады) изъ выборныхъ всеобщимъ, тайнымъ и равнымъ голосованіемъ, съ добавленіемъ пропорціональной системы выборовъ, которая обезпечивала бы и представительство меньшинства. Украинская „Народная Рада“ устанавливаетъ мѣстную конституцію въ соотвѣтствіи съ основными общегосударственными законами, но съ непремѣннымъ условіемъ

обезпеченія правъ широкаго самоуправленія сельскимъ, городскимъ и окружнымъ единицамъ.

Оставляемъ въ сторонѣ пункты программы, относящіеся къ дѣламъ просвѣщенія, суда, церкви, полиціи, милиціи, аграрнаго рабочаго вопроса и т. п. Довольно и тѣхъ общихъ положеній политическаго содержанія, чтобы видѣть, что программа украинской демократично-радикальной партіи разсчитываетъ на смѣлость и стойкость своихъ членовъ при проведеніи въ жизнь указаныхъ положеній въ то время, когда, кажется, только одни профессора обезпечены отъ тѣлесныхъ наказаній, ибо и изъ ихъ среды арестуютъ и высылаютъ за принадлежность къ какому-либо союзу. Если украинскіе учители средней и низшей школы, литераторы и др., не смотря на аресты и высылки, съумѣютъ заступиться за избиваемую нагайками и пулеметами демократію, то можно надѣяться на возрожденіе Южной Руси. А возрожденіе это—несомнѣнно, ибо наказанія „на тѣлѣ“ никогда еще и нигдѣ не побѣждали силъ „духа“. (Страна, 6).

А. Русовъ.

Не дозволено вчити по вкраінському. Полтавська городська дума прохала міністра народньої просвіти, щоб дозволив вчити вкраінською мовою у городській школі імени Івана Котляревського в Полтаві.

Тепер оце з міністерства прийшла відповідь, що міністр не дозволив. (Гр. Д., 71).

Старая пѣсня отклоненія. Есть разныя пѣсни, старыя и новыя, хорошія и плохія; наша рѣчь идетъ о вновь прозвучавшей на этихъ дняхъ старой и плохой бюрократической пѣснѣ на излюбленный мотивъ духовнаго гнета,—имѣемъ въ виду „отклоненіе“ просьбы полтавскаго городского управленія о разрѣшеніи преподаванія въ городской начальной школѣ имени И. П. Котляревскаго на малорусскомъ языкѣ, т. е. на языкѣ Полтавы и Котляревскаго.

Котляревскій, полтавскій уроженецъ, по общему признанію, основатель новой украинской литературы и новаго малорусскаго театра. Благодарная его памяти Полтава, а съ ней и вся Малороссія, и зарубежная Галичина (на руку „единству“ Россіи) общими силами поставили Котляревскому въ Полтавѣ хорошій памятникъ, съ разрѣшенія самого Плеве, и въ добавокъ полтавское городское управленіе учредило школу имени Котляревскаго, а такъ какъ въ Полтавѣ родной языкъ малорусскій, которымъ пользуется большинство населенія, особенно низшаго, то, естественно, городское управленіе просило, чтобы въ школѣ въ память Котляревскаго дѣти могли учиться на томъ языкѣ, на которомъ говорилъ и писалъ Котляревскій, на которомъ говорятъ

нынѣ ихъ отцы и матери. Все это такъ естественно, жизненно, и вдругъ „отклонено“! Какая можетъ быть бѣда отъ того, что сотня восьмилѣтнихъ дѣтей будетъ изучать грамоту своихъ отцовъ, и неужели тутъ можетъ быть какой-либо ущербъ для „единства“ Россіи, а вотъ, навѣрно, нашлись канцелярскіе чинуши, которые въ своихъ освѣщеніяхъ и разъясненіяхъ по инстанціямъ гарцовали на конькѣ спасенія „единства“ Россіи и провалили ходатайство полтавцевъ. Они не хотятъ понять, что такимъ путемъ они оскорбляютъ всѣхъ сознательныхъ малороссовъ и въ своихъ канцеляріяхъ роютъ яму единственно устойчивому и прочному единству симпатій и привязанностей. Всякое насиліе отвратительно: но насилію надъ словомъ, надъ языкомъ цѣлаго народа нѣтъ имени. Человѣка можно убить, можно запугать; но народъ не можетъ быть убитъ, особенно его слово, какъ неприступная духовная сила. Языкъ народа нѣчто неуловимое и непреоборимое Это такая могучая защита, сравнительно съ которой всѣ крѣпости и броненосцы сущіе пустяки. На несокрушимой высотѣ стоятъ слова Шевченко.

И возвелычымо на дыво
И розумъ нашъ, и нашъ языкъ...
Та й де той панъ, що намъ закаже
И думать такъ, и говорить...
. . . . . Возвелычу
Малыхъ оттыхъ рабивъ нимыхъ.
И на сторожи коло ихъ
Поставлю слово...

Слово—не только охрана, защита, но и нива для богатой духовной жатвы.

. . . . . Орю
Свій перелигъ—убогу ныву
Та сію слово: добри жныва
Колысь-то будутъ!..

Языкъ народа—драгоцѣнность, и всякія обиды ему или расхищеніе его—великій грѣхъ и оскорбленіе Духа Свята.

Ну що бъ, здавалося, слова...
Слова та голосъ—бильшъ ничого...
А сердце бьетця, ожыва,
Якъ ихъ почуе... Знать, отъ Бога
И голосъ той, и ти слова
Идуть мижъ люде.

„Отклоненіе“ пришло въ Полтаву кстати передъ выборами членовъ въ Государственную Думу и, несомнѣнно, сыграетъ въ руку партіи Народной Свободы.

Обращаемся къ полтавцамъ съ такой близкой имъ рѣчью: „Дуже раемо вамъ, якъ щирымъ украинцамъ, швыдче берить лысты та пышыть любенько тихъ, хто йде пидъ прапоромъ вильного слова и вильнои школы; тихъ, що далы зарокъ боротысь за ваши права, за всенародну просвиту, щобъ ни одинъ хлопчыкъ або дивчына не зоставалысь безъ освиты, щобъ для украинськихъ дитей въ украинськихъ селахъ наука мусыла буты на украинській батькивкій мови. Треба звернуть на цей бикъ, бо иньши дороги заведутъ въ таки провалья, зъ которыхъ трудно выбраться.

Шкода пытать помочи або порады праворуч у людей старого порядка; воны заразъ вылають сепаратистами, крамольниками; наклычуть уряднykивъ и наче злодіивъ потягнуть въ холодиу, або закрычать — „скачы, враже, якъ панъ каже“, бо кожный зъ ныхъ на себе дывыться, якъ на пана, а на мужыка, якъ на хама, та глузуватымутъ и насмихатымутся зъ украинськои мовы, якои не знаютъ и не хочутъ знаты.

Та не звертайте и въ ливоручъ, бо заразъ почуете те, що тыждень тому назадъ въ Харькови прылюдно казавъ новый выборный въ Державну Думу Д. И. Назаренко на пытання однои мисцевои часописи про національну справу, „що въ смыслѣ общечеловѣческаго блага національность не должна существовать, и существованіе ея является нелѣпостью“. Добродій Назаренко не знае, а може и не хоче знаты, що до „общечеловѣческаго блага“ люды йдутъ по благу національному, а то швыдко выйде вже такъ багато „общечеловѣческаго блага“, що и класты его никуды. Пры такимъ погляди украинська мова тежъ „отклонена“—тилько зъ другого, ливого боку.

Люды прыхильни до народнои свободы скажутъ: „чужому научайтесь, а свого не царуйтесь“, и ця порада буде добра. Воны оборонятымуть видъ наруги и сорома „отклоненій“. Воны положать мицный мистокъ помижъ старыной и новыной, щобъ батьки и диты шлы поручь по одній стежци добра и правды. Уси народы шли и йдутъ къ „общечеловѣческому благу“ черезъ свои національни ворота, и для украинцивъ нема другого хода: або стій на однимъ мисти, якъ проклятый, поки одубіешъ, абожъ простуй до людей по своему двори и въ свои ворота.

Вертаючись до полтавського „отклоненія“, зновъ пораемо, щобъ на зустричъ ему полтавци послалы въ Державну Думу такого чоловика, который змигъ бы голосно сказать, що украинська мова—велыка частына славянства, и годи вже надъ нею знущатысь, топтаты, та все видклоняты. Ніякои корысти нема видъ того, николы не було и не може буты; а шкоды, а сорому усимъ багато, и гнобытелямъ и прыгноблен-

нымъ; колы слово стало на оборони убогыхъ и сирыхъ, то вже неможно его зворушыты, и буде воно тамъ стояты до вику, поки свитъ сонця. Ради того самого единства Россіи, за который буцимъ де-хто роспынаетця, единства державного и духовного, треба берегты сылы, для спильнои народнои праци, а не топтаты ногамы народне жыття. Здаетця, доси було вже чимало усякихъ „отклоненій“, а кому видъ того корысть? никому, а народови украинському сама шкода. Та вже тихъ „отклоненій“ зибралось такъ богато, що громадяне до ныхъ прыдывылись и личбу загубылы.

Съ такой-бы приблизительно рѣчью я обратился къ землякамъ. Кстати, въ первый день Христова Воскресенія, я получилъ изъ Таганрога отъ неизвѣстнаго мнѣ поэта А. В. Бахирева, какъ писанку, стихотвореніе „Славянскій гимнъ“:

Ликуй народъ: промчатся годы
И „старый русскій великанъ“
Подъ свѣтлымъ знаменемъ свободы
Пойдетъ къ семьѣ родныхъ славянъ.
Онъ скажетъ имъ: вы долго ждали,
„Я самъ во мракѣ скованъ былъ,
„Но свѣтъ пришелъ и цѣпи пали—
„И васъ я, братья, не забылъ.
„Пришелъ я, сбросивъ рабства бремя,
„Пришелъ, какъ братъ, а не какъ врагъ,
„Я васъ зову, родное племя,
„Подъ мой свободный, свѣтлый стягъ.
„Мы вмѣстѣ дружною семьею,
„Посѣемъ правду на землѣ
„И будемъ жить одной душою
Въ Варшавѣ, въ Прагѣ и въ Кремлѣ“.

Стихотвореніе симпатичное: но поэтъ немного поспѣшилъ; „ликовать“ пока нечего, такъ какъ цѣпи еще не пали, и, отчасти, какъ видно изъ полтавскаго „отклоненія“, еще подновляются. Потому не только Варшава и Прага, но и скромная Полтава вынуждены ждать, пока „старый русскій великанъ“ сброситъ съ себя „рабства бремя“, а разъ онъ сброситъ съ себя это рабство, его „стягъ“ сразу высоко взовьется во всемъ славянскомъ мірѣ, и всѣ свободные народы протянутъ руки своему великому свободному славянскому брату и пойдутъ

съ нимъ вмѣстѣ „сѣять правду на землѣ“. Народная душа давно уже томится отъ неправды. Въ одной грустной пѣснѣ малорусскій народъ поетъ:

Наступыла чорна хмара,
Настала ще й сыня,
Була Польша, була Польша,
Та стала й Россія.

При такомъ настроеніи въ народѣ сложились и получили широкое распространеніе горестныя пѣсни о господствѣ въ мірѣ неправды.

Нема въ свити правды, правды не зискаты,
Що теперь неправда стала панувaты...
Ужежъ теперъ правду ногамы топтаютъ,
А тую неправду медомъ напуваютъ...

Есть, однако, много признаковъ, что въ душѣ народа происходитъ глубокій переломъ; онъ выступаетъ въ поиски за правдой въ увѣренности, что правда есть, что ее нужно отыскать, и онъ ее отыщетъ, какъ бы усердно ее ни „отклоняли“. (Южн. Кр., 8749).

Проф. **Н. Ф. Сумцовъ.**

У „просвітян“ в Одеси. По газетах була у свій часъ звістка, що в Одесі заснувалося товариство „Просвіта“—яке має на меті ви, давати книжки, брошури, часописі, одкривати бібліотеки, читальні, школи і. т. и.

Довідавшись про заснування сього товариства, я поклав собі на меті навідатись при першій нагоді до Одеси й побачити на власні очі се товариство.

Незабаром нагода трапилась:

То був великий день 26 лютого. Прочитавши газетну звістку, що одеські „просвітяне“ впоряжають 26 лютого шевченківський вечір, я поклав собі на думці використати сей день—побувати на тому святі й познайомитись з товариством.

Поїхав. Першимъ свідком істнування „Просвіти“ в Одесі було р зліплене по городу оголошення про шевченківський вечіръ: на великих афішах було, між иншим, зазначено, що „вечір впоряжає українське товариство „Просвіта“... Не буду критись, що сі афіші, видруковані по українському та ще „кулішівкою“, зробили на мене чимале

враженія... Не хотілось няти віри тому, що українська нація має нарешті змогу вживати свою мову в публічному життю... Але справді, як виявилося потому, трохи зарано було радіти з сього приводу: побіч афіші „просвітян“ було наклеєно оголошення про другий шевченків вечір, що впоряжала молодіж, і се друге оголошення було вже надруковано по російському, бо, як мені казали потому, адміністрація не дозволила молодіжі друкувати українськоі оповістки... Тяжко догадатись, чому адміністрація одному дозволяє вживати українську мову для оголошень, а другому забороняє...

Не буду росповідати про впорядкований „Просвітою“ вечір; моя ціль сказаги тілки кілька слів про те, що таке товариство „Просвіта“ та в чому виявляється його робота.

Товариство наймає помешкання на Ніженський вулиці. Ідучи до того помешкання, я ще здалека угледив на будинкові вивіску „Українське товариство „Просвіта“. Захожу до помешкання. Міститься воно в кількох кімнатах; одна кімната чималенька, призначена для загальнихъ зборів товариства та вечорів, решта кімнат зайнято: під читальню, канцелярію, під виділ та кватирю доглядача за помешканням.

Загальне враженія я виніс від сіеі, здається, першоі офіціальноі українськоі інституції в межах Россіі, дуже приємне. Зала зборів товариства була вбрана рушниками та портретами українськихъ діячів, на стіні висіла також карта України... На мій запит до провідниці, дочки одного з „просвітян“, чи часто збіраються члени товариства, довідався, що у них заведено „середи“ та „суботи“: у середи відбуваються академічні збірки, на яких читаються ріжні наукові речі, а в суботи споряжаються літературно-музичні вечори (вечерниці) з співами й танцями; для сіеі цілі в залі стоіть піанино. Бувати на вечорах вільно всякому за рекомендацією члена товариства. На мій запит, які саме люде бувають на вечорах, довідався, що бувають люде ріжного стану, починаючи з інтелігентів й до кучерів та покоівок.

Товариство налічує тепер уже членів звиш трьох сотень.

Читальня зробила на мене також приємне враженія. Тут я застав на столі ось які часописі „Діло“, „Промінь“, „Громадську Думку“, „Земля і Воля“, „Рідний Край“, „Сьвіт“, „Економіст“, „Руська Рада“, „Гайдамаки“, „Буковина“, „Вісти“, „Руслан“, „Громадський Голос“, „Руська Хата“, „Шершень“ „Кіевская Старина“, „Ukrainische Rundschau“, „Kraj“, „Slowo“, один чи два часописи на литовській мові.

Вдруге кажу, що надвірня обстанова одеського товариства „Просвіта“ зробила на мене дуже приємне враженія і я, виходючи з нього, не міг не побажати в своєму серцю, щоб наша Україна хутчіш покри-

лася густо такими товариствами, котрі б будили в нашому народі національну свідомість та витворяли власну інтелігенцію. А таку іменно службу, як казав мені один з „просвітян“, одеське товариство й має на меті сповняти.

В кінці не можу не побажати, аби одеське товариство „Просвіта“ як найхутчіш роскинуло свою роботу по за межи центру города, де грунт для просвітноі роботи мабуть ще не початий.

Товариство заклопотане зараз поширенням свого помешкання, а також не в довгому часі має заснувати власну школу.

В щасливий час! (Гром. Думка, 55)

Гр. Самітний.

Українське товариство „Просвіта“ в Кам'янці. 10-го апріля подано Кам'янець-подільському губернаторові заяву, що в Кам'янці, на основі нового закону про спілки и товариства, засновується українське товариство „Просвіта“. Сподіваються, що губернатор не стане на дорозі цьому просвітному товариству, і воно почне працювати на Поділлю. А просвітної праці там дуже треба, бо з кожних десяти душ там вісім душ не вміють читати.

В новому законі про товариства, виданому 4 марта, сказано, що коли місцева адміністрація до двох тижнів після того, як подано заяву, не заборонить товариства, то через два тижні воно може почати свою роботу. Коли ж адміністрація схоче заборонити завести товариство, то мусить сказати, через віщо, і тоди діло йде в сенат. (Гром. Дум., 86).

Подаэмо проект статуту „Просвіта“:

Мета.

I. Товариство має на меті: ширить просвіту, будити національну самосвідомість й підіймати національну культуру серед украінців Поділля,

II. Щоб досягнути зазначеноі мети, товариство: 1) відкриває школи, бібліотеки, читальні й книгарні; 2) видає своі твори, а насамперед книжки, газети й листки для народнього читання; 3) організує зібрання, читанки з рефератами й бесідами про питання, що торкаються Украіни; 4) организує громадки для збірання, заховування й плекання рідноі пісні й музики; 5) закладає музеі для схованки річей, що дотикаються історіі, етнографіі, шкільноі справи й природних ознак краю; 6) для поширення просвіти серед дорослого люду заводить недільні школи, повторні й вечерні заняття з дорослими, споряжає народні читанки та систематичні курси, щоб витлумачувать народові переважно національно-політичні й правничі питання, знайомити його з медициною й

кращими способами визизку краєвого природнього багацтва; 7) ширить в народі через дрібні книгарні, рухливі вистави й через книгоношів українські газети, книжки, листки й малюнки; 8) взагалі добірає всяких культурних засобів, щоб досягти своєї мети.

III Коло товариства організуються з членів його відділи, що мають виконувати поодинокі функції, згадані у статуті товариства.

IV. Поза Камінцем організуються по Поділлю місцеві автономні відділи товариства, котрі працюють в межах товариства, присилають свої справездання в головний відділ і делегатів на загальні щорічні зборі.

V. Поодиноким членам товариства доручаються невеличкі книгозбірні, з яких книжки продаються, або й дурно пускаються в нарід, також видаються прохожим книгоношам по потребі.

Товариство.

VI. Товариство складається з членів дійсних почесних та членів-працівників.

VII Дійсні члени товариства вибираються загальними зборами й вносять у скарбницю товариську щорічно не менш трьох карбованців, або 30 карбованців за раз.

VIII. Членами-працівниками можуть бути ті, що замість членських вкладок візьмуться допомогати товариству своєю працею і будуть вибрані „Товариською Радою".

IX. Членами почесними стають ті особи, котрі чимало жертвують на товариство, або яким другим способом значно допомогають йому; вони вибираються на загальних зборах.

X. Особи, що підпишуть цей статут, яко закладчики товариства, війдуть в нього без голосування.

XI. Порядкування справами товариства належить до загальних зборів його членів та „Товариської Ради".

XII. Загальні збори скликаються по потребі самою радою, і бувають щорічні й надзвичайні.

XIII. Надзвичайні загальні збори скликаються самою радою, ревізійним комітетом, або писаною заявою не менш $^1/_{20}$ числа членів товариства, що живуть у Камінці. Коли ж число членів перевищатиме 200 чоловік, то під заявою повинні підписатися не менше, як 10 членів.

XIV Загальні збори відбуваються прилюдно під проводом голови зборів, котрий вибирається змежи членів тих зборів, окрім членів, що належать до товариської ради. На загальних зборах вибирають також писаря, котрий відає писання зборів.

XV. Загальні збори вважаються дійсними тоді, як на них зибралося не менч $^1/_5$ членів товариства, що живуть у Камінці.

XVI. Постанова про зміну й доповнення статуту товариства, про його закриття, чи про увільнення з громади товариства членів його потребує присутности на зборах $^2/_3$ членів товариства, що живуть у Камінці.

XVII. Коли загальні збори не відбулися через недостачу потрібного числа членів, то вони скликаються вдруге, не раніш двох неділь, для розгляду тих самих справ, і тоді вже відбуваються при яким будь числі присутних членів.

XVIII. Постанови на загальних зборах приймаються більшістю присутних на зборах членів, окрім тих випадків, коли розвязуються питання про зміну статуту або закриття товариства, про вибрання почесних членів, та увільнення з товариства яких буде членів; в тім разі потребується окрім присутности $^2/_3$ всіх членів, що живуть у Камінці, ще більшість $^2/_3$ голосів присутних на зборах членів.

XIX. Загальні збори: 1) зазначують порядок і розмір праці товариства в межах цього статуту; 2) закладають музеі, школи, театри, співацькі та музичні школи й гуртки, бібліотеки-читальні, книгарні, недільні школи, повторні й вечерні заняття з дорослими, народні читанки й систематичні курси; 3) організують з членів товариства свої мисцеві комітети, шкіль, ні ради, повітові відділи та зазначують ім межи працювання; 4) затверджують інструкціі задля підлеглих товариству інстітуцій; 5) розглядають і ухваляють справозданя товариськоі ради, бюджет на другий рік й відчіти ревізійного комітету; 6) зазначують спосіб придбання й збування запасних та нерухомих капіталів; 7) розглядають запитання й внесення ради та членів товариства; 9) вибирають з членів товариства; 8 чоловіка у товариську раду і 4 кандідатів до них; також 3 членів й 2 кандідатів у ревізійний комітет; 10) увільняють членів товариства таємним голосуванням; 11) розвязують питання про зміну статуту та про закриття товариства.

XX. Діяльність ради. Рада: 1) виконує всі постанови загальних зборів; 2) вибірає з членів товариства особ для порядкування книгарнями, бібліотеками, читальнями, музеями товариства й кермує іх працюванням; 3) доглядає за наукою дітей у школах; 4) запрошує учителів та учительок до шкіл товариства, а також лекторів до читанок і увільняє іх від тих обов'язків; 5) єднає працю долучених до товариства комітетів; 6) організує читання рефератів; 7) розсилає книжки й шкільні підручники школам; 8) споряжає задля побільшення коштів товариства літературні вечірки, прилюдні лекціі, вистави, збір жертвувань і. т. и.; 9) скликає загальні збори й видає усі потрібні для них распорядження;

10) подає на загальні збори своє справоздання й свої здогади на другий рік; 11) пильнує книжок що до приходу й росходу всілякаго добра товариства; 12) веде списки усіх членів товариства.

XXI. Члени ради вибірають від себе голову, його заступника, скарбника й писаря.

XXII. Рада збірається не менш одного разу в місяць по запросинах голови.

XXIII. Постанови ради тоди мають силу, коли в зібранню ії буває не менш половини членів.

XXIV. Ревізійний комітет ревізує суми, документи книжки, й маєток товариства, також щорічне справоздання ради. Наслідки ревізії зазначуються приписками у скарбовій книжці з підписами членів комітету. В кінці року комітетом складається відчіт, який подається на загальні річні збори.

Засоби товариства.

XXV. Засоби товариства складаються: а) з членських вкладок; б) дарунків; в) запомоги від яких-небудь товариств та інституцій; г) доходу від продажі книжок і праць товариства; д) доходу від прилюдних лекцій, вистав і. т. ин.

XXVI. Коли товариство закривається, то загальні збори призначують, куди передати гроші й маєтки товариства.

Къ изданію Евангелія на украинскомъ языкѣ. Въ настоящее время извѣстны четыре перевода Евангелія на малорусскій языкъ: одинъ неполный переводъ Шашкевича, составленный въ Галиціи въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка, и три полныхъ—Морачевскаго въ рукописи, Кулиша и Пулюя въ заграничномъ изданіи, и М. Ф. Лободовскаго въ рукописи. Г. Житецкій сравнилъ всѣ три полныхъ перевода и пришелъ къ выводу, что переводъ Морачевскаго, половины прошлаго вѣка, самый лучшій, легкій, подвижной. Избѣгая причастій, Морачевскій удачно обращаетъ ихъ въ придаточныя предложенія, напр., вм. „зустрине васъ чоловикъ, несучый воду у глечику“ г. Лободовскаго, вм. „и зустрине васъ чоловикъ, несучи глекъ воды“ Кулиша—у Морачевскаго проще: „тамъ встринете чоловика зъ глекомъ воды“. Морачевскій часто пускаетъ въ ходъ удачные перифразы, придающіе рѣчи оживленіе и яркость. „Нѣтъ никакого сомнѣнія—говоритъ г. Житецкій,—что Морачевскій въ высокой степени обладалъ чувствомъ народной рѣчи и, такъ сказать, психолологіей ея, и всѣ усилія прилагалъ къ тому, чтобы, не отступая отъ смысла славянскаго текста, внести въ свой переводъ

психическую ткань малорусской рѣчи и свойственные ей обороты, ея „свычаи и обычаи". Изъ нея онъ почерпалъ свое вдохновеніе. Какъ ярокъ и образенъ переводъ Морачевскаго, можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ: у Морачевскаго—Мѳ. 25, 35—„тынявся я на чужыни и вы далы мени прытулокъ", у Кулиша слабѣе: „був чужынцемъ и вы принялы мене", у г. Лободовскаго еще слабѣе: „бувъ страннымъ, и вы прыняли мене". Мораческій взвѣшивалъ каждое слово, какъ видно изъ его многочисленныхъ поправокъ, справлялся съ евангельскими текстами на другихъ языкахъ. Это былъ осторожный и вдумчивый переводчикъ, и несомнѣнно, что изданіе его перевода будетъ драгоцѣннымъ вкладомъ въ сокровищницу малорусскаго языка.

Г. Житецкій, — по словамъ „Церк. Газ.", — рекомендуетъ для предстоящаго изданія нѣкоторыя общія правила, которыя, по всей вѣроятности, и будутъ цѣликомъ приняты, какъ весьма цѣлесообразныя. Такъ г. Ж. основательно совѣтуетъ: 1) оставить неприкосновенными собственныя имена (Іисусъ вм. Исусъ, Елизавета вм. Лизавета и т. д.), 2) оставить безъ перевода такія славянскія выраженія, къ которымъ, какъ къ формуламъ, ухо давно уже привыкло, напр. „Осанна въ вышнихъ", 3) замѣнить старославянскими тѣ малорусскія слова, которыя имѣютъ въ народѣ вульгарное значеніе или иногда имѣютъ циническое приложеніе, напр., іудей вм. жидъ, перси вм. цыцькы. Такихъ словъ немного, и осторожное обращеніе съ ними въ переводѣ Евангелія представляется весьма желательнымъ и даже необходимымъ.

Українська мова в церкві. В Кам'янці-Подільському на перший день Великодня архирей Парфеній читав у соборі евангелію українською мовою. Люде і здивувалися, і зраділи, почувши в церкві рідне слово, (Гр. Д. № 82).

Могила И. П. Котляревскаго. Еще такъ недавно обновленная могила поэта Котляревскаго, кажется, вновь забыта: у подножія надгробнаго памятника, вмѣсто вѣнковъ, которые обѣщали ежегодно возлагать на могилу почитатели „батька" украинской литературы, валяются бутылки; въ оградѣ ни деревца, ни кустика, исключая полузасохшаго тополя, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшаго при расширеніи ограды. Внѣшняя сторона ограды, а также канава, отдѣляющая могилу отъ улицы, превращена многочисленными прохожими, а также рабочими сосѣднихъ кузницъ, положительно въ отхожее мѣсто. Ходъ въ ограду кѣмъ-то изъ кладбищенскихъ блюстителей порядка забитъ наглухо гвоздями, и этимъ, повидимому, ограничилась вся забота о могилѣ украинскаго поэта.

Нове видавництво. Редакція „Шершня“ оголошує, що новозасноване видавництво „Ранок“ незабаром видаватиме друковані досі лише за кордоном твори українських письменників. В першій серії будутъ видруковані твори М. П. Драгоманова: „Рай і поступ“ „Швейцарська спілка“, „Євангелська віра в старій Англії“, „Заздрі боги“, „Автобіографія“, „Вільна спілка“, „Листи на наддніпрянську Україну“, „Рецензія на царство Божіе, Л. Н. Толстого“, „Старії хартії вольности“, „Промови віри“, „Нові українські пісні про громадські справи“, „Про те, як наша земля стала не наша“, „Про хліборобство“, „Австро-руські спомини“ і инші.

Адреса видавництва: Київ, Гоголевська, 45, кв. 8

Українська граматика. Д. Євген. Тимченко викінчив останніми часами першу частину вкраїнської граматики (українською мовою) і одібрав вже дозвіл з цензури.

Українська пресса. За короткий час, коли явилась змога в Россії видавати українські часописі, нам стали відомі досі такі видання, які або вже виходять в світ, або оголосили про себе звістки.

1) **В Київі:** а) *Громадська Думка*, щоденна часопись; б) *Нова Громада*, місячник; в) *Шершень*, тижднева сатирична часопись з малюнками. Всі ці видання виходять і тепер. Крім того, губернатором дозволено видавати В. О. Козловському щоденну часопись *Українська Газета*, яка ще в світ не появлялася, та зроблена об'явка про часопись *Українське Бжільництво*.

2) **В Одесі:** *Вісті*, газета.

3) **В Полтаві:** *Рідний Край*, тижднева часопись.

4) **В Харькові:** *Слобожанщина*, щоденна газета; почала виходить, але швидко і зачинилася.

5) **В Катеринославі:** а) *Добра порада*, тижднева часопись, якої вийшло 4 номери, а далі вона була заборонена; б) *Запоріжжя*, тижднева часопись — вийшов тількі один номер, а далі заборонено.

6) **В Москві:** *Зоря*, тижднева часопись з малюнками.

7) **В Петербурзі:** *Вільна Україна*, місячник; вийшло вже три номери. Крім того, зроблена об'явка, що почне виходить тижднева часопись „Голос робітника“.

8) **В Могилеві Подільському:** *Світова Зірниця*, тижднева часопись; ми бачили 9 номерів.

9) **В Хотині:** Дано дозвіл доктору Ф. Немоловському видавати місячник „Хата“.

„Ukraïnïsche Rundschau“ — щомисяцьовий журнал німецькою мовою почавъ виходити у Відні замисто „Ruthenische Revue“. Видає посол до австрійського парламенту д. В. Яворський, редактує д. В. Кушнір. Журнал видається на те, щобъ европейськимъ читачам подавати звістки про життя українського народу в Россії та в Австрії.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„УКРАІНСЬКЕ БЖІЛЬНИЦТВО."

під редакціею

Е. П. Архіпенка.

В продовженню рока виходить 8 №№. Кожный № в розмірі 1—1½ аркуша.

Головна мета журнала росповсюжувати на Україні думкі про раціональне бжільництво (тоб-то таке, яке матиме в своім грунті розумні начала).

Відповідно сему в журналі будуть міститися статьі, котрі з'ясовуватимуть питання про природню історію бжіл; про ворогів та хвороби бжіл: про те, як доглядати за бжолами; про здобуткі від бжильництва; про уликі та темникі; про те, які найкращі для вживання в бжільництві спідручникі (струменти); про медові рослини та таке инше.

Окрім сего буде міститися все, що взагалі дотикуеться до зразкового пасічного хазяйства, а також будуть оголошуваться ріжні звісткі і закордонні (чужеземні) новинкі по бжільництву. Книгоогляд. Відповіді редакції на запитання підписчиків. Об'явкі.

Річна передплата з досиланням: у Росії—1 карб., в чужеземні державі—2 карб.

Передплатні гроші мають досилатись по адресі: Кіев, Печерск, Мілліонная, д. 9, кв. 3. **А. К. Титаренко.**

По справам редакційним звертатись в' Петербург, Суворовскій пр., д. 5, кв. 7.

Редактор-видавець **А. П. Ефремова.**

Изданія годъ III.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1906** ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

ЕЛИСАВЕТГРАДСКІЯ НОВОСТИ.

Въ 1906 г. „Елисаветградскія Новости" будутъ выходить въ увеличенномъ форматѣ по образцу столичныхъ изданій.

Въ газетѣ принимаютъ постоянное ближайшее участіе:

Князь В. В. Барятинскій, Маркъ Волоховъ, Вертеръ, Л. Григоровъ, Гарке, Голосъ (псевдонимъ), В. В. Деменитру (Иренъ), В. Т. Жукъ, Зео, А. С. Изгоевъ, З. П. Карево, Кравченко, В. С. Лапидусъ (Lapis), Е. Н. Любичъ, Н. В. Левитскій, Н. Ѳ. Марковъ, С. В. Мірской, Молчаливый, Nemo (псевдонимъ), Г. С. Орловъ, Ю. Е. Писарева, В. Т. Пономаревъ, Михаилъ Павловичъ, И. Б. Тенеромо, В. фонъ-Мореншильдтъ, Шейхъ-Гассанъ (псев.), Я. К. Яковлевъ.

Кромѣ телеграммъ собственныхъ корреспондентовъ, будутъ печататься также телеграммы „Петербургскаго Телеграфнаго Агентства".

Иллюстрированныя приложенія будутъ выходить по мѣрѣ надобности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Елисаветградѣ.		Для иногородныхъ.	
На годъ	7 р. 20 к.	На годъ	8 р. — к.
„ ½ года . . .	4 р. — к.	„ ½ года . . .	4 р. 50 к.
„ 3 мѣсяца. . .	2 р. 10 к.	„ 3 мѣсяца. . .	2 р. 50 к.
„ 1 „ . .	— р. 70 к.	„ 1 „ . .	— р. 85 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ 3 срока:

1) Въ Елисаветградѣ: при подпискѣ 3 р. 20 к., 1-го апрѣля 2 р. и 1-го августа 2 р.

Для иногородныхъ: при подпискѣ 4 р., 1-го апрѣля 2 руб. и 1-го августа 2 руб.

За пересылку за-границу доплачивается 1 р. въ мѣсяцъ.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ и во всѣхъ ея отдѣленіяхъ Главная контора и Редакція въ Елисаветградѣ.

———

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1906 годъ

на политическую, общественную, литературную и экономическую газету

„ПОЛТАВЩИНА“

Газета **„Полтавщина“**, съ переходомъ къ новому издателю, выходитъ при обновленномъ составѣ редакціи и сотрудниковъ.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: А. В. Будаговскій, Н. В. Бѣльскій, Н. А. Виташевскій, В. И. Василенко, В. Я. Головня, Е. Н. Гулькевичъ, А. А. Зиновьевъ, Я. К. Имшенецкій, В. Г. Короленко, Л. Г. Круповецкій, И. В. Лещенко, К. К. Лисовская, А. Н. Лисовскій, А. С. Ладонко, Л. Г. Левенталь, В. И. Маноцковъ (Другъ), И. Н. Присецкій, М. В. Рклицкій, Г. Г. Ротмистровъ, А. И. Смагинъ, Е. И. Сіяльскій, Ю. Ю. Соколовскій, С. Г. Семенченко, М. И. Сосновскій, Г. Е. Старицкій, В. Ф. Скальдъ, В. В. Тихоновичъ, М. И. Туганъ-Барановскій, С. К. Шарый, Д. О. Ярошевичъ, Л. Н. Яснопольскій.

Вслѣдствіе принятыхъ всѣми типографіями требованій рабочихъ о воскресномъ и праздничномъ отдыхѣ, газета „ПОЛТАВЩИНА“ по понедѣльникамъ и послѣпраздничнымъ днямъ ВЫХОДИТЬ НЕ БУДЕТЪ.

Пріемъ подписки и объявленій производится въ главной конторѣ въ г. Полтавѣ, Мало-Петровская, д. Кандыбы, въ отдѣленіи въ г. Кременчугѣ, Городовая, уголъ Мѣщанской, кварт. д-ра Лихтенштейна, противъ аудиторіи, ходъ съ Городовой. Газета **„Полтавщина“** продается во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ полтавской губ., а равно во всѣхъ книжныхъ шкафахъ Х.-Н. и К.-П. жел. дорогъ.

Въ силу циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, **„Полтавщина“** *можетъ быть выписываема въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.*

Условія подписки: на 12 мѣс. **6** р., на 11 м. **5** р. **70** к., на 10 м. **5** р. **40** к., на 9 м. **5** р., на 8 м. **4** р. **60** к., на 7 м. **4** р. **20** к., на 6 м. **3** р. **70** к., на 5 м. **3** р. **20** к., на 4 м. **2** р. **60** к., на 3 м. **2** р., на 2 м. **1** р. **35** к., на 1 м. **70** к. Разсрочка подписной платы: для годовыхъ подписчиковъ: 1 января, 1 апрѣля и 1 іюля по **2** рубля.

Съ 19-го февраля 1906 года начнетъ выходить въ С.-Петербургѣ ежедневная политическая, экономическая и общественная газета

„СТРАНА".

Раздѣляя многіе взгляды партіи демократическихъ реформъ, но не служа ея органомъ, „СТРАНА" будетъ относиться сочувственно ко всѣмъ партіямъ, имѣющимъ въ виду переустройство современнаго политическаго уклада на началахъ личной свободы, областного самоуправленія и широкаго участія народа въ законодательствѣ и контролѣ за внѣшней и внутренней политикой Россіи.

Своей задачей газета признаетъ содѣйствіе установленію въ нашемъ отечествѣ прочнаго демократическаго порядка путемъ рѣшенія неотложныхъ вопросовъ, каковы прежде всего земельный и рабочій.

Она видитъ въ распространеніи образованія въ массахъ и въ подъемѣ ихъ матеріальнаго уровня, важнѣйшее условіе для того, чтобы представительная монархія, основанная на всеобщемъ голосованіи, могла обезпечить мирное развитіе нашей странѣ.

Редакторы: **Максимъ Ковалевскій.** **Проф. И. И Иванюковъ.** Издатель: **А. Н. Александровскій.**

Девятнадцатаго февраля выйдетъ номеръ газеты, посвященный оцѣнкѣ главныхъ теченій русской мысли и жизни послѣ этого историческаго дня.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой въ Спб. и Россіи: На годъ—12 р., 11 м.—11 р., 10 м.—10 р., 9 м.—9 р., 8 м—8 р., 7 м.—7 р., 6 м.—6 р., 5 м.—5 р., 4 м.—4 р., 3 м.—3 р., 2 м.—2 р. 20 к., 1 м.—1 р. 10 к.,

За границу: На годъ—24 р., 11 м.—22 р., 10 м.—20 р., 9 м.—18 р., 8 м.—16 р., 7 м.—14 р., 6 м.—12 р., 5 м.—10 р., 4 м.—8 р., 3 м.—6 р., 2 м.—4 р., 1 м.—2 р.,

Для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскихъ священниковъ, учителей и учительницъ: на годъ—8 р., 10 м.—7 р., 6 м.—4 р., 3 м.—2 р. 25 к., 2 м.—1 р. 50 к. и 1 м.—80 к.

Адресъ редакціи: Невскій 92.

Подписка принимается въ Главной конторѣ газеты „СТРАНА". Спб., Невскій 65, ежедневно отъ 10 до 5 час. дня.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ.

(Двадцать седьмой годъ)

на ежемѣсячное-литературно-политическое изданіе

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Условія подписки:

	годъ	9 м.	6 м.	3 м.	1 м.
съ доставкой и перес.	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
за границу:	14 р.	10. 50.	7 р.	3. 50.	1. р. 25

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ годовой цѣны журнала

Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается.

Адресъ редакціи: Москва, Ваганьков. пер. домъ Куманина. Отдѣленіе конторы. СПБ кн. маг. Н. П. Карбасникова.

Редакторъ *В. М. Лавровъ.*

Редакторъ-издатель *В. А. Гольцевъ.*

———

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ.

XI ГОДЪ ИЗДАНІЯ

на еженедѣльный сельскохозяйственный журналъ

ХУТОРЯНИНЪ.

органъ Полтавскаго общества сельскаго хозяйства.

цѣна 2 р. въ годъ, на полгода 1 р.

Программа: 1) Правительственныя распоряженія и извѣстія. 2) Дѣятельность мѣстныхъ сельскохозяйстаенныхъ обществъ, ихъ отдѣловъ и отдѣленій. 3) Статьи по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ, экономическія и техническія. 4) Хроника, сельскохозяйственное обозрѣніе и корреспонденціи. 5) Сельскохозяйственная и экономическая дѣятельность земскихъ учрежденій. 6) Библіографія и обзоръ сельскохозяйственной и экономичсской литературы. 7) Сельскохозяйственный фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговыя извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія.

Кромѣ еженедѣльныхъ номеровъ въ размѣрѣ 2—3 печатныхъ листовъ подписчикамъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будутъ высланы безплатныя преміи.—Въ 1905 г. всѣмъ гоо. подписчикамъ были разосланы помимо сѣмянъ кормовыхъ растеній „Справочникъ по устройству учрежденій мелкаго кредита, потребительныхъ обществъ и сельскохозяйственныхъ обществъ малаго раіона“.

Плата за объявленія: за одну строку петита въ концѣ текста 8 коп., впереди — вдвое.

Подписка принимается въ г. Полтавѣ — въ конторѣ редакціи „Хуторянина“ при Полтавскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства.

———

ГРОМАДСЬКА ДУМКА

щоденна політична, экономична і літературна газета, виходить у Київі з січня [января] року 1906.

ГРОМАДСЬКА ДУМКА. дає щоденный огляд життя політичного, громадського, економічного і літературного на Україні, в Россії й по чужих замлях; звістки про всякі світові події, цікаві нашим людям; поезії та оповідання, наукові фельєтони і т. п.

В ГРОМАДСЬКІЙ ДУМЦІ досі згодились писати: проф. Антонович В., Балабуха С., Бондаренко Ів., Боржковський В., Василенко М., Верзилов А., Винниченко Вол., Волох С., Вороний М., Ганейзер Е., Гнатюк В., Грінченко Б., Грінченко М., (Загірня), Григоренко Гр., проф. М. Грушевський, Грушевський Ол., Дмитріев М., ДніпроваЧайка, Доманицький В., Дорошенко В., Дорошенко Д., Єфремов С., Жебуньов Л., Житецький П., Квасницький Є., Квітка К., Коваленко Гр., Козловський В., Комаров М., Комарова Г., Коношенко А., пр-доц. Корчак-Чепурковський А., Коцюбинский М., Кошовий В., проф. Кримський А., Левіцький М., Леонтович В., Липа Ів., Липковський С., Лисенко М., Лісовський Ол., Лозинський М., Лотоцький Ол., Маковей О. Марковић Д., Матушевський Ф., Мирний П., Мировець В., Науменко В., Падалка Л., проф. Перетц В., проф. Погодин. А., Русова С., Русов О., Самійленко В. (Сивенький), Славинський М., Сластьон О., Смуток П., Сьогобочній. Гр., Степаненко В., Тимченко Є, Туган-Барановський М., Франко Ів., Чернявський М., Чикаленко Э., Шраг І., Яновська Л. Ярошевський Б. та инші.

Ціна газеті **ГРОМАДСЬКА ДУМКА** на рік **4** карб., на пів року **2** карб., на **3** місяці **1** карб., на **1** місяць **50** коп. з пересилкою. За кордон на рік **9** карб., на пів року **4** карб. **50** коп.

ГРОМАДСЬКА ДУМКА виходить що-дня, окрім понеділків та після свят Адреса редакції **ГРОМАДСЬКОІ ДУМКИ**—у Київі, Михайлівська у., ч. 10.

Видає і за редакцік відповідає ***Володимир Леонтович***.

НОВА ГРОМАДА

літературно-науковий місячник, виходить з січня року 1906.

НОВА ГРОМАДА міститиме твори красного письменства (поезії, оповидання, повісти, драматичні твори), наукові й публіцистичні статі, огляди політичного і громадського життя на Україні й по-за ії межами і т. и.

НОВА ГРОМАДА має тих самих співробітників, що і Громадська Думка; виходить що-місяця книжками по 10 аркушів друку.

Ціна з пересилкою на рік **6** карб., за кордон — **8** карб. **50** коп., окрема книжка коштує **75** коп.

Гроші можна присилать частинами: 2 карб. замовляючи, 2 карб. 1 травня і 2 карб. 1 вересня, або 3 карб. при замовленню і 3 карб 1 липця.

Адреса редакції НОВА ГРОМАДА — в Київі, Михайлівська ул., ч. 10.

Видає і за редакцію відповідає *Володимир Леонтович*.

Съ марта настоящаго года въ г. Черниговѣ издается общественно-политическая, экономическая и литературная ежедневная газета.

ДѢСНА

Особеннее вниманіе въ газетѣ удѣлено мѣстной жизни.

При газетѣ предполагаются литературныя, экономическія и сельско-хозяйственныя приложенія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Съ начала выхода до конца 906 г.	За 6 мѣс.	За 3 мѣс.	За 1 мѣс.
Иногороднимъ - -	5 р. —	3 р. 50 к.	2 р. — к.	— р. 70 к.
Гордскимъ - - - -	4 р. —	3 р. — к.	1 р. 60 к.	— р. 60 к.
Для сельскаго духовенства, сел. учителей, фельдшер., рабочихъ и крестьянъ -	3 р. —	2 р. — к.	1 р. —	— р. 40 к.
За границу - - -	11 р. —	7 р. — к.	—р. —	— р. — к.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: Балабуха С. П., Барановъ А. П. Бунинъ И. А. Бунинъ Ю. А., Вервицкій Ф. Н., Верзиловъ А. В, Винаверъ М. М, Вороной Н. К., ГалимскійН. К., Гарлицкій Э. Ф., Гаршинъ А. Г., Глѣбовъ А. Л., Добровольскій Е. П, кн. Долгоруковъ Паб. Д., кн. Долгоруковъ П. Д., Ивановъ И. В. Имшенецкій М. К. Кальмансонъ Я. М., Каминеръ Б. И., Коновалъ И. Е. Коцюбинскій М. М., Ласкаронскій А. П., Лисенко С. И., проф. Лучицкій И. В., проф. Милюковъ П. Н., Могилянскій М. М., Мухановъ А. А, Пахарнаевъ В. А., Петрункевичъ И. И., Полторацкій И. Н., Русова С. Ф., РусовъА. А., Святославскій Е. В., Селюкъ В. Ф., Соколовскій И. Н., Соколовскій Г. Н. Струве П. Б., Татаринова О. В., Фарбовскій В. И., Хижняковъ В. М., Хирьяковъ А. М. Хлодовскій Н. Е., кн. Шаховской Д. И., Шрагъ И. Л. и друг.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ газеты въ г. Черниговѣ.

Розничная продажа 3 коп. за номеръ.

Плата за объявленія: За строку обыкновеннаго шрифта въ 1-й разъ 10 к., во 2-й и 3-й—по 7½ коп., при дальнѣйшемъ помѣщеніи значительная уступка. За мѣсто на первой страницѣ взымается вдвое. Для предлагающихъ личный трудъ—30 коп. за объявленіе.

Адресъ Редакціи и конторы: Богуславская ул., д. И. Я. Селюка Контора открыта для пріема подписки и объявленій отъ 10 ч. утра до 2-хъ дня и отъ 5 ч. до 7 ч. вечера съ 6 сего марта.

Редакторъ-Издатель **В. М. ХИЖНЯКОВЪ.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

Историческій журналъ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XCII.

1906 г.

МАЙ – ИЮНЬ.

КІЕВЪ.
Типографія И. А. Гирячъ, Трехсвятительская улица, соб. домъ № 14.
1906.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I ОТНОШЕНІЕ ВЕЛИКОРУССКИХЪ СОЦІАЛИСТОВЪ 70-хъ ГОДОВЪ КЪ НАРОДНО-ФЕДЕРАЛЬНОМУ НАПРАВЛЕНІЮ . . . . . 1—42

II ВОСПОМИНАНІЯ И АВТОБІОГРАФІЯ ОДЕССКАГО ПРОТОІЕРЕЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СОКОЛОВА. (Продолженіе) . . . . . 43—62

III ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ КОНЦА 40-хъ ГОДОВЪ. *П. П. Сокальскій.* 63—71

IV ИЗЪ ЖИЗНИ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ ВЪ 1840-хъ ГОДАХЪ. *О. Левицкій* . . . 72—87

V ЖИТТЯ І ТВОРИ ВІКТОРА ЗАБІЛИ. *В. Мировия* . . 88—178

IV ТЕМНОТА *Ю. Будяка.* . . . . . 178—183

VII НЕ В РУКУ . . . . . 184—190

VIII ОТЧЕТЪ О ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІИ Н. И. КОСТОМАРОВА . . . . . 191—230

Отдѣлъ II.

I БИБЛІОГРАФІЯ: Д. И. а) Яворницкій. Наша доля—Божа воля. Повисть. *Д-въ;* б) Украиньске весилля. Записавъ Ив. Демченко. *Владиміръ Даниловъ.* . . . . . 1—5

II ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи матеріальнаго положенія малороссійскаго духовенства въ 18 вѣкѣ. Сообщ. *Вл. П-ко;* б) Разведеніе табаку въ Малороссіи въ 1760 годахъ. Сообщ. *Вл. П-ко;* в) Къ исторіи Кіево-Софійскаго собора. Сообщ. *Вл. П-ко;* г) Къ народной демонологіи Сообщ. *Вячеславъ Каминскій;* г) Непонятная тревога. *О. Л.;* д) Стихотвореніе ссыльнаго украинца половины XVIII ст. *Г. Б.;* е) Маленькі додатки до матеріалів, записанных в с. Отаках. Сообщ. *В. Яблоновскій* ж) Изъ прошлаго Полтавщины: 1) Жалоба еврейскаго раввина въ думу о несоблюденіи евреями обрядовъ; 2) Договоръ между мѣщанами о добровольномъ поступленіи въ рекруты за плату. Сообщ. *И. Фр. Павловскій* 6—21

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . . 22—30